

ДЖ. ФЛЕТЧЕР

О ГОСУДАРСТВЕ
РУССКОМ

Джилльс Флетчер

О государстве Русском

Предисловие

Сочинение Джилльса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» («О Русском Государстве») появилось в Лондоне в 1591 году.

Автор его приехал в Россию в ноябре 1588 года в качестве посланника английской королевы Елисаветы к царю Феодору Иоанновичу. Флетчеру поручено было вести переговоры с Московским правительством по поводу предоставленной английской торговой компании в Москве монополии на беспошлинную торговлю с Россией. Миссия его не увенчалась успехом, и летом 1589 года он уже покинул Россию, немало раздраженный против Московского правительства.

Следы этого раздражения сказались и на книге его, так что Московская английская компания, опасаясь, как бы это сочинение, попав в Москву, не оскорбило русское правительство и не вызвало неудовольствия его против всех англичан, торговавших с Россией, просила министра Сесилия запретить книгу, что и было исполнено.

Флетчер, по возвращении из России, занимал должность городского секретаря в Лондоне, затем — рекетмейстера королевы и казначея церкви св. Павла, и умер в 1610 году. Следует, кроме того, упомянуть, что, обнародовав свою книгу о России, он надеялся получить

звание историографа королевы Елисаветы, но это ему не удалось.

Сочинение Флетчера делится на три части: в первой части даются сведения о космографии, географии и природе страны (гл. I–IV); вторая содержит в себе характеристику государственного строя (гл. V–XIII), суда (гл. XIV), военных сил (гл. XV–XX) и церковного устройства (гл. XXI–XXV) Московского государства; наконец, в третьей части рассматривается экономический и частный быт русского народа (гл. XXVI–XXVIII). По ясности и стройности изложения, по богатству содержания, по образованности автора (который был доктором прав) книга Флетчера занимает почетное место среди сочинений иностранных писателей о России в XVI веке. Несмотря на одностороннюю окраску, приданную автором своему описанию, на тенденциозность многих его известий, на поспешность делаемых им обобщений, книга Флетчера является незаменимым источником сведений о состоянии Московской Руси после царствования Иоанна Грозного, и изучение ее необходимо для всякого занимающегося историей России в XVI столетии.

Но, как и всякое другое произведение иностранца о древней Руси, сочинение Флетчера не может быть целиком принято на веру; оно требует критической проверки на основании показаний местных, русских источников или путем сопоставления его с другими известиями иностранцев. Такая проверка была произведена С. М. Середониным в книге его «Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник» (СПб., 1891).

«Макиавеллева политика Московских государей» — вот как формулирует господин Середонин основную мысль книги Флетчера. Противоположность интересов трех общественных классов — дворянства, духовенства и простого народа — способствует, по мнению Флетчера, могуществу центральной власти, которая для удержания этого могущества в своих руках сознательно раздувает вражду между сословиями, пользуясь одним из них для угнетения другого.

Интересы власти и интересы страны представлены Флетчером прямо противоположными друг другу. Он видит на каждом шагу беззакония, отсутствие неприкосновенности личности и собственности, притеснения и злоупотребления администрации; а между тем власть царя кажется ему безграничной, административная и военная сила, на которую он опирается, — громадной, и он не может иначе объяснить себе, почему эта власть терпит подобные явления, когда в ее руках все средства для их искоренения, как сознательным с ее стороны стремлением сеять вражду и озлобление между классами, чтобы лучше ими править и упрочить окончательно свое собственное положение. Отношения центральной власти к населению и к местным властям, по схеме Флетчера, проникнуты, вследствие указанной им черты, глубоким недоверием; так, например, говоря об администрации областей, он уверяет, что местным администраторам даже не присвоено правительством, из-за подозрительности последнего, право суда по уголовным делам, причем он игнорирует то обстоятельство, что там, где были введены подобные учреждения, само население чрез своих выборных имело право приговаривать преступников к наказанию до смертной казни включительно. Этой же

подозрительностью центральной власти Флетчер объясняет частую смену наместников и воевод, практиковавшуюся будто бы с той только целью, чтобы они не заводили связей с местным населением.

Не заметив разницы «между намерениями правительства и исполнением его предписаний его агентами», Флетчер приписывает центральному правительству и, в конечном счете, самим царям Московским, такую лукавую политическую систему, о которой они в действительности не могли иметь и представления, и часто не видит, сквозь призму этого предвзятого и тенденциозного взгляда, как на самом деле управлялся русский народ и какие условия мешали правительству вводить те улучшения, которые диктовались, по мнению ученого иностранца, самим существом дела и требованиями жизни. Отсюда — резко отрицательное отношение Флетчера к целому ряду явлений русской жизни, в особенности же — к деятельности центральной власти.

Если б он пригляделся к этой жизни поближе и не стремился во что бы то ни стало применять к ней свою западноевропейскую и даже специально английскую мерку, то он увидел бы, что многое из осуждаемого им в строе Московского государства объясняется условиями, при которых это государство слагалось и росло, что правительство не было еще в силах справиться с рядом задач, которые ставились ему жизнью, — а не сознательно, как он думает, игнорировало необходимость их удовлетворения, что отношения между отдельными классами населения не были так просты и не стояли друг перед другом в таком элементарном антагонизме, как он это себе представлял.

Эту основную ошибку Флетчера следует иметь в виду при пользовании его сочинением. И тем не менее, нельзя назвать ни одного сочинения иностранного писателя о России во второй половине XVI века, которое могло бы сравниться с книгой Флетчера по своему научному значению. Большинство этих писателей обращало свое внимание на отдельные эпизоды русской истории за этот период, но никто не дал такой полной и многосторонней характеристики всей жизни Московского государства и общества, никто не затронул одновременно стольких сторон и явлений этой жизни, как то сделал Флетчер. В этом — несомненная и незаменимая ценность его труда, ставящая его в один ряд с сочинениями Герберштейна для первой половины XVI столетия, Олеария, Мейерберга и Котошихина — для XVII, и если он во многих случаях впал в ошибку от недостаточно глубокого знакомства с описываемым предметом или слишком сильного стремления обобщать отдельные явления, то эти погрешности искупаются широтой плана всей книги, стройностью его выполнения и сохранением для исторической науки целого ряда таких подробностей, которые иначе остались бы совершенно неизвестными.

Если вспомнить при этом, что Флетчер пробыл в России меньше года и писал свое сочинение сравнительно очень краткое время, то следует признать, что нужны были особая наблюдательность и исключительные дарования, чтобы суметь в стройном изложении включить в эту книгу ту массу разнообразных сведений о русском государстве, какую мы в ней находим. Флетчер пользовался сочинениями иностранцев, преимущественно англичан, посетивших Россию до него, многое узнал из расспросов живших в

Москве своих соотечественников, а также и русских людей, но главную часть своих известий основал на личных наблюдениях, и эти наблюдения являются наиболее интересной и ценной частью его труда. Если из этих наблюдений он вывел заключения односторонние и неблагоприятные для современной ему Руси, то это объясняется тем, что он не сумел, как и большинство иностранцев, посещавших Россию, понять характер русского народа, угадать его стремления и предвидеть его будущую роль в истории. Но для этого нужно было сжиться с этим народом, чего Флетчер сделать не мог.

Господин Середонин, в заключительных строках упомянутого своего сочинения, делает следующий общий вывод из произведенного им детального разбора книги Флетчера: «Стройно и ясно изложил Флетчер механизм государственный и общественный конца XVI века в Московском государстве; подробное изучение отдельных сторон этого механизма показало, что он был гораздо сложнее, чем думал Флетчер; отдельные части оказались не всегда верно начертанными; но если и теперь еще можно найти у Флетчера много интереснейших подробностей, то неудивительно, что за несколько десятков лет назад сочинение Флетчера было важнейшим источником по вопросу о внутреннем состоянии государства в конце XVI века. Но, хорошо изложивши самый механизм, Флетчер вовсе не понял, чем он приводится в движение; оттого у читателя (как и у самого Флетчера) получается превратное представление о всем строе государства. Во всяком случае русская историческая наука будет благодарна Флетчеру за сохранение массы интересных фактов».

Первая попытка обнародовать перевод сочинения Флетчера сопровождалась инцидентом, который

представляет характерный эпизод в истории русского просвещения в Николаевскую эпоху.

Перевод был предпринят по инициативе Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, исполнен князем М. А. Оболенским и появился в первой книге издававшихся Обществом «Чтений» за 1848 год. Тотчас же по появлении перевода находившийся в то время в Москве министр народного просвещения граф С. С. Уваров приказал изъять из обращения книгу «Чтений» и опечатать отдельные оттиски перевода Флетчера, отнюдь не допуская их в продажу. Эта мера вызвана была содержанием книги Флетчера, в которой усмотрены были оскорбительные для России, русских монархов и русской церкви отзывы, но скрытым побуждением к такому распоряжению явилась давняя вражда между графом Уваровым и попечителем Московского университета графом С. Г. Строгановым, состоявшим председателем Общества Истории и Древностей. Уваров воспользовался представившимся ему случаем свалить Строганова, придравшись к тому, что находившееся под его руководством Общество напечатало сочинение, изображавшее в мрачных красках прошлое России и оскорблявшее патриотическое чувство. Это и удалось Уварову: Строганов получил высочайший выговор и вышел в отставку. Вместе с тем, секретарь Общества, профессор славяноведения О. М. Бодянский, был отчислен от этого звания и переведен из Московского университета в Казанский.

Так, на расстоянии двух с половиной веков повторилась с книгой Флетчера одна и та же история: в первом случае, как мы знаем, она была запрещена у себя на родине, по ходатайству английских торговых людей в

Москве, из чисто практических соображений: боялись, что резкость ее тона по отношению к России оскорбит Московское правительство и тем вызовет репрессии против англичан, пользовавшихся его покровительством в торговых делах; во втором случае запрет, который на нее лег и не был снят с нее в течение почти 60 лет, был снова обусловлен соображениями об оскорбительности ее для русского национального чувства, но в действительности на этой почве сводились закулисные счета между двумя враждовавшими сановниками.

«Это в порядке вещей на святой Руси, — писал по этому поводу А. В. Никитенко, — где такие явления между государственными людьми только доказывают обычную и глубокую безнравственность, к которой все привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей истории? За что пострадал секретарь Общества Бодянский, которого велели удалить в Казань? За что парализовано Общество, оказавшее немало услуг науке?»

В настоящем издании перепечатывается полный текст перевода, появившийся в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» 1848 г.; но в этот текст внесены некоторые исправления (в главах X и XI) согласно указаниям, сделанным господином Середониным в его книге.

Князь Н. В. Голицын

О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны

Лондон 1591

Содержание означено в оглавлении, помещенном перед началом сочинения Ее Высокому Королевскому Величеству.

Всемиловитейшая Государыня!

Быв отправлен Вашим Величеством по делам службы к Русскому Царю, я наблюдал положение и обычаи его земли, а по возвращении оттуда, приведя в некоторый порядок мои заметки, осмелился поднести их в настоящем небольшом сочинении Вашему Высокому Королевскому Величеству. Цель моя при этом была та, чтобы записать для себя предметы более важные, нежели забавные, и преимущественно истинные, а не странные. В образе тамошнего правления Ваше Величество изволите усмотреть не только весьма удивительную, но и действительно существующую, форму государства тиранического (далеко не сходную с образом Вашего правления), без истинного познания о Боге, без письменных законов, без общего правосудия, кроме того, которому источником служит закон изуственный,

то есть правительственные власти, имеющие сами крайнюю нужду в законе для того, чтобы обуздать их собственную несправедливость. Поступки их, в какой степени они тягостны и бедственны для несчастного угнетенного народа, населяющего эту страну, в такой же мере могут подать мне и другим верноподданным Вашего Величества справедливый повод признать себя счастливыми и благодарить Бога за истинно королевское и милостивое правление Вашего Величества, Вам же доставить более утешения и радости тем, что в Вашем Королевстве Вы повелеваете не рабами, а подданными, которые исполняют свои обязанности из любви, а не из страха. Отец Всемогущий да наградит Ваше Величество долговременным и счастливым правлением в сей жизни, а в жизни будущей да примет Вас Иисус Христос в свое Царствие!

Вашего Величества всепокорнейший подданный и слуга Д. Флетчер

Содержание всего сочинения:

1. Космография страны.
1. Управление государством.
2. Судопроизводство.
3. Военное устройство.
3. Экономия или частный быт.
4. Состояние церкви.
2. Государственный быт.

1. Управление государством

1. Широта, длина и название областей.
2. Почва и климат.
3. Естественные произведения.
4. Главные города.
5. Дом или род русского царя.
6. Коронование русских царей.
7. Образ правления.
8. Земский собор и его заседания.
9. Русское дворянство и средства, употребляемые к его ослаблению согласно с видами правительства.
10. Управление областями или княжествами.
11. Царская Дума.
12. Подати и другие доходы царя, сумма их и средства к их увеличению.
13. Простой народ и состояние его.

2. Судопроизводство

14. Общественное правосудие и судопроизводство.

3. Военное устройство

15. Военные силы, военачальники и жалованье их.
16. Сбор, вооружение и снаряжение войска в поход.
17. Походы, нападения и другие военные действия.

18. Приобретения и способ удержания завоеванных областей.

19 и 20. Пограничные народы во время войны и мира.

4. Состояние церкви.

21. Власти и чины духовные.

22. Церковная служба и совершение таинств.

23. Догматы русской церкви.

24. Брачные обряды.

25. Другие обряды русской церкви.

3. Экономия и частный быт.

26. Домашняя жизнь царя.

27. Придворный штат царя.

28. Частная жизнь и обычаи русского народа.

Глава первая

Описание России, широта и длина ее и название областей

Россия некогда называлась Сарматией. Название свое переменяла она (по мнению некоторых) от раздробления на разные мелкие, но самостоятельные, области, независимые и неподвластные одна другой, ибо слово «роз» на языке русском значит то же, что и разъединить или разделить. Русские рассказывают, что четыре брата: Трувор, Рюрик, Синеус и Варяг разделили между собой северные части этой страны, между тем как

южные находились также в руках других четырех братьев: Кия, Щека, Хорива и их сестры Лыбеди; каждый из них назвал свою область по своему имени. От этого разделения вся страна получила название Россия, около 860 года от Р.Х. Что касается до предположения, найденного мною у некоторых космографов, что русские заимствовали свое имя от Роксоланов и составляли с ними один и тот же народ, то оно не заслуживает вероятия, — как по словопроизводству (которое очень натянуто), так в особенности по месту жительства Роксоланов, находившегося (по свидетельству Страбона) между двумя реками, Танаисом и Борисфеном, совершенно в противоположной стороне, чем Россия.

В то время, когда эта земля называлась Сарматией, она разделялась на две главные части: Белую и Черную. Белая Сарматия заключала в себе все пространство, лежащее к северу и со стороны Ливонии, как то: области, называемые теперь Двинском, Важской, Устюжской, Вологодской, Каргопольской, Новгородской и проч., коих столицей, или главным городом, был Новгород Великий. Черной Сарматией называлась вся страна, лежащая на юг к морю Евксинскому, или Черному, как то княжества: Владимирское, Московское, Рязанское и проч.

Некоторые полагали, что название Сарматии было первоначально заимствовано от одного Сармата, которого Моисей и Иосиф называют Сармофом, сына Иектанова и племянника Эвера, из поколения Симова; но это, кажется, одна догадка, основанная на сходстве с именем Сармоф, потому что место жительства всего Иектанова потомства, по описанию Моисея, находилось между Мешою, или Маси (горою Амонитской), и Са-фиром, близ реки Евфрата. Вот почему невероятно,

чтобы Сармоф основал какие-нибудь колонии так далеко в странах северных и северо-западных.

Россия граничит к северу с Лапонией и Северным Океаном; к югу — с землей татар, называемых крымскими; с восточной стороны живут татары нагайские, владеющие всем краем на восток от Волги к Каспийскому морю; на западной и юго-западной границе лежат Литва, Ливония и Польша.

Вся страна, находясь теперь под правлением одного Государя, заключает в себе следующие главные княжества, или области: Владимирскую (которая занимает первое место в титуле царей, потому что дом их происходит, от князей этой области), Московскую, Нижегородскую, Псковскую, Смоленскую, Новагорода Великого (или Новагорода низовские земли)^[1], Ростовскую, Ярославскую, Белоозерскую, Рязанскую, Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую, Галицкую. Это коренные области, принадлежащие России; но они гораздо более и обширнее английских широв, хотя менее населены. Прочие области и земли, завоеванные русскими царями и присоединенные ими недавно к другим владениям, суть следующие: Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Черниговская, Удорская, Обдорская, Кондийская, со значительной частью Сибири, коих жители хотя и не коренные русские, однако повинуются русскому царю, управляются законами его земли и платят подати и налоги наравне с его собственным народом. Сверх того ему подвластны царства Казанское и Астраханское, недавно завоеванные. Что же касается до

---

¹ Это объяснение, очевидно, следует отнести к Новгороду Нижнему, а не Великому (*здесь и далее прим. перев.*).

всех владений его в Литве (коих до 30-ти значительных городов и более) с Нарвою и Дерптом в Ливонии, то они совсем утрачены, будучи отняты в последние годы королями Польским и Шведским. Все эти княжества или области подведены под четыре управления, называемые Четвертями, то есть тетрархиями или четвертными частями. О них мы будем говорить в главе о провинциях и образе их управления.

Вся страна занимает большое пространство в длину и ширину. От севера к югу (если мерить от Колы до Астрахани, что будет несколько по направлению к востоку) она простирается в длину на 4260 верст или миль. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, далеко за Колу, до реки Tromcshua, которая протекает 1000 верст, гораздо за Пешенгу, к Вардгузу, но они не принадлежат ему исключительно, и границы их не определены еще ясно, потому что короли Шведский и Датский имеют там, так точно, как и русские, несколько городов, которые между собой перемешаны; почему каждый из них объявляет свое притязание на все эти северные области. Широта (если идти от той части, которая лежит далее на запад со стороны Нарвы, и до тех мест Сибири на востоке, где находится царская пограничная стража) простирается на 4400 верст или около того. Верста (по их счислению) содержит в себе 1000 шагов, четвертью менее английской мили. Если бы все владения русского царя были обитаемы и заселены так, как заселены некоторые места, то едва ли бы мог он удержать их под своей властью, или же переселил бы всех соседственных государей.

Глава вторая

О почве и климате

Почва в России большею частью песчана, но весьма разнообразна для земных произведений. В северной части к пристани св. Николая и Коле и в северо-восточной к Сибири вся земля, по самому климату и чрезвычайной стуже, зимой бесплодна и покрыта непроходимыми лесами. Пространство вдоль реки Волги, между царствами Казанским и Астраханским (где, однако, почва весьма плодородна), также не заселено, за исключением той части на Волге по западному берегу, где царь имеет несколько крепостей с пограничной стражей. Причиной тому крымские татары, которые сами не строят городов для житья (ибо ведут дикую и кочевую жизнь) и не позволяют русским (коих военная сила весьма отдалена) населять эти страны. От Вологды (лежащей почти в 1700 верстах от пристани св. Николая)^[2] до Москвы и далее, на юг, к границе Крыма (пространство одинаковое, вмещающее в себе также 1700 верст или около того), почва весьма плодородная и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебородных полей, леса и воды в большом изобилии. То же должно сказать о пространстве между Рязанью (лежащей на юго-востоке от Москвы) и Новгородом и самой отдаленной частью Пскова, на северо-запад. Между Москвой и Смоленском (на юго-запад к Литве) почва также весьма плодородна и местоположение приятное.

---

² Так в подлиннике, ошибкой, вместо 700, равно как ниже

Различные времена года здесь все изменяют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом. Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда на один или два ярда; такой снег больше бывает на севере. Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев, именно, от начала ноября и до конца марта, когда снег начинает уже таять. От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод. В это время морозы бывают так велики, что вода, выливаемая по каплям или вдруг, превращается в лед, не достигнув еще земли. В самый большой холод, если возьмете в руки оловянное, или другое какое металлическое блюдо, или кувшин (разумеется, не в комнате, где устроены печи), пальцы ваши тотчас примерзнут, и, отнимая их, вы сдерете кожу. Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас. Не одни путешественники, но и люди на рынках и на улицах, в городах, испытывают над собой действие мороза: одни совсем замерзают, другие падают на улицах; многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении; иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их: тогда жители принуждены бывают спасаться бегством. Напротив, летом все принимает совершенно другой вид: леса (большой частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены (и это выше юга), такое множество разнообразных цветов и птиц (по большей части

соловьев, которые здесь, кажется, голосистее и разнообразнее, нежели где-либо), что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием.

Такой быстрый переход от зимы к весне происходит, кажется, от благодетельного влияния снега: всю зиму лежит он на земле белым покровом и защищает ее от мороза, а весной (когда солнце начнет греть и превращает его в воду) проникает и увлажняет землю, отчасти песчаную, так глубоко, что травы и растения, от действия солнечных лучей, показываются и всходят в короткое время во множестве и в большом разнообразии. Как холодна зима, так лето чрезвычайно жарко, в особенности в июне, июле и августе: здесь оно гораздо жарче, чем в Англии.

Вся страна повсюду обильно орошается ключами, реками и озерами. В изобилии вод виден промысел Божий, ибо, если некоторые внутренние области и находятся на расстоянии 1000 миль или более от моря, то множество рек, которые, впадая одна в другую, все текут в море, заменяют этот недостаток. Озер также много, и они весьма значительны; некоторые, при соразмерной ширине, имеют в длину 60, 80, 100 и 200 миль.

Главные реки:

1-я. Волга, которая берет начало у корня ольхового дерева в 200 верстах от Ярославля, где, от слияния других рек, так увеличивается, что имеет в ширину одну английскую милю или более, и изливается в Каспийское море, протекая 2800 верст или миль.

2-я. Борисфен (теперь называемая Днепром), которая, отделяя Россию от Литвы, впадает в Евксинское море.

3-я. Танаис или Дон (древняя граница между Европой и Азией) выходит из озера Рязанского^[3] и, протекая чрез землю крымских татар, впадает в большое морское озеро или болото (называемое Меотпийским), близ города Азова. По реке Дону (как уверяют русские) можно из города Москвы доехать водою до Константинополя и во все части света, перетаскивая только лодку (по обычаю их) через небольшой перешеек или узкую полосу земли. Впрочем, это недавно было доказано одним посланником, отправленным в Константинополь, который плыл сперва Москвой-рекою, потом вошел в другую, называемую Окой, тут перетащил лодку свою в Дон, а отсюда уже всю дорогу плыл водою.

4-я. Называется Двиной; она имеет несколько сот верст в длину и на севере впадает в залив св. Николая. У берегов ее к морю возвышаются большие алебастровые скалы.

5-я. Двина, впадающая, близ города Риги, в Балтийское море.

6-я. Онега, которая впадает в залив близ Соловков, в 90 верстах от пристани св. Николая. Под городом Каргополем эта река встречается с рекою Волоксою, которая близ города Ями изливается в Финский залив. Следовательно, из пристани св. Николая до Финского залива и потом до Зунда можно плыть все водою, чему русские и делали опыт.

---

³ Должно быть, ошибкой вместо «Ивановского»

7-я. Сухона, впадающая в Двину, которая идет в Северный океан.

8-я. Ока, которая берет начало на границе Крыма и изливается в Волгу.

9-я. Москва, протекающая через город Москву, который получил от нее свое название.

Далее следует Вычегда, также весьма широкая и длинная река: она берет начало в Пермской области и впадает в Волгу.

Все эти реки протекают весьма значительное пространство, и разве самую малую из них по широте можно сравнить с Темзой, но длиною они все превосходят ее. Кроме этих рек, есть еще много других.

Москва находится под 55 градусом и 10 минутами, а пристань св. Николая к северу под 63 градусом и 50 минутами.

Глава третья

Естественные произведения России

Из плодов здесь рождаются яблоки, груши, сливы, вишни, красные и черные (впрочем, последние растут без прививки), дыня, похожая на тыкву, но слаще и приятнее вкусом, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много других ягод в каждом лесу и огороде. Хлебные же растения суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом. Все эти рода хлеба произрастают в весьма достаточном количестве, даже в избытке, так что

пшеница продается иногда по два алтына или по десяти пенсов стерлинг (т. е. серебром) за четверть, которая равняется почти трем английским бушелям.

Рожь сеется осенью, а весь прочий зерновой хлеб весной, и большею частью в мае.

Пермяки и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня (называемого Vaghanou) и из средней коры соснового дерева. Если бывает дороговизна (как в прошедшем 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтын или 5 шиллингов 5 пенсов стерлинг за четверть), то это меньше зависит от неурожаев, нежели от дворянства, которое, по временам, слишком возвышает цены на хлеб.

Естественных произведений (употребляемых самими жителями и отправляемых в большом количестве за границу для обогащения казны царской и народа) очень много, и они весьма важны.

Во-первых, меха всякого рода. Здесь виден также Божий промысл, даровавший жителям средства к защите от холодного климата. Главные меха суть: черно-бурые лисьи, собольи, рысьи, бурой лисицы, куньи, горностаевые, серые беличьи, бобровые, меха росомахи, шкуры большой морской крысы, имеющей запах выхухоли, беличьи, серые и красные, и лисьи, красные и белые. Кроме внутреннего употребления в государстве в большом количестве (ибо в продолжение всей зимы все носят меховую одежду), несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев, купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на

четыреста или на пятьсот тысяч рублей. Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие меха росوماхи вывозят оттуда и из Перми, а лучшие куньи из Сибири, Кадома, Муромы, Перми и Казани. Лучшие рысьи, беличьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми. Лучшего сорта бобры водятся в Мурманске, близ Колы. Другие пушные звери рождаются во многих местах, а некоторые из них даже везде.

Второе произведение — воск, которого ежегодно отправляли в чужие края (как слышал я от людей знающих) до 50 000 пудов, считая каждый пуд в 40 фунтов, а теперь вывозят ежегодно только до 10 000 пудов.

Третье произведение — мед, который, кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков (закключающихся в медах разного рода) и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед преимущественно получается из Мордвы и Кадома, близ земли черемисских татар, также в большом количестве из областей: Северской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

Четвертое — сало. Его приготавливают весьма много для вывоза за границу, не только по значительному количеству земли, удобной для пастбищ и скотоводства, но и по причине многих постов и других постных дней; частью же и потому, что люди зажиточные употребляют

на свечи воск, а те, которые беднее и из низшего класса, жгут березу, высушенную в печах и расщепанную вдоль на мелкие части, которые называют лучиной. Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 000 пудов, теперь не более 30 000 или около того. Лучшее сало добывается в областях: Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой.

Не менее важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Первые очень хороши и велики, а воловьи и коровьи меньше (ибо кожи бычачьи у них не выделяются). Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 000 кож, теперь количество это уменьшилось до 30 000 или около того. Притом морем отправляют за границу значительное количество козьих кож. Лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Муромы и Перми, а мелкой — в царстве Казанском.

Важную отрасль промышленности составляет также ворвань, или рыбий жир. Я считаю не излишним сказать здесь о способе ловить тюленей, из которых добывается ворвань. Это делается так. К концу лета (перед наступлением холодов) рыбаки отправляются на судах в пристань св. Николая, к мысу, называемому Куконосом, где они оставляют эти суда до весны. Когда солнце начнет греть, а лед еще не совсем растаял в заливе, они опять возвращаются, переносят суда по морскому льду и употребляют их вместо домов для отдыха и жительства. Обыкновенно отправляются на 17-ти или 18-ти широких судах и разделяются на несколько артелей, от пяти и до шести лодок в каждой. Первые, которые найдут притон зверя, зажигают светоч, нарочно для того взятый; когда сторожевые в прочих артелях заметят это, то все

собираются, окружают тюленей, греющихся на солнце, лежа на льду, обыкновенно в числе 4000 или 5000, и нападают на них, каждый с дубиной в руках. Если удастся ударить животное по носу, то оно скоро издыхает; если же потоку или по спине, то переносит удар и нередко, схватив дубину зубами, преклоняет ее к земле; тогда попавшийся принужден кричать товарищам и просить о помощи. Когда тюлени увидят себя окруженными, то собираются все в кучу, надавливают лед и стараются проломить его; от такого напора вода нередко выступает, и рыбаки погружаются в воду на один фут и более. Убивши тех тюленей, которых можно было перебить, рыбаки приступают к дележу, так что каждая лодка делит свою часть на равные доли. С собой они берут только содранную кожу с приставшим к ней жиром, а прочее оставляют на месте; потом идут на берег и, вырыв здесь ямы, глубиною сажени в полторы или около того, бросают туда отделяемое от кожи сало или жир и кладут раскаленные камни для растопки сала. Лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется на смазывание шерсти для сукон, а из худшего сорта (который бывает красного цвета) делается мыло.

Икру добывают в большом количестве на реке Волге из рыб: белуги, осетра, севрюги и стерляди. Купцы французские и нидерландские, отчасти и английские, отправляют много икры в Италию и Испанию.

Льном и пенькой (по уверению купцов) ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более пяти. Причиной упадка и уменьшения требований на это и на другие произведения, которые прежде отправляемы были за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского

залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк, по случаю войн с Польшей, отчего промышленники запасают и готовят всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и от того, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни. Лен растет почти в одной только Псковской области и ее окрестностях; пеньку доставляют Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

Соли в этой стране весьма много. Лучшая соль и в большом количестве добывается в Старой Русе, где устроено много солеварен в 250 верстах от моря. В Астрахани соль осаждается сама собой из морской воды; она скопляется большими пластами, которые срываются и развозятся купцами и другими промышленниками. Пошлин они платят по три русских деньги со ста фунтов весу. Соль добывается и во многих других местах, а именно: в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках, Оконе (Осопа), Вобасеи и Неноксе, притом все из соляных копей, за исключением Соловков, лежащих близ моря.

Деготь гонится в большом количестве из сосновых деревьев в областях: Двинской и Смоленской; его много отправляют за границу.

Кроме этих произведений (весьма важных и выгодных в торговле), есть различные другие, свойственные этой стране, хотя менее значительные, а именно: рыбы зубы, употребляемые самими жителями и вывозимые персиянами и бухарцами за границу для делания четок, ножей, сабельных рукояток, назначаемых для лиц высшего сословия, и других вещей. Некоторые употребляют тертый из них порошок (подобно роговому порошку единорога) как противоядие. Рыбы, снабженные этими зубами, называются моржами и ловятся близ Печоры. Есть зубы длиною почти в 2 фута, а весом в одиннадцать и двенадцать фунтов.

В области Карельской и на реке Двине к Северному морю есть мягкая скала, называемая слюдой. Ее разрубают и потом разделяют на тонкие слои, годные сами по себе и употребляемые вместо стекла, рога и т. п. Слюда пропускает свет изнутри и снаружи прозрачнее и чище, нежели стекло, и потому еще заслуживает преимущества перед стеклом и рогом, что не трескается, как первое, и не горит, как последний.

Селитру изготовляют во многих местах, как то: в Угличе, Ярославле, Устюге; а селитру добывают в небольшом количестве на реке Волге, но не умеют очищать ее.

Здесьнее железо несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном. Других руд нет в России.

Особого рода животные суть: лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, или лесная собака, рысь, бобр, соболь, куница, черная и темная лисица, белый медведь, водящийся у морских берегов близ Печоры, горноста́й, серая белка. Есть также род белки, у которой

на спине клок волос, очень похожий на перья, а хвост шире, нежели у других белок; перескакивая с одного дерева на другое, она расправляет его и действует им как будто крылом, прыгает на большое пространство и, по-видимому, летает, почему и называют ее летучею векшей. Зайцы и белки летом одного цвета с нашими; зимой шкура зайца становится белою, молочного цвета, а белки делаются серыми.

Диких оленей и коз весьма много. Лошади малорослы, но очень быстры на бегу и сносны; на них ездят без подков зимой и летом по всякой дороге. Овцы малы, шерсть их груба и жестка. Птицы очень разнородны: много ястребов, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребов всего более.

Из других птиц главные: лебедь, ручной и дикий (их весьма много), цапля, журавль, тетерев, одного цвета с фазаном, но более его, и живет в сосновых лесах; фазанов и куропаток также много; совы весьма велики, на взгляд хуже наших сов, с широким рылом и ушами, похожими на человеческие.

Из рыб, живущих в пресных водах, кроме рыбы обыкновенной (как то: карпа, щуки, окуня, линя, плотвы и проч.), есть много других пород рыбы, весьма хорошей и очень вкусной, как то: белуга или белужина, в четыре или пять аршин длиной, осетрина, севрюга и стерлядь, видом и вкусом несколько похожая на осетрину, но не так толста и велика. Эти четыре рыбы водятся в Волге; их ловят во множестве и рассылают отсюда на продовольствие всего государства. Из яиц их заготавливают большие запасы икры, как сказано было выше.

В реке Волге водится еще рыба, называемая белорыбицей, что есть белая семга, которая, по мнению русских, вкуснее красной семги; последняя также во множестве водится в северных реках: Двине, Коле и проч.

В озере, находящемся близ города, называемого Пе-реславлем, недалеко от Москвы, ловится небольшая рыба, известная под именем свежей сельди, видом и отчасти вкусом похожая на морскую сельдь.

Города, замечательные по рыбной ловле, суть: Ярославль, Белоозеро, Новгород, Астрахань и Казань. Все они, за право производить рыбный промысел, ежегодно платят значительную пошлину в царскую казну. Рыбной ловлей занимаются летом, а зимой уже рассылают во все концы государства наловленную и замороженную рыбу.

Глава четвертая

Главные города в России

Главные города в России суть: Москва, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Переславль, Нижний Новгород, Вологда, Устюг, Холмо-горы, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна.

Москва считается городом весьма древним, хотя основатель ее неизвестен русским. Она, кажется, получила свое название от реки, протекающей через город по одной стороне. Халдеец Бероза в своей пятой книге рассказывает, что Немврод (который в других светских сочинениях именуется Сатурном) послал Ассура Малая, Мосоха и Магога в Азию, чтоб они основали там поселения, и что Мосох основал их и в Азии, и в Европе.

От него, вероятно, и город, или скорее река, на коей он построен, получили название Москвы. Эта догадка объясняется климатом и положением Москвы, находящейся в самой отдаленной стране Европы, на границе Азии. Город значительно распространен Иваном, или Иоанном, сыном Даниила, который первый присвоил себе, вместо княжеского титула, титул короля; преемники его, однако ж, не именовались так оттого, что титул короля он получил в 1246 году от папского легата (папой в то время был Иннокентий IV), что весьма не понравилось русским, которые принадлежат к церкви восточной или греческой^[4].

С того времени название Москвы сделалось славным и более известным свету, так что Московией некоторые стали называть не одно княжество, но всю Россию, по имени ее столицы. Вид этого города имеет очертание кругловатое с тремя большими стенами, окружающими одна другую, между коими проведены улицы. Самая внутренняя стена и заключающиеся в ней строения (лежащие здесь столь же безопасно, как сердце в теле, будучи омываемы Москвой-рекой, которая протекает близ самой стены) называются в своей целости царским замком^[5].

Число домов, как сказывали мне, во всем городе по исчислению, сделанному по царскому повелению (незадолго до сожжения его крымцами), простиралось до 41500. Со времени осады города татарами и произведенного ими пожара (что случилось в 1571 году)

---

⁴ Флетчер здесь, очевидно, смешал Московского князя Даниила Александровича с королем Галицким Даниилом Романовичем

⁵ Т. е. кремлем

земля во многих местах остается пустой, тогда как прежде она была заселена и застроена, в особенности же на южной стороне города, где незадолго до того царь Василий построил дома для солдат своих, позволив им пить мед и пиво в постные и заветные дни, когда другие русские должны пить одну воду, и по этой причине назвал новый город: Налейка, т. е. наливайка. Таким образом, теперь Москва не много более Лондона.

Ближайший к ней город по величине и почти столько же обширный есть Новгород, где (по сказанию русских) происходила достопамятная война, о которой так много повествуют в историях, именно, война скифских рабов, поднявших оружие на господ своих, которую рассказывают следующим образом. Бояре новгородские и окрестных стран (по туземному обычаю они одни только отправляют военную службу) были заняты войной с татарами. Кончив ее со славой, они возвращались домой, но на пути узнают, что оставленные ими дома холопы их, или рабы, в отсутствие их, овладели их городами, поместьями, домами, женами и всем прочим. Такая новость несколько удивила их, и, презирая гнусный поступок своих рабов, они поспешили возвратиться домой; но недалеко от Новгорода встретились с рабами, выступившими против них в боевом порядке. Собрали совет и положили идти на холопов не с оружием, а с кнутьями (по тамошнему обычаю всякий, кто едет верхом, берет кнут с собой), чтоб напомнить им об их рабском состоянии, утратить их и отнять у них смелость. Идя таким образом вперед и размахивая кнутьями, они на них устремились. Это показалось рабам столь страшным и дало им такое понятие о значении кнута, действие которого они и прежде испытывали на себе, что все бросились бежать,

как овцы, гонимые пастухом. С тех пор, в память этой победы, новгородцы выбили монету (которая называется новгородской деньгой и ходит по всей России) с изображением всадника с поднятым и размахнутым кнутом.

Эти оба города отличаются своим пространством перед другими. По укреплениям же в особенности замечательны города: Псков, Смоленск, Казань и Астрахань, как города пограничные. Но по местоположению Ярославль далеко превосходит прочие: кроме получаемых им произведений от богатых пажитей и плодоносных полей, он лежит на славной реке, Волге, и расположен на высоком и весьма красивом берегу, от чего и получил свое название: Ярославль, что на русском языке значит красивый или славный берег. Здесь (как можно судить по имени) жил русский князь Владимир, по прозванию Ярослав, который женился на дочери Гаральда, короля Английского, через посредство датчанина Свена, как видно из датской истории, около 1067 года.

Другие города не имеют ничего замечательного, кроме некоторых развалин в их стенах, доказывающих упадок русского народа при теперешнем правлении. На улицах, вместо мостовых, лежат обтесанные сосновые деревья, одно подле другого. Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха. Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты его двора или с улицы, как в Шотландии. Деревянная постройка для русских, по-видимому, гораздо удобнее, нежели

каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, особенно из сухого соснового лесу, который больше дает тепла. Провидение наградило их лесами в таком изобилии, что можно выстроить порядочный дом рублей за двадцать, или за тридцать, или немного более, даже там, где мало лесу. Неудобны же деревянные строения особенно тем, что подвергаются опасности сгореть; пожары там случаются очень часто и бывают очень страшны по причине сухости и смолы, заключающейся в дереве, которое, раз загоревшись, пылает подобно факелу, так что трудно бывает потушить огонь, пока все не сгорит.

Глава пятая

О доме или роде русских царей

Царский дом в России имеет прозвание Белого. Название это (как предполагают) происходит от королей венгерских, и это кажется тем вероятнее, что короли венгерские некогда действительно так назывались, как пишут Бонфиний и другие историки этой страны. Именно в 1059 году упоминается об одном Беле, который наследовал брату своему Андрею, обратившему венгров в христианскую веру, от коей они отступили, по безбожию и внушению турков. Второй того же имени прозывался Белою слепым, и некоторые из его преемников носили то же название.

Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину, именно, его золотых дел мастеру. Отдавая слитки, для приготовления

посуды, царь велел ему хорошенько смотреть за весом. «Русские мои все воры», — сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на Царя и улыбнулся. Тогда Царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеется. «Если Ваше Величество просите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше Величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». «Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы»^[6].

Каким образом цари присвоили себе княжество Владимирское (первый шаг к распространению России), посредством ли завоевания, через брак или другими какими способами, я не мог узнать с достоверностью. Но всем известно и все помнят, что с приобретением этого небольшого княжества (которое, несмотря на то, имело у себя независимое управление, подобно другим княжествам или областям в России) дом Белы распространился и сделался властителем всей страны. Главные государи этого дома, увеличившие силу его и распространившие владения, были три последние, занимавшие престол до вступления на него нынешнего государя, именно: Иван, Василий и Иван, отец теперешнего царя. Из них Василий, отец Ивана и дед нынешнего государя, первый принял титул и название царя, тогда как прежде они довольствовались титулом Великих Князей Московских.

Что сделал каждый из них и насколько каждый увеличил свои первоначальные владения завоеваниями

---

⁶ Русские полагают, что венгерцы составляют часть германского народа, тогда как они происходят от гуннов, занявших насильно ту часть Паннонии, которая теперь называется Венгрией.

или иначе, можно видеть в главе о распространениях или завоеваниях. Что касается продолжения царского рода, то дом Белы теперь точно в таком положении, в каком находятся многие из самых знаменитейших домов христианского мира, имея представителями целого рода одно, два или весьма немногие лица той же крови. Кроме нынешнего государя, у которого нет детей (и едва ли будет, сколько можно судить по его телосложению и неплодию жены после нескольких лет брака), есть еще один только член этого дома, именно: дитя шести или семи лет, в котором заключается вся надежда и все будущее поколение царского рода. Другой старший брат из трех, и лучший из них, умер от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкой или (как некоторые говорят) от удара острым концом ее, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства доказывается скорбью и мучениями по смерти сына, которые никогда не покидали его до самой могилы. Здесь видно правосудие Божие, наказавшее его жажду к пролитию крови убийством сына собственной его рукой и прекратившее в одно время и жизнь его и тиранство той ужасной скорбью, которая свела его в могилу после такого несчастного и противоестественного поступка.

Младший брат царя, дитя лет шести или семи (как сказано было прежде), содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя. Кормилица, отведавшая прежде него какого-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно. Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нем начинают

обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течет из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут.

Кроме лиц мужского пола, есть еще вдова, имеющая право на престол, сестра покойного и тетка теперешнего царя, бывшая замужем за Магнусом, герцогом Голштинским, братом короля Датского, от которого была у нее дочь. Эта женщина, по смерти мужа, вызвана в Россию людьми, жаждущими престола более, нежели любящими ее, как оказалось впоследствии, потому что сама она с дочерью, тотчас же по возвращении в Россию, была заключена в монастырь, где дочь в прошедшем году умерла (во время моего пребывания там) и, как предполагали, насильственной смертью. Мать пока все еще находится в монастыре, где (как слышно) она оплакивает свою участь и проклиная день своего возвращения в Россию, куда была привлечена надеждой на новый брак и другими лестными обещаниями от имени царя.

Вот в каком положении находится царский род в России из дома Белы, который, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произведет переворот в русском Царстве. Если правление вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодуще, то это послужит к благоденствию несчастного народа, удрученного теперь невыносимым рабством.

Глава шестая

О короновании и миропомазании русских царей

Торжественные обряды, совершаемые при короновании русских царей, суть следующие. В большой церкви (Успения) Пречистой Богоматери, находящейся в ограде царского замка, устроено возвышенное место, на котором стоит аналой с царским венцом и одеянием из дорогой материи^[7].

В день миропомазания собираются туда: патриарх с митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами и игуменами, все богато одетые в своих облачениях. Потом входят диаконы с хором певчих, которые, при входе царя в церковь, начинают петь многолетие царю Феодору Ивановичу и проч., на что патриарх и митрополит, с прочим духовенством, отвечают гимном вроде молитвы, который поют все вместе и чрезвычайно громко. По окончании гимна патриарх с царем всходят на возвышение, где для государя приготовлен особый стул^[8].

Вслед за тем патриарх приглашает царя сесть и сам садится подле него на другом стуле, нарочно для того

---

⁷ Т. е. с царским венцом («шапкой») и «святыми бармами», как сказано в чине венчания царя Феодора Иоанновича. См. Собр. госуд. грам. и договор., ч. II, № 51. Отсюда же заимствуем мы приводимые далее молитвы и другие места, напечатанные курсивом, ибо в подлиннике они, очевидно, переведены с русского, хотя с некоторыми опущениями.

⁸ Так названо приготовленное для царя место в «чине венчания».

поставленном, кланяется в землю и читает следующую молитву:

Господи Боже наш, Царь царствующим и Господь господствующим, иже Самуилом пророком избрав раба своего Давида и помазав того во Цари над людьми своими Израиля! Ты и ныне услыши молитву нашу недостойных, и виждь от святого жилища Твоего благоверного раба своего, Царя и Великого Князя, Феодора, еже благоволил еси воздвигнута Царя в языке Твоем святем, его же стяжал еси честною кровию единородного Ти Сына, помазати сподоби елеом возрадования, одеи того свыше силою, положи на главе его венец от камене честна, даруй тому долготу дней, дай же в десницы его скифетро Царствия, посади того на престоле правды, огради того всеоружеством Святого Ти Духа, утверди того мышцу, покори ему вся языки варварския, всей в сердцах его страх Твой, и еже к послушным милостивное, соблюди того в непорочней вере, покажи того опасна хранителя Святыя Твоея соборныя церкви велениях, да судит люди Твоя правотою и нищих Твоих, судом спасет сыны убогих и наследник будет Ти небесного царствия.

Эту молитву говорит он тихим голосом, а потом произносит громко:

Яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков аминь.

По окончании молитвы патриарх приказывает некоторым архимандритам принести царское одеяние и венец, что делается весьма чинно и торжественно, а между тем произносит громко: Мир всем.

Потом начинает он читать другую, относящуюся к тому молитву:

Тебе единому Царю веком, иже земное Царство Тобою вверенный, поклоны выю с нами, и молим Ти ся, Владыко всех, сохрани того под кровом Твоим, удержи того Царство, благоугодныя Ти творити всегда того сподоби, возсияй во днех его правду и множество мира, да в тиxости его тихо и безмолвно житие проживем, в всяком благочестии и чистоте.

Эту молитву патриарх произносит несколько тихим голосом, а потом договаривает опять громко:

Ты бо еси Царь мiрови и Спас душам нашим, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков аминь.

Потом, возлагая на Царя одеяние и венец, благословляет его крестным знамением и говорит:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

То же самое делают и митрополиты, архиепископы и епископы, которые все по порядку подходят к царскому месту и один за другим благословляют царя двумя первыми пальцами.

Затем патриарх читает еще молитву, которая начинается так:

О пресвятая Госпоже Дево, Богородице, и проч.

После этой молитвы один из диаконов произносит сильным, громким голосом:

Благоверному и благородному и христоролюбивому, Богом избранному и Богом почтенному, и Богом возлюбленному и поставленному, и Богом венчанному Царю и Великому Князю, Феодору Ивановичу,

Владимерьскому и Московскому... и всея Руси Самодержцу, многая лета! на что прочие священники и диаконы, стоящие в некотором отдалении, близ алтаря или стола, поют в ответ:

Многая лета, многая лета Царю Феодору.

То же самое повторяют священники и диаконы, стоящие по правой и левой сторонам церкви, после чего все вместе поют громогласно:

Благоверному и благородному и христолюбивому, Богом избранному и Богом почтенному, и Богом возлюбленному и поставленному, и Богом венчанному Царю и Великому Князю, Феодору Ивановичу, Владимирскому и Московскому и всея Руси Самодержцу, многая лета!

По окончании торжества подходят к Царю сперва патриарх с митрополитами, архиепископами и епископами, потом дворянство и все присутствующие по порядку и приносят ему поздравления, преклоняя перед ним голову и у ног его падая в землю.

Титул, который получает царь при короновании, следующий:

Божиею милостию Царь и Великий Князь, Феодор Иванович, всея Руси Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кандинский, и всея Сибирский земли и северная страны повелитель и... иных

многих Государств Государь и Обладатель. Этот титул заключает в себе все владения царя и являет все его величие, по чему самому им весьма тщеславятся и гордятся, заставляя не только туземцев, но и иностранцев (которые с чем-либо обращаются к царю словесно или письменно) повторять его вполне от начала до конца. Такое требование производит иногда большие неприятности и даже ссоры с татарскими и польскими послами, которые не хотят употреблять название царя, то есть императора, и повторять в подробности весь его длинный титул. Я сам, быв на аудиенции у Царя, почел достаточным приветствовать его только следующими словами: Царь всея Руси Великий Князь Владимирский, Московский и Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский; остальное же нарочно пропустил, зная, что они тщеславятся тем, что титул царский длиннее титула королевы Английской. Но это было так дурно принято, что канцлер (находившийся тогда при царе с прочими сановниками) громким сердитым голосом настаивал, чтобы я произнес весь титул. На его требование я отвечал, что титул царский слишком длинен и иностранцу трудно его запомнить, но что я сказал из него столько, что достаточно видно мое уважение к остальному, и проч.; однако все было напрасно, так что я, наконец, велел моему толмачу проговорить сполна весь титул.

Глава седьмая

Образ правления

Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать,

сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических.

Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом. Это видно из Sophismata или тайн их образа правления, описанных ниже, и угнетения дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней, равно как из податей и налогов, в коих они не соблюдают ни малейшей справедливости, не обращая никакого внимания как на высшее сословие, так и на простолюдинов.

Впрочем, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым или низшим классом народа и угнетать его во всем государстве, куда бы лица этого сословия ни пришли, но в особенности там, где они имеют свои поместья или где определены царем для управления.

Простолюдинам сделана также некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей, в чем они, обыкновенно, следуют нашему Gauillkinde: располагать имуществом своим произвольно, имея право дарить и завещать его по собственному желанию.

Несмотря, однако, на это, оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки, как будет видно из средств, употребляемых к обогащению его казны, и способов взимания налогов, которые излагаются ниже, в главе о царских податях и доходах.

Что касается, до главных пунктов или статей, входящих в состав самодержавного правления (как то: издания и уничтожения законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами, и права казнить и миловать, с правом изменять решения по делам гражданским и уголовным), то все они так безусловно принадлежат царю и состоящей под ним Думе, что его можно назвать как верховным правителем, так и самим исполнителем в отношении ко всем исчисленным предметам.

Всякий новый закон или постановление, касающиеся до государства, определяются всегда прежде, нежели созывается по этому случаю какое-либо общее собрание или совет. Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться о предметах, по которым уже предварительно сделано было постановление, за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его.

Во-вторых, что касается до общественных и правительственных должностей в государстве, то здесь нет ни одного наследственного звания, как бы ни было оно высоко или низко, и напротив, определение к той или другой должности зависит непосредственно от

самого царя, так что даже дьяки в каждом главном городе большею частью назначаются им самим. Но теперешний царь (чтобы свободнее предаваться благочестию) предоставил все такого рода дела, относящиеся до управления государством, в полное распоряжение брата жены своей, боярина Бориса Федоровича Годунова.

В-третьих, то же можно сказать о заведывании делами судебными, в особенности касающимися до жизни и смерти. Здесь нет ни одного, кто бы имел судебную должность или власть, переходящую по наследству или основанную на грамоте, но все определяются по назначению и воле царя, и судьи так стеснены в отправлении своей должности, что не смеют решить ни одного особенного дела сами собой, но должны пересылать его вполне в Москву, в Царскую Думу. Чтобы показать власть свою над жизнью подданных, покойный Царь Иван Васильевич во время прогулок или поездок приказывал рубить головы тех, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его.

В-четвертых, что касается до верховной апелляции и прощения обличенных в уголовных преступлениях, то это совершенно зависит от воли и милости царской. Также нынешняя царица, будучи весьма милосерда и любя заниматься государственными делами (по неспособности к ним своего супруга), поступает в этом случае совершенно неограниченно, прощая преступников (особливо в день своего рождения и другие торжественные праздники) от своего собственного имени, о чем объявляется им всенародно — и не

упоминается вовсе о самом Царе. Еще недавно были здесь некоторые лица из древнего дворянства, которые владели по наследству различными областями с неограниченной властью и правом судить и рядить все дела в своих владениях без апелляции и не давая никакого отчета царю; но все эти права были уничтожены и отняты у них Иваном Васильевичем, родителем нынешнего государя.

Глава восьмая

О заседаниях Земского собора

Самое высшее учреждение для публичных совещаний по делам государственным называется собором, то есть общественным собранием. Чины и звания лиц, бывающих в таких собраниях, по порядку их, следующие: 1) сам царь, 2) некоторые из знати, числом до двадцати, которые все принадлежат к его Думе, 3) столько же известных духовных лиц. Что касается до горожан или других представителей народных, то их не допускают в это собрание, так как простой народ считается там не лучше рабов, которые должны повиноваться, а не издавать законы, и не имеют права ничего знать о делах общественных до тех пор, пока все не будет решено и окончено.

Земское собрание (называемое собором) составляется следующим образом. Царь приказывает созвать тех дворян, заседающих (как было сказано) в его Думе, коих он сам заблагорассудит, вместе с патриархом, который приглашает свое духовенство, то есть обоих архиепископов и тех из епископов, архимандритов и монахов, которые пользуются наибольшей известностью

и уважением. Когда все соберутся на царском дворе, то назначается день заседания, для чего обыкновенно избирают пятницу, по причине святости этого дня.

Когда определенный день наступит, то духовные лица собираются прежде в назначенное время и место, называемое столы^[9].

Как скоро приходит царь в сопровождении своих сановников, то все встают и встречают его в сенях, следуя за патриархом, который благословляет царя двумя первыми пальцами, возлагая их ему на чело и на обе стороны лица, потом целует его в правое плечо. После того идут в палату, назначенную для таких собраний, где садятся в следующем порядке: царь занимает место на троне по одну сторону комнаты. Неподалеку от него, за небольшим четвероугольным столом (за которым могут поместиться человек двенадцать или около того), садится патриарх с митрополитами, епископами и некоторыми из знатнейших лиц Царской Думы, с двумя дьяками или секретарями (называемыми думными дьяками), которые записывают все, что происходит. Прочие садятся на скамьях около стены комнаты, так что каждый занимает место, соответствующее его званию. Потом один из секретарей (в качестве оратора) объявляет причину собрания и излагает главные предметы или дела, о которых следует рассуждать. Но предлагать билли, по мнению отдельных лиц, относительно какого-нибудь общепольного дела (как это делается в Англии), русский собор вовсе не позволяет подданным.

---

⁹ Вероятно, столовая палата.

Когда дело предложено секретарем на рассмотрение, то прежде всего желают знать голос или мнение патриарха и духовенства, на что каждый из них отвечает по порядку своего звания; но эти мнения их бывают всегда однообразны и произносятся без всякого рассуждения, как бы затверженный урок. На все дела у них один ответ, которого обычное содержание то, что царь и Дума его премудры, опытны в делах политических и общественных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они занимаются только служением Богу и предметами, относящимися до веры, и потому просят их самих сделать нужное постановление, а они, вместо советов, будут вспомоществовать им молитвами по своей обязанности и должности, и проч.

Так или почти так отвечает каждый в свою очередь, потом встает кто-нибудь из архимандритов или братии, который посмелее других (впрочем, уже заранее назначенный для формы), и просит царя, чтобы он изволил приказать объявить им собственное мнение Его Величества и какое будет угодно ему сделать постановление по делу, предложенному дьяком.

На это означенный секретарь от имени царя отвечает, что Его Величество, вместе с членами Думы своей, по надлежащем и здравом обсуждении, нашел, что предложенное дело весьма хорошо и полезно для государства; но что, несмотря на то, Его Величество требует от них, как от людей благочестивых и знающих, что следует признавать справедливым, их богоугодного мнения и даже суждения, для того, чтобы утвердить или исправить дело, предложенное на рассмотрение, и потому вновь приглашает их откровенно объявить свое мнение, и буде они одобряют сделанное предложение, то

изъявили бы свое согласие, дабы можно было приступить к окончательному определению.

Вслед за тем, объявив свое согласие (что делается весьма скоро), духовенство удаляется, благословляя царя, который провожает патриарха до другой комнаты и потом возвращается на свое место, где остается, пока все будет окончено.

Дела, решаемые собором, дьяки или секретари излагают в форме прокламаций, которые рассылают в каждую область и главный город государства, где обнародуют их князья и дьяки или секретари тех мест. По окончании заседания царь приглашает духовенство на парадный обед, и затем все расходятся по домам.

Глава девятая

О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его согласно с видами правительства

Степени лиц или званий в России (кроме власти верховной или самого царя) по порядку их следующие:

1. Дворянство, которое разделяется на четыре степени. Самые знатные по роду, власти и доходам называются удельными князьями, то есть князьями выделенными или привилегированными. Они-то имели некогда в своих областях особую расправу и неограниченную власть, подобно дворянам или чинам немецким; но впоследствии (сохранив условно свои права) подчинились дому Белы, когда он стал усиливаться и распространяться на счет соседей.

Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич, отец нынешнего царя, человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, сделал их не только своими подчиненными^[10], но даже холопами, т. е. настоящими рабами или крепостными. В самом деле, они сами не иначе себя называют как в государственных бумагах, так и в частных просьбах, подаваемых ими царю, так что теперь они, относительно своей власти, своих владений, жизни и всего прочего, зависят от воли царя, наравне с другими подданными.

Средства и меры, употребленные для этого царем, как против князей удельных, так и других дворян (сколько я мог заметить, судя по рассказам о его действиях), были следующие или тому подобные: во-первых, он посеял между ними личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этой целью подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из домов более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и заговоров, будто бы умышляемых против него и против государства. Ослабив таким образом самых сильных и истребив одних с помощью других, он, наконец, начал действовать открыто и остальных принудил уступить ему права свои.

---

¹⁰ В подлиннике «вассалами».

Во-вторых, разделил он своих подданных на две части или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными или отборными людьми. Сюда принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их, как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими или общими.

Земские были самый низкий и простой класс людей с теми из дворян, которых царь думал истребить, как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается до опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, богатством, вооружением и проч. далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что, если кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников (которых он причислял к своей партии), то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю.

Те и другие по порядку были вносимы и записываемы в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законом (продолжавшаяся семь лет), послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала к достижению того, что он имел при этом в виду, т. е. к истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю и в одном городе Москве было убито до трехсот человек.

Такие тиранские его поступки, с целью произвести всеобщий раздор и повсеместное разделение между

подданными, произошли (как должно думать) от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из туземного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он впал в сильное подозрение (родившееся в нем вследствие худого положение дел), что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил, и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных.

Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что (по-видимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием.

3. Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя и которые находятся на весьма дальнем расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими, с той только разницею, что во мнении народа и относительно привязанности его к ним они стоят выше и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место.

Средства, коими стараются препятствовать возвышению этих домов и возвращению себе прежнего значения, суть следующие, вместе с другими, им

подобными: во-первых, многим из наследников не дозволяется вступать в брак, дабы род прекратился вместе с ними. Иных отправляют в Сибирь, в Казань и в Астрахань, под предлогом службы, и там умерщвляют или же сажают в темницу. Некоторых заключают в монастыри, где они постригаются в монахи, под видом обета, данного добровольно и по собственному желанию, но на самом деле по неволе, из опасения, что их обвинят в каком-нибудь взведенном на них преступлении. Здесь они находятся под столь бдительным надзором особенной стражи и самих монахов (которые отвечают головой за их побег), что им не остается никакой надежды, как кончить дни свои в заточении. Из числа таких лиц многие принадлежат к высшему дворянству.

Как эти, так и другие подобные им средства, придуманные царем Иваном Васильевичем, доселе еще употребляются Годуновыми, которые, возвысившись через брак царицы, родственницы их, правят и царем и царством (в особенности Борис Федорович Годунов, брат царицы), стараясь всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее и древнейшее дворянство. Тех, которых они почитали наиболее опасными для себя и способными противиться их намерениям, они уже отдали, как то: князя Андрея Куракина-Булгакова, человека знатного и родом и властью. Точно так же поступили они с Петром Головиным (его посадили в тюрьму, где он и умер), с князем Василием Юрьевичем Голицыным, с Андреем Ивановичем Шуйским, который почитается за человека чрезвычайно умного. В прошедшем году таким же образом лишен жизни в монастыре (куда был посажен) некто князь Иван Петрович Шуйский, человек с большими достоинствами и заслугами, который пять или шесть лет тому назад выдержал осаду города Пскова

против польского короля Стефана Батория, имевшего у себя 100 000 человек войска, и весьма храбро отразил его, с большой славой для себя и своего отечества и к стыду поляков. Думали также, что Никита Романович, дядя нынешнего царя с материнской стороны, умер от яда или другой насильственной смерти.

Названия знатнейших дворянских родов, по порядку их, следующие:

1. Род князя Владимира, который заключается теперь в одной дочери, вдове и бездетной (как упомянуто выше), некогда бывшей в замужестве за Гартоком Магнусом, братом короля Датского, а теперь заточенной в монастырь.

2. Князь Мстиславский. Он также заключен в монастырь, а единственному сыну его не дозволено вступать в брак для пресечения их рода.

3. Глинские. Из них остался один, и тот бездетный, за исключением только одной дочери.

4. Шуйские. Их четыре брата, все молодые люди и холостые.

5. Трубецкие. Из этого дома остается в живых четверо.

6. Булгаковы. Теперь дом этот имеет название Голицыных, коих пятеро в живых, но все еще юноши.

7. Воротынские. Из этого дома осталось всего двое.

8. Одоевские. Также двое.

9. Телятевские. Один.

10. Татевы. Их трое.

Вот название главных фамилий, известных под именем удельных князей, которые в самом деле теперь все утратили, кроме одного титула и расположение к ним народа, готового со временем восстановить их снова, если кто-нибудь из них останется в живых.

Вторую степень дворянства составляют бояре. Сюда принадлежат те, коих царь удостоивает (при дворянстве их) названия советников. Эти оба класса дворян получают доход с земель, жалованных им царем и владеемых ими по его произволу (ибо наследственных осталось у них весьма мало, как было сказано выше), который простирается до тысячи марок в год, кроме денежного жалованья от царя за службу их на войне, в количестве около 700 рублей в год, более чего никто не получает.

Нельзя, однако, сюда же причислить боярина Бориса Федоровича, который, как временщик, не может входить в один разряд с другими, будучи свояком царя, правителем государства по его распоряжениям, а по власти и могуществу царем русским. Ежегодный доход его с поместьев, вместе с жалованьем, простирается до 93 700 рублей и более, как можно видеть из следующих подробностей. С наследственного имения в Вязьме и Дорогобуже (увеличенного им самим) он получает 6000 рублей в год; за должность конюшего 12 000 рублей или марок, взимаемых с конюшенных слобод или по особым преимуществам, присвоенным этой должности, которые заключаются во владении некоторыми землями и городами близ Москвы. Кроме того, он берет в свою пользу доход со всех пчельников и лугов по обеим сторонам берегов Москвы-реки на тридцать верст вверх и на сорок вниз по течению. Сверх жалованья по должности, ему дается еще по 15 000 рублей в виде

пенсии от царя. С области Важской ему предоставлено получать по особому преимуществу 32 000 рублей из Посольской Четверти, кроме дохода от меховой промышленности, с Рязани и Северска (по другой особой статье) 30 000 рублей, с Твери и Торжка, другого привилегированного места, 8000 рублей, от бань и купален в Москве 1500 рублей, не говоря уже о поместьях или землях, коими он владеет по воле царя и которые далеко превосходят количество земли, предоставленное прочему дворянству.

Есть еще другой из дома Глинских, который получает дохода с земель и жалованья около 40 000 рублей в год. Этим доходом ему дозволено пользоваться, потому что он женился на сестре жены Борисовой; сам же он очень прост и почти полоумный. Управление им и именем его вверено Борису.

К третьему разряду принадлежат воеводы, или те дворяне, которые в настоящее время или прежде были главными начальниками на войне. Звание свое или титул они передают потомству и занимают место выше прочих князей и дворян, не принадлежащих к первым двум разрядам, т. е. удельным князьям и боярам.

Эта три разряда дворянства, именно: князья удельные, бояре и воеводы — имеют то преимущество, что к именам их прибавляется вич, как то: Борис Федорович, и проч., что считается почестью, на которую другие не имеют права. В случае же опущения этого слога при наименовании их, они могут искать бесчестие, или штраф за неуважение, на тех, которые не так их называли.

Четвертую и низшую степень дворянства составляют лица, носящие название князей, но

происходящих от младших братьев главных домов, будучи их потомками через многие поколения. Они не имеют никакого родового наследства, кроме одного пустого имени или титула князя, ибо у них в обычае передавать свои звания и титулы равно всем детям, несмотря на то, что бы они им ни оставляли, так что сыновья воеводы или главного начальника на войне называются воеводами, хотя бы никогда не бывали в сражении, а сыновья князя носят титул князей, хотя не имеют у себя никакого наследственного имени, чем бы могли содержать себя. Последнего рода дворян так много, что их считают за ничто, и вы нередко встретите князей, готовых служить простолюдину за пять или шесть рублей или марок в год; а при всем том они горячо принимают к сердцу всякое бесчестие или оскорбление прав своих. Вот все различные разряды дворянства.

Вторую степень лиц вообще составляют сыновья боярские, или дети дворян, пользующиеся почетом и получившие это название за службу на войнах царских, принадлежа к военному званию по самому своему состоянию и рождению. Сюда же причисляются дьяки или секретари, которые состоят на службе у царя в каждом главном городе, находясь по назначению при тамошних князьях.

Последнюю степень образуют простолюдины, называемые мужиками. Сюда причисляют также купцов и простых ремесленников. Самый же низший класс этого разряда (не относящийся ни к какой степени) составляют сельские жители, называемые крестьянами. О сыновьях боярских (которые все состоят в военной службе) мы будем говорить в статье о военных силах и военных

запасах; а что касается до мужиков, т. е. их состояния и образа жизни, то скажем о них в главе о простом народе.

Глава десятая

Об управлении областями и княжествами

Вся Россия (как было сказано выше) разделяется на четыре части, называемые русскими Четвертями, или тетрархиями. Каждая Четверть заключает в себе несколько областей и приписана к какому-нибудь приказу, от которого заимствует свое название. Первая Четверть, или тетрархия, называется Посольской Четвертью, или областью (юрисдикцией) приказа Посольского, и находится в настоящее время под ведением главного секретаря^[11], начальника Посольского приказа, Андрея Щелка-лова. Он ежегодно получает от царя за службу 100 рублей или марок определенного жалованья или оклада.

Вторая Четверть называется Разрядной, потому что она присоединена к разрядному или верховному констеблю. Теперь эту четверть по должности занимает Василий Щелкалов, брат канцлера, а управляет ею некто Сапун Абрамов. Жалованья получает он 100 рублей в год.

Третья Четверть — Поместная, как принадлежащая этому приказу. Этот приказ ведет списки всем землям, розданным царем за службу знати, дворянам и иным, выдает и принимает все крепости на них. Ею заведует в

---

¹¹ Т. е. думного дьяка.

настоящее время Елеазар Вылузгин. Жалованье его — 500 рублей в год.

Четвертая называется Казанским Дворцом, так как она присоединена к приказу, управляющему царствами Казанским и Астраханским, равно как и другими городами, лежащими по Волге. Теперь ею управляет некто Дружина Петелин, человек весьма уважаемый между русскими за его ум и расторопность в делах правительственных. Жалованье его 150 рублей в год.

В состав Четвертей, или тетрархий, не входит наследственное имение царя, или вотчина (как она здесь называется), потому что она искони принадлежит дому Белы, т. е. царскому, носящему это имя по своему пронахождению. Сюда принадлежат 36 городов с их уездами или землями, кроме особых участков, которые также исключены из ведомства означенных Четвертей, как, например: область Важская (принадлежащая боярину Борису Федоровичу Годунову) и другие подобные.

Вот главные правители или власти областные. Они не живут при своих местах, а, напротив, сопровождают царя, когда он выезжает, удерживая при этом везде свою должность, которую, однако, большей частью исправляют в Москве, как главном местопребывании царя.

Обязанность этих четырех правительственных мест заключается в принятии всех жалоб и дел всякого рода, поступающих к ним из отдельных Четвертей, и в препровождении их в Царскую Думу. Они обязаны также давать приказы лицам, находящимся под их ведением в приписанных к ним областях, по всем делам, коих

исполнение в местах, ими управляемых, возлагается на них царем и его Думой.

Для управления каждой отдельной областью в этих четырех Четвертях определяется один из тех князей, о коих упомянуто было выше, как принадлежащих к низшей степени дворянства. Они имеют пребывание в главных городах означенных областей. К каждому из них присоединяется дьяк, или секретарь, назначаемый ему в помощники или, лучше сказать, руководители, ибо такой дьяк заведывает всеми делами, относящимися до исполнения их должности.

Обязанности их на самом деле состоят в следующем. Во-первых, они должны выслушивать и решать все гражданские дела в своей области. С этою целью им подчинены некоторые чиновники, как то: губные старосты, или коронеры, которые, кроме производства следствий о самоубийцах, обязаны преследовать преступников, и судьи, имеющие право сами выслушивать и решать все дела подобного рода между крестьянами в своем округе или участке, но с тем, что, в случае недовольствия той или другой стороны, они имеют право апелляции и могут жаловаться князю и дьяку, имеющим пребывание в главном городе. Отсюда дело можно еще перевести в Москву, в Царскую Думу, как в высшее судебное место, куда окончательно поступают все апелляции. Далее им также подвластны сотские старосты, т. е. олдермены или бейлифы сотен.

Во-вторых, во всех делах уголовных, как то: воровстве, убийстве, измене и проч., они имеют власть задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; по окончании же всех справок и следствия обязаны переслать дело, уже совершенно готовое и

правильно изложенное, в Москву к управляющему Четвертью, в которой числится их область, а последний передает его на рассмотрение Царской Думе. Но они не имеют права ни решать дела уголовные, ни наказывать виновного.

В-третьих, им также вменяется в обязанность отправление разных общественных дел в их областях, как то: обнародование законов или учреждений посредством прокламаций, сбор податей и налогов в пользу царя, набор ратников и отправление их в срок и место, назначенные царем или Думой;

Князья и дьяки определяются на места самим царем и в конце каждого года по обыкновению сменяются, за исключением некоторых, пользующихся особенным благоволением или расположением, для коих этот срок продолжается еще на год или на два. Сами по себе они не могут похвалиться ни доверием, ни любовью народа, которым управляют, не принадлежа к нему ни по рождению, ни по воспитанию и не имея притом собственного наследственного имени ни в его округе, ни даже в другом месте. Только от царя получают они за свою службу по большей мере около 100 марок в год, а некоторые только пятьдесят, другие же всего тридцать. Народ еще более недоверчив к ним и ненавидит их за то, что, не имея никакой собственности и являясь каждый год свежие и голодные, они мучают и обирают его без всякой справедливости и совести. Главные начальники Четвертей не обращают внимания на такие поступки, для того, чтоб в свою очередь обирать их самих и получить большую добычу, когда потребуют от них отчета, что, обыкновенно, делают при истечении их службы, извлекая, таким образом, свои выгоды из их несправедливости и притеснений бедного народа.

Немногие, однако, из них доходят до пытки или кнута по окончании срока, в который они, большей частью, уже сами по себе приступают к отчету. И потому во время своего управления стараются они приобрести столько, чтобы можно было поделиться с царем и управляющим Четвертью и, кроме того, оставить хорошую частичку и для себя.

Таковы все правители областей, и только в четыре самые важные пограничные города назначаются люди, заслуживающие более уважения и доверия, и притом по два в каждый город. Один из них бывает всегда из приближенных к царю. Эти четыре пограничные города суть: Смоленск, Псков, Новгород и Казань, из коих три лежат на границах Польши и Швеции, а один сопределен с отдаленной землей крымских татар. Обязанностей у них более, чем у прочих областных князей, о которых я говорил выше, и им дана исполнительная власть в делах уголовных. Такая мера почитается весьма полезной для государства, потому что на границах, находящихся в таком отдаленном расстоянии, могут встретиться чрезвычайные случаи, не терпящие отлагательства для разрешения каждого особенного обстоятельства царем и его Думой. Их сменяют всякий год (кроме случаев, о коих сказано выше), а жалованья получают они по большей мере 700 рублей в год, иные же только по 400. В настоящее время многие из этих важных мест занимают и, вместе с тем, правят почти всем государством Годуновы и их клиенты.

Городом Москвой (где имеет постоянное пребывание царь) управляет одна Царская Дума. Все производящиеся здесь дела, как гражданские, так и уголовные, выслушиваются и решаются в известных судах, где заседают члены Думы, постоянно живущие

здесь. Только для решения дел самых обыкновенных (как то: построек, поправок, содержания улиц в опрятности и чистоте, сбора податей, налогов и т. п.) определены два дворянина и два дьяка, или секретаря, составляющие все вместе присутственное место для управления подобного рода делами, которое называется Земским Двором.

Если кто из городских обывателей подозревает своего служителя в воровстве или подобном преступлении, то он может привести его сюда для допроса посредством пытки или другого истязания. Кроме этих двух дворян и секретарей, заведывающих всем городом, есть еще старосты, или олдермены, в каждой отдельной общине. Такой старшина имеет своих сотских, или констеблей, а сотский известное число десятских, или декурионов, ему подчиненных, из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякий беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее. Все граждане, бедные и богатые, разделяются на общины. Главные начальники (как то: дьяки и дворяне) определяются самим царем, старосты — дворянами и дьяками, сотские — старостами, или олдерменами, а десятские — констеблями.

Если бы такой образ управления областями и городами был столько же полезен для беспристрастного правосудия ко всем жителям, сколько он удобен для предупреждения нововведений, удерживая дворянство в порядке, а простой народ в подчинении, то, по-видимому, он был бы недурен, даже в политическом отношении, для государства, столь обширного и имеющего такое протяжение в длину и ширину, какова Россия. Но угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им

подчиниться, имея еще некоторые средства, чтоб избежать их или же от них освободиться, равно как и тому, каким образом цари, утвердившись в настоящее время на престоле так прочно, могут довольствоваться прежним правлением, соединенным со столь явной несправедливостью и угнетением их подданных, тогда как сами исповедую! веру христианскую.

Из всего, сказанного здесь, видно, как трудно изменить образ правления в России в настоящем ее положении. Во-первых, там нет никого в числе дворянства, кто бы мог стать во главе прочих. Сановники, управляющие Четвертями, или тетрархиями, не природные дворяне, а дьяки, пожалованные в это звание царем, находящиеся в полной зависимости от его милостей и собственно служащие только ему. Что же касается до князей, управляющих под ними областями, то это люди важные только по названию (как было сказано выше), без всякой власти, силы и доверия, за исключением того значения, которым пользуются по своей должности, пока ее занимают. Но и здесь приобретают они не любовь, а, напротив, ненависть народа, который видит, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему справедливость и правосудие, сколько с тем, чтобы угнетать его самым жалким образом и снимать с него шерсть не один раз в год (как каждый владелец со своей овцы), а, напротив, стричь его и обирать в продолжение всего года. Кроме того, власть и права их раздроблены на множество мелких частей, потому что в каждой большой области их находится по несколько человек, и притом время, на которое они назначаются, весьма ограничено. Таким образом, им невозможно сколько бы то ни было усилиться или привести в исполнение какое-либо

предприятие в этом роде, если бы они даже возымели счастливое намерение сделать что-нибудь новое.

Что касается до простого народа (как будет видно лучше из описания его состояния и свойств, излагаемых ниже), то, кроме недостатка в оружии и неопытности в ратном деле (от которого удаляют его с намерением), у него беспрестанно отнимают и бодрость духа и деньги (кроме других способов), иногда под предлогом какого-нибудь предприятия для общественного благосостояния, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность в пользу государства или царя.

Итак, ни дворянство, ни простой народ не имеют возможности отважиться на какое-нибудь нововведение до тех пор, пока войско (которого число простирается, по крайней мере, до 80 000 ^[12] человек, получающих постоянное жалованье) будет единодушно и беспрекословно подчинено царю и настоящему порядку вещей, а оно, очевидно, должно быть усердно к своей должности, как по самым свойствам солдат, так и потому, что они пользуются всюду полной свободой обижать и грабить простой народ по своему произволу, что им нарочно дозволено для того, чтоб им нравилось настоящее положение дел. Заговора между войском и простым народом опасаться также нельзя, потому что цели их слишком между собою различны и противоположны.

Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большею частью, желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по

---

¹² В подл. 8000

мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления.

Глава одиннадцатая

О царской Думе

Русские цари дают название советников некоторым лицам из знатного дворянства более для почести, нежели для пользы государственных дел. Они именуются просто боярами и могут быть названы советниками в пространном значении, ибо на общий совет их приглашают весьма редко или никогда. Принадлежащие же на самом деле к собственному и тайному совету царя (именно те, которые ежедневно находятся при нем для совещания по делам государства) носят прибавочный титул думных и называются думными боярами, а собрание их, или заседание, Боярской Думой.

Имена их в настоящее время суть следующие, по порядку:

1. Князь Феодор Иванович Мстиславский;
2. Князь Иван Михайлович Глинский;
3. Князь Василий Иванович (Феодорович) Шуйский Скопин (Эти три боярина более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены больше для того, чтобы сообщить месту почетность и делать честь своим присутствием, нежели для советов.);
4. Князь Василий Иванович Шуйский, который почитается умнее своих прочих однофамильцев;

5. Князь Феодор Михайлович (Трубецкой);
6. Князь Никита Романович Трубецкой;
7. Князь Тимофей Романович Трубецкой;
8. Князь Андрей Григорьевич (Григорий Андреевич)
Куракин;

9. Князь Димитрий Иванович Хворостинин;
10. Князь Феодор Иванович Хворостинин;
11. Богдан Иванович (Юрьевич) Сабуров;
12. Князь Иван Васильевич (Сицкий);
13. Князь Феодор Димитриевич Шестунов;
14. Князь Феодор Михайлович Троекуров;
15. Иван Бутурлин;
16. Димитрий Иванович Годунов;
17. Борис Феодорович Годунов, брат царицы;
18. Степан Васильевич Годунов;
19. Григорий Васильевич Годунов;
20. Иван Васильевич Годунов;
21. Феодор Шереметев;
22. Андрей Петрович Клешнин;
23. Игнатий Петрович Татищев;
24. Роман Михайлович Пивов;
25. Дементий Иванович Черемисинов;
26. Роман Васильевич Алферьев;
27. Андрей Щелкалов;
28. Василий Щелкалов;

29. Елеазар Вылузгин;

30. Дружина Петелин;

31. Сапун Абрамов^[13].

Четверо последних называются думными дьяками, или государственными секретарями. Все же они принадлежат собственно к царской Думе, хотя немногие из них приглашаются на какое-либо совещание, потому что все дела обсуждаются и решаются Борисом Феодоровичем Годуновым, братом царицы, с пятью или шестью другими лицами, коих заблагорассудится ему призвать. На совете приходится им более слушать, нежели подавать мнения, как они в самом деле и поступают. Внутренние дела государства докладываются во время заседаний управляющими четырех Четвертей, или тетрархий, о коих упомянуто в главе касательно управления областями. Сюда представляют они все бумаги, получаемые ими от князей, дьяков, воевод и других начальствующих городами и крепостями, принадлежащими к Четверти каждого из них, вместе с другими донесениями, и докладывают о них Думе.

Такое же право предоставлено и начальнику всякого судебного места. Он может входить в Думу и доносить обо всем, относящемся до его должности. Кроме дел государственных, здесь разбираются многие частные дела, поступающие по просьбам в большом числе. Из них некоторые рассматриваются и решаются смотря по тому, как благоприятствуют им обстоятельства или средства. Другие отсылаются в судебные места, куда они принадлежат на общем основании законов.

---

¹³ Исправления и дополнения этого списка (в скобках) сделаны по Середонину, *op. cit.*, стр. 218.

Присутственные дни для обыкновенных заседаний суть: понедельник, среда и пятница, собираются же в 7 часов утра. В чрезвычайном случае, когда необходимо назначить совещание в другой какой-либо день, рассылаются о том повестки писцом Думы, Дорофеем Бушевым, который получает приказ из Разряда, или от верховного констебля, чтоб пригласить их к назначенному времени.

Глава двенадцатая

О податях и других доходах царских

Для сбора податей и других доходов, принадлежащих казне, определено несколько чиновников, которые сдают их в главное казначейство. Сюда принадлежат: во-первых, Дворцовый Приказ^[14], заведывающий хозяйственной частью; во-вторых, Четверти, которые я соединяю здесь в одно место, хотя оно и разделяется на четыре части, как было сказано выше; в-третьих, так называемый Большой Приход.

Что касается до первого, т. е. Дворцового Приказа, то он получает все доходы с наследственного имени царского или казенного, называемого вотчиной. Вотчины, или царские имения, заключают в себе 36 городов с принадлежащими к ним селениями или волостями², из коих главные по доходу следующие: Александровская слобода, Корельская, Тверь, Слободки, Даниловское, Мосальск, Хорь, Замошская, Старая Руса, Воронцово и

---

¹⁴ Или Приказ большого Дворца.

проч. Одни из жителей или обывателей этих и других городов платят подать деньгами, другие определенной поставкой (называемой оброком): известным количеством четвертей, или мер, зернового хлеба, пшеницы, ржи, ячменя, овса или другими съестными припасами, как то: быками, овцами, лебедями, гусями, зайцами, курами, дичью, рыбой, сеном, дровами, медом. Иные обязаны засеять в пользу царя несколько десятин земли и выставлять уже совершенно обделанный хлеб для употребления, за что им дается определенное число десятин земли на их собственное продовольствие. Такой запас для домашних потребностей, в особенности зернового хлеба, доставляемый содержателями казенных земель, гораздо значительнее количества, какое выходит для царского дома и отпускается на прислугу или для царской чести, в виде определенной дачи, называемой жалованьем, на что, впрочем, издерживается очень много, как хлебом, так и другими припасами. Этот излишек продается дворецким за выгоднейшую цену, и деньги поступают в царскую казну.

2 В подлиннике «сотнями».

Во времена Ивана Васильевича, отца нынешнего царя (который жил роскошнее и более по-царски, нежели теперешний государь), излишек зернового хлеба и других приходных статей, поступающих в Дворцовый Приказ, доставлял казне его не свыше 60 000 рублей ежегодного дохода; но теперь, при лучшем управлении дворецкого, Григория Васильевича Годунова, он простирается до 230 тысяч рублей в год. И все это сделалось через посредство царицы и ее родных, в особенности Бориса

Федоровича Годунова, которые считают своей собственностью все, поступающее в царскую казну. Значительная часть излишка от сбора припасами идет на жалованье дворцовым служителям, которых весьма много как в самом дворце, так и вне дворца.

Второе место сбора податей, называемое Четвертями (оно разделено на четыре отдельные части, как было сказано выше), имеет четырех главных чиновников, которые, кроме управления и заведывания областями, приписанными к каждой Четверти, обязаны еще собирать в пользу царя тягло и подать, получаемые в означенных четырех Четвертях. Тягло есть годовой доход или оклад, взимаемый с каждой выти или определенной меры какого бы ни было хлеба, который собирается присяжными и доставляется в Приказ. Выть содержит в себе шестьдесят четвертей, а каждая четверть три английских бушеля или несколько менее. Подать есть положенный сбор деньгами с каждой сохи или известного участка^[15] по всему государству.

Тягло и подать ежегодно доставляют Четвертным Приказам значительное количество денег, как можно видеть из помещаемых здесь подробностей. Город Псков с его областью платит каждый год тяглом и податью около 18 000 рублей, Новгород 35 000, Торжок и Тверь 8000, Рязань 30 000, Муром 12 000, Холмогоры и Двина 8000, Вологда 12 000, Казань 18 000, Устюг 30 000, Ростов 50 000, город Москва 40 000, Сибирь 20 000, Кострома 12 000. Весь годовой итог простирается до 400 000 рублей или марок, вносимых ежегодно в казну

---

¹⁵ В подл. Hundred (сотни).

первого числа сентября месяца, которое они считают за первый день года.

Третье место (называемое Большим Приходом) принимает все пошлины, собираемые со всех главных городов по всему государству, и сверх того налоги и другие сборы, взимаемые различными низшими местами, которые все поступают в этот Приказ Большого Прихода. Главные города по торговле, платящие самую значительную пошлину, суть: Москва, Смоленск, Псков, Новгород Великий, Старая Руса, Торжок, Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Вологда. Эту пошлину, получаемую с больших городов, тем вернее и легче исчислить, что заранее уже определено и в точности назначено, сколько им приходится платить ежегодно. Положенный оклад они обязаны непременно внести в означенный Приказ, хотя бы сами столько не собрали; если же получают более, то излишек идет также в пользу царя.

Город Москва платит ежегодно пошлины 12 000 рублей, Смоленск 8000, Псков 12 000, Новгород Великий 6000, Старая Руса солью и другими произведениями 18 000, Торжок 800 рублей, Тверь 700, Ярославль 1200, Кострома 1800, Нижний Новгород 7000, Казань 11 000, Вологда 2000 рублей. Пошлина с других торговых городов бывает иногда более, а иногда менее значительна, смотря по их торговым оборотам и барышам в течение года.

Можно сказать наверно, что эти три статьи доходов, поступающих в Приказ Большого Прихода, когда они наименее значительны, доставляют: первая 160 000 рублей, вторая 90 000, третья 70 000 рублей, так что Большой Приход с этих и других городов получает

дохода по крайней мере (как видно из их приходных книг) до 340 000 рублей в год. Кроме этого дохода с торговых городов, в Приказ Большого Прихода поступают ежегодно пошлины с простых бань и кабаков или питейных домов, принадлежащих царю, которые (хотя и неизвестно, как именно велика получаемая от них сумма, но, судя по общей любви всех русских к бане и купанью) доставляют значительный доход царской казне.

Кроме того, у них берется известный штраф или пеня в пользу царя с каждого решения или приговора, постановленного в каком бы то ни было судебном месте по всем делам гражданским. Эта пеня или штраф заключается в двадцати деньгах или пенсах с каждого рубля или марки, и следовательно, в десяти со ста; платит же ее сторона, обвиненная по закону.

Далее, с каждого имени, упоминаемого в бумагах, выдаваемых судебными местами, в пользу царя берется по пяти алтын, а алтын равняется пяти пенсам стерлинг или около того. Пошлины вносят в то место, откуда выдается бумага; потом пересылается она в место, где хранится меньшая печать, и здесь за нее платится еще столько же в пользу царя. Этот доход простирается, обыкновенно, до 3000 рублей в год или около того.

Наконец, из Разбойного Приказа, заведывающего всеми делами по преступлениям, берется в пользу царя половина всего имущества преступника; из остальной половины одна часть отдается доносчику, другая чиновникам.

Все эти статьи поступают в Приказ Большого Прихода, кроме излишка или остатка от поземельных доходов, приписанных к разным другим Приказам, как то: к Приказу, называемому Разрядом, который имеет в

своем заведовании земли и доходы, определенные на ежегодную плату солдатам или коннице, которая содержится на постоянном жалованье. В мирное время, когда войско остается на месте, не употребляясь на службе, жалованье, обыкновенно, убавляется и выдается только в половину, а иногда еще менее, так что остающаяся в Разряде сумма, поступающая в царскую казну, простирается, большей частью, ежегодно до 250 000 рублей.

Таким же образом (хотя в меньшем количестве) употребляется излишек от доходов Стрелецких Приказов, имеющих свои собственные земли, на жалованье стрельцам, как находящимся в Москве и составляющим царскую стражу (обыкновенно в числе 12 000), так и на границах и в других городах и крепостях. То же должно сказать относительно Приказа Иноземного, имеющего в своем заведовании земли, определенные на содержание иноземных наемных солдат, как то: поляков, шведов, голландцев шотландцев, и проч., равно как Пушкарского (которому предоставлены земли и доходы для снабжения войска орудиями, порохом, дробью, селитрою, серою, свинцом и т. п.), где также к концу года остается сумма, поступающая в казну. Все эти места вносят излишки, оказывающиеся у них в конце года, в Приказ Большого Прихода, а отсюда их пересылают уже в царскую казну, так что вся сумма, поступающая в Приказ Большого Прихода (как видно из книг этого Приказа) простирается до 800 000 рублей в год или около того.

Все Приказы, как то: Дворцовый, Четверти и Большой Приход, передают поступающие в них доходы в главное казначейство, которое находится в ограде царского дворца или замка в Москве, где хранятся все царские деньги, драгоценные камни, короны, скипетры,

посуда и т. п. в сундуках и мешках, за собственной печатью царей, которые сами ее прикладывают, хотя в настоящее время боярин Борис Федорович Годунов и здесь заменяет царя, употребляя свою печать и наблюдая над ней, так точно, как-и во всем прочем. Второе место по этой должности занимает теперь Степан Васильевич Годунов, двоюродный брат означенного Бориса, который имеет при себе еще двух приказных для отправления дел по службе.

Сумма, поступающая каждый год в царскую казну одними деньгами, такова:

1. Из Дворцового Приказа, за расходами для дворца, 230 000 рублей.

2. Из четырех Четвертей сошных и подушных денег 400 000 рублей.

3. Из Приказа Большого Прихода пошлин и других сборов на 800 000 рублей.

Итак, всего 1 430 000 рублей чистого дохода, не включая сюда расходов на содержание дворца и постоянное жалованье войску, которые удовлетворяются другими способами.

Кроме дохода, вносимого в казну деньгами, царь ежегодно получает еще на значительную сумму из Сибири, Печоры, Перми и иных мест меха и другие подати, которые продаются или вымениваются для вывоза за границу на разные иноземные произведения купцам турецким, персидским, армянским, грузинским и бухарским, торгующим в пределах этого государства,

сверх купцов других христианских держав. Об итогах (хотя нельзя определить его в точности по причине зависимости его от случайных обстоятельств, смотря по тому, какой получится барыш) можно судить по прошлогоднему сбору царской подати в Сибири, который заключался в 466 сороках соболей, пяти сороках куниц и 180 черно-бурых лисиц, не считая других произведений.

К доходам можно присовокупить также конфискации имущества тех, которые подвергаются опале, простирающиеся на большую сумму, кроме других чрезвычайных налогов и поборов с должностных лиц, монастырей и проч., не для какой-нибудь видимой надобности или потребности царя и государства, но по одному произволу и обычаю, впрочем, под некоторым предлогом скифской, т. е. грубой и варварской, политики, как показывают немногие софизмы, или ложные политические меры, употребляемые русскими царями с целью грабить свой народ и обогащать свою казну.

По этому случаю покойный царь Иван Васильевич обыкновенно говаривал, что народ сходен с его бородой: чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти, или с овцами, которых необходимо стричь по крайней мере один раз в год, чтоб не дать им совершенно обрасти шерстью.

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных

1

Не препятствовать насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие

должностные лица подвергают простой народ в областях, но позволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правеж (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи (как мед высасывается пчелой), награбленной ими у простого народа, и обратить ее в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу, как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида. Для этой цели чрезвычайно полезны бедные князья и дьяки, посылаемые в области, которые сменяются так часто, именно каждый год, несмотря на то, что как сами по себе, так и по свойствам народа (как было сказано выше) могли бы оставаться долее, не заставляя опасаться никаких нововведений. Действительно, будучи всегда поставляемы вновь над простым народом, они сосут тем охотнее, подобно осам императора Тиверия, которые прилетали всегда свежие на старую рану и с коими он сравнивал, обыкновенно, своих преторов и других областных чиновников.

2

Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать, всю вину на дурные свойства его чиновников. Так, между прочим, поступил покойный царь Иван Васильевич с дьяком одной из своих областей, который (кроме многих других поборов и взяток) принял жареного гуся, начиненного деньгами. Его вывели на торговую площадь в Москве, где царь, находясь лично, сам сказал речь: «Вот, добрые

люди, те, которые готовы съесть вас, как хлеб, и проч.»; потом спросил у палачей своих, кто из них умеет разрезать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги по половине икр, потом руки выше локтя (все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо) и, наконец, отсечь голову, дабы он совершенно походил на жареного гуся. Поступок этот мог бы служить достаточным примером правосудия (как понимают правосудие в России), если б не имел в виду хитрую цель прикрыть притеснения, делаемые самим царем.

3

Явно показывать нужду в случае предстоящей новой значительной подати или налога. Так, теперешний царь, Феодор Иоаннович, поступил по совету некоторых приближенных в начале своего царствования, когда, оставшись весьма богатым (как полагали) после отца, он продал большую часть своего серебра и перелил некоторую часть в деньги, дабы показать, что нуждается в них. Вслед за тем было объявлено о новом налоге.

4

Дозволять подданным отказывать беспрепятственно имущество монастырям (что по суеверию делают весьма многие, особенно в духовных завещаниях) и вносить туда деньги и пожитки на сбережение. Все это дозволено без всякого ограничения и безусловно, как то было прежде и теперь еще продолжается в некоторых христианских государствах. От таких взносов монастыри чрезвычайно обогащаются. Дозволяют же это для того, чтобы государственные суммы хранились все вместе и были ближе к рукам, если бы вздумалось взять их, что делается часто и без всякой тревоги, потому что монахи

охотнее готовы отдать какую-либо часть (по мере умножения богатства), нежели лишиться всего вдруг, а этому они нередко подвергались в царствование последнего государя.

С такой целью покойный царь Иван Васильевич прибегнул к весьма странной мере, которой бы весьма немногие государи воспользовались, даже в особенной крайности. Он уступил царство одному великому князю, Симеону, сыну царя Казанского, как бы намереваясь удалиться от всех общественных дел и вести покойную частную, жизнь. К концу года заставил он нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископиям и монастырям, коими последние пользовались уже несколько столетий. Все они были уничтожены. После того (как бы недовольный таким поступком и дурным правлением нового государя) он взял опять скипетр и, будто бы в угодность церкви и духовенству, дозволил возобновить грамоты, которые роздал уже от себя, удерживая и присоединяя к казне столько земель, сколько ему самому было угодно.

Этим способом он отнял у епископий и монастырей (кроме земель, присоединенных им к казне) несметное число денег: у одних 40, у других 50, у иных 100 тысяч рублей, что было сделано им с целью не только умножить свою казну, но также отстранить дурное мнение об его жестоком правлении, показав пример еще худшего в руках другого царя. В этом поступке видна вся странность его характера; невзирая на то, что он был ненавидим своими подданными (что сам знал очень хорошо), решился он, однако, посадить на свое седло другого, который мог бы ускакать с лошадью, оставив его пешком.

5

Отправлять нарочных в области или княжества, где добываются особенные произведения, как то: меха, воск, мед и проч., и там забирать и захватывать целиком какое-либо одно произведение, а иногда два или более по дешевым ценам, какие сами назначат, и потом продавать их по высокой цене как своим, так и иноземным купцам, а если они будут отказываться от покупки, то принуждать их к тому силой.

Точно так же поступают, когда какое-либо произведение, туземное или иностранное (как то: парча, тонкое сукно и проч.), захваченное царем и принятое в казну, испортится от долгого лежания или по другой причине: испорченное принуждают купцов покупать волею или неволею, по цене, назначенной царем. В прошлом 1589 году был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им, кроме царя.

6

Присваивать иногда таким же образом иностранные произведения, как то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг и проч., привозимые в государство купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом принуждать своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, назначенной им самим.

7

Обращать на некоторое время в монополию произведения, вносимые в подать, и возвышать цену их, как то: меха, хлеб, лес и проч. В продолжение этого времени никто не может продавать тот же товар до тех

пор, пока не распродается весь товар царский. Таким способом царь получает от оброчного хлеба и других припасов (как было сказано выше) около 200 000 рублей или марок в год, а от оброчного леса, сена и проч. 30 000 рублей или около того.

8

В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3000 рублей в год. Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке двадцать, тридцать, сорок рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

9

Заставлять некоторых из приближенных бояр или дворян (пользующихся доверием царя), у коих есть в Москве дома, делать объявление, что они ограблены; потом посылать за земскими, или олдерменами города, и отдавать им приказание, чтобы они отыскивали похищенное; если же оно не найдется, брать или

взыскивать с города за худое их управление 8, 9 или 10 тысяч рублей вдруг. Это делается весьма часто.

10

Чтобы показать свое самодержавие при таких поборах, они употребляют иногда весьма простые, но довольно странные уловки. Вот как, например, поступал Иван Васильевич, отец нынешнего царя. Он отправил в Пермь за несколькими возами кедрового дерева, зная, что оно там не растет; когда же жители отвечали, что не могут найти такого дерева, то царь велел взыскать с них 12 000 рублей, как будто бы они с намерением его скрывают. В другой раз он послал в Москву добыть ему колпак или меру живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить, и если бы даже удалось наловить столько блох, то ими нельзя наполнить меру, оттого что они распрыгаются. За это царь взыскал с них штраф, или выбил из них правожом 7000 рублей.

Подобной же уловкой отнял он у своих бояр 30 000 рублей за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловил ничего, как будто бы бояре вытравили и перебили всех зайцев, а они (по обыкновению) тотчас обратили этот правож на мужиков, или простой народ. Как ни странным должен казаться такой забавный способ грабить бедных подданных без основательного повода, но он совершенно согласен со свойствами тамошних царей и с жалким рабством этого несчастного государства. Такие-то и подобные способы употребляют русские цари для обогащения казны своей.

Глава тринадцатая

О простом или низшем классе народа в России

О состоянии низшего класса и простого народа можно иметь некоторое понятие из того, что уже было сказано касательно образа правления, состояния дворянства и заведования областями и главными городами в государстве.

Во-первых, о свободе их, в какой мере они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на соборе, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публичные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, т. е. дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях (хотя далеко не пользуются свободой, необходимой в общих совещаниях для блага всего государства, согласно со значением и правами каждого по его званию), довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них.

Далее, до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще дворянам (которые и сами суть не что иное, как рабы, особливо с некоторого времени), это можно видеть из собственного сознания их в просьбах и других бумагах, подаваемых кому-либо из дворянства или высших правительственных лиц: здесь они сами себя называют и подписываются холопами, т. е. их крепостными людьми

или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя.

Можно поистине сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина, или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ, и это вообще, не только в отношении к царю, но и его дворянству, главным чиновниками всем военным, так что если бедный мужик встретится с кем-либо из них на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головою оземь, так точно, как он преклоняется пред изображениями своих святых.

Во-вторых, что касается до земель, движимого имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых ямах и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий.

Так по дороге к Москве, между Вологдой и Ярославлем (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль) встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного

жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели сколько дозволили мне это время или случай.

Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать.

Я нередко видел, как они, разложив товар свой (как то: меха и т. п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар.

Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. От того же происходит, что произведения, свойственные России (как было сказано выше, как то: воск, сало, кожи, лен, конопля и проч.), добываются и вывозятся за границу в количестве, гораздо меньшем против

прежнего, ибо народ, будучи стеснен и лишаем всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе.

Однако нельзя не заметить, что, при всем этом стеснении, еще в последнее время три брата из купцов торговали вместе одним капиталом, которого у них, как полагали, было до 300 000 рублей наличными деньгами, кроме земель, скота и другого товара. Это отчасти должно приписать их местопребыванию, находящемуся в дальнем расстоянии от Двора, именно в Вычегде, в 1000 миль от Москвы, или даже более. Те, которые знают их лично, подтверждают, что в продолжение целого года у них работали десять тысяч человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т. п., кроме, по меньшей мере, 5000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их.

У них были свои лекаря, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на Сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобной к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми, на расстоянии 1000 верст: тут он насильно отнял у них все. Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей вдруг, иногда более, пока, наконец, в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем

как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были: Яков, Григорий и Симеон, сыновья Аники^[16].

Что касается до других качеств простолюдинов, то, хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам (как можно судить по природному здравому рассудку людей взрослых и самых детей), однако они не отличаются никаким даже ремесленным производством, тем менее в науках или какими-либо сведениями в литературе, от коих, так точно, как и ото всех воинственных упражнений, их с намерением стараются отклонить для того, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способности, ни бодрости решиться на какое-либо нововведение. С тою же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями.

Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям для сбыта им своих товаров и для получения через их руки произведений чужеземных.

---

¹⁶ Флетчер говорит здесь о Строгановых (*прим. изд.*).

С этой целью, в нынешнем 1589 году они рассуждали между собой о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города, и чтобы на будущее время быть осмотрительнее относительно прочих иностранцев, которые будут приезжать во внутренние области государства, дабы они не завезли к ним лучшие обычаи и свойства, нежели какие они привыкли видеть у себя. Для того же самого установлено законами, чтобы никто не выходил из своего сословия, так что сын мужика, ремесленника или земледельца остается навсегда мужиком, ремесленником и проч. и не может идти далее, кроме того, что, выучившись читать и писать, достигает до повышения в священники или дьяки.

Язык у них одинаковый со славянским, который, как полагают, скорее происходит от языка русского, нежели русский от славянского. Известно, что народ, называемый славянами, получил свое начало в Сарматии и, вследствие побед своих, присвоил себе имя славян, т. е. народа славного или знаменитого, от слова слава, которое, на языках русском и славянском, означает то же, что и знаменитость или доблесть; но впоследствии, когда он был покорен разными другими народами, итальянцы, жившие с ним в соседстве, дали этому слову другое, противоположное значение, называя склавом всякого слугу, или крестьянина, так точно, как, по той же причине, готы и сирийцы называли так римлян. Русские буквы или письма суть греческие, только отчасти переименованы.

О промыслах, пище, одежде и других подобных предметах мы будем говорить в особой главе, относящейся до частной их жизни. Закон, обязывающий каждого оставаться в том состоянии и звании, в каком

жили его предки, весьма хорошо придуман для того, чтобы содержать подданных в рабстве, и так сообразен с этим и подобными ему государствами, чем менее он способствует к укоренению какой-либо добродетели или какого-либо особенного и замечательного качества в дворянах или простом народе, что никто не может ожидать награды или повышения, к которым бы мог стремиться, или же заботиться об улучшении своего состояния, а, напротив, подвергнет себя тем большей опасности, чем более будет отличаться превосходными или благородными качествами.

Глава четырнадцатая

Об отправлении правосудия и судопроизводстве по делам гражданским и уголовным

Судебные гражданские места по обязательствам и другим подобным предметам суть трех родов, так что каждое из них подчинено другому в апелляционном порядке. Низшее судебное место (учрежденное, по-видимому, для некоторого облегчения подданных) составляют губной староста, имеющий то же значение, что и олдермен, и сотский староста, или бэлиф каждой сохи или сотни, о коих я говорил выше, в главе об управлении областями. Они могут решать дела между жителями своей сохи или каждой отдельной сотни, где находятся под ведением областных князей и дьяков, к которым тяжущиеся стороны могут переносить свое дело, если губной или сотский старосты не успеют помирить их.

Второе судебное место составляют в главных городах каждой области или княжества упомянутые прежде князья и дьяки, подчиненные управляющим четырех Четвертей (как было сказано выше). После их решения можно еще подавать на апелляцию и переносить дело в высший суд, находящийся в Москве, где имеют свое пребывание лица, управляющие четырьмя Четвертями. Вот главные судебные места или судебные лица, коих ведомство простирается на все дела гражданские, возникающие в каждой отдельной Четверти, таким образом, что можно с любого из них начинать всякое дело, или же переводить его посредством апелляции из низших судов в высшие.

Гражданские дела начинаются и производятся у них следующим порядком. Во-первых, истец подает челобитную, в которой он объясняет предмет иска или причиненную ему обиду. На основании этой челобитной ему вручается выпись, или приказ, передаваемый им приставу или сержанту, о задержании ответчика, который, после того, должен представить удостоверение, что он явится к ответу в назначенный день, иначе сержант может обеспечить себя такими мерами, какие сам признает нужными.

Сержантов много, и они отличаются строгим и жестоким обращением с арестантами, коих, обыкновенно, заковывают в такие тяжелые кандалы, какие они только в состоянии вынести, для того, чтобы сорвать с них большую взятку. Иногда из-за каких-нибудь шести пенсов вы увидите человека с цепями на ногах, руках и на шее.

Когда тяжущиеся станут перед судьей, проситель начинает объяснять свое дело, основываясь на своей челобитной. Что касается до ходатаев, консулентов,

поверенных и адвокатов для того, чтобы защищать вместо истца его дело, то здесь нет ничего такого, и каждый обязан излагать свой иск и защищать права свои так хорошо, как умеет.

Если есть свидетели или другие доказательства, то их предъявляют судье. За неимением их или в случае неясности дела, при равносильных доказательствах, судья спрашивает того или другого из тяжущихся (кого ему самому вздумается, истца или ответчика), согласен ли он принять на себя крестное целование в том, чем уличает противника, или в чем отпирается. Тот, кто (вследствие такого предложение судьи) примет на душу крест, считается правым и выигрывает тяжбу. Эта церемония происходит не в суде, но так, что истца, который согласится на присягу, один из чиновников ведет в церковь, где она и совершается. Между тем деньги вешают на гвоздь, или под образом, и как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, то ему тотчас и отдают их.

Такой обряд крестного целования равняется у них клятве и почитается столь святым делом, что никто не дерзнет его нарушить или осквернить ложным показанием. Если обе стороны соглашаются поцеловать крест в спорном деле, то бросают жребий. Тот, кому он достанется, почитается правым и выигрывает тяжбу. Сторона, признанная виновной, присуждается к уплате долга, или штрафа, и, сверх того, к уплате царской пошлины, заключающейся в 20 пенсах на каждую марку, как было замечено выше.

По окончании таким образом дела обвиненный отдается на руки приставу (который имеет на то приказ из суда) для представления его на правез, если он не

заплатит тотчас деньги, или не удовлетворит просителя. Правежом называется место, находящееся близ суда, где обвиненных по решению и отказывающихся платить присужденный предмет или сумму, бьют батогами по икрам. Каждый день от восьми до одиннадцати часов утра их ставят на правеж и бьют до тех пор, пока они не заплатят деньги. Все время после полудня и ночью пристав держит их в кандалах, за исключением тех, которые представят достаточное обеспечение, что будут сами являться на правеж в назначенный час. На правеже человек сорок или пятьдесят ставят в один ряд и каждое утро стегают и бьют по икрам, между тем как они испускают жалобные вопли. После годичного стояния на правеже, если обвиненный не захочет или не в состоянии удовлетворить кредитора, последнему дозволяется законом продать жену его и детей, вовсе или на известное число лет; а если предлагаемая за них сумма недостаточна на полное удовлетворение, то он сам может взять их себе в рабы на несколько лет или навсегда, смотря по количеству долга.

Спорные дела, не утверждающиеся на прямых доказательствах, или основанные на предположениях и обстоятельствах, которые должны быть взвешены судьей, тянутся весьма долго и доставляют большие выгоды как судье, так и прочим должностным лицам. Напротив, дела, возникающие на основании записей или письменных обязательств, решаются у них, большей частью, удовлетворительно и скоро. Эти записи или письменные обязательства составляются весьма просто, именно таким образом:

Се яз Иван Васильев сын занял семи у Афонасья Дементьева сына сто рублей денег московских ходячих, от Крещения до Сборного воскресенья, без росту. А

полягут деньги по сроце, и мне ему давати рост, по расчету, как ходит в людях, на пять шестой. А на то послуши: Никита Сидоров сын, и проч. А кабалу писал Гаврилка Яковлев сын, лета 7096^[17].

Свидетели и должник (если умеют писать) означают имена свои собственноручно на обороте записи; других же удостоверительных знаков или печатей у них не употребляется.

Если кто попадает в каком-либо преступлении (как то: измене, убийстве, воровстве и т. п.), то, прежде всего, приводят его к князю и дьяку той области, где он числится, для допроса. Допрос в подобных случаях производится, обыкновенно, посредством истязаний (что называется пыткой), состоящих в том, что преступника бьют кнутьями, сделанными из ремней из белой кожи, шириною в палец, так что каждый удар производит рану, врезываясь в тело, или привязывают к вертелу и жарят на огне, иногда же ломают и вывертывают у него какой-либо член раскаленными щипцами, разрезают тело под ногтями и т. п.

Сделанный таким образом допрос, вместе с доказательствами и уликами, какие найдутся против обвиняемого, отсылается в Москву к управляющему той Четвертью, под ведением коей состоит область, а он представляет его на рассмотрение и решение Думы, где только и могут быть окончательно решаемы дела, относящиеся до жизни и смерти. В этом случае считают

---

¹⁷ Так как предлагаемая здесь форма заимствована Флетчером, судя по означению самого года (1588) и собственных имен, из современной ему заемной кабалы, то мы почли долгом удержать в переводе и технические термины документов этого рода, вполне известные нам на основании множества дошедших до нас списков (ср., для примера, в «Актах юридических», изданных Археографич. Комиссией, СПб., № 232–256) (*прим. перев.*).

достаточным одних улик, излагаемых в деле, хотя сами члены Думы никогда не видали и не допрашивали обвиняемого, который между тем содержится в тюрьме того места, где совершено преступление, и никогда не пересылается туда, где решается само дело. Если подсудимого найдут действительно виновным, то приговаривают его к смертной казни, смотря по роду преступления, и управляющий Четвертью отсылает этот приговор к князю и дьяку для приведения его в исполнение. Преступника везут на место казни со связанными руками и с зажженной восковой свечой, которую он держит между пальцами.

Различные виды употребляемой у них смертной казни суть: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимой под лед, сажание на кол и т. п. Но большею частью преступников, приговоренных к смерти летом, не казнят до зимы: тогда убивают их ударом в голову и пускают под лед. Это разумеется о простолюдинах. Что же касается до лиц дворянского сословия, если кто из них окрадет или убьет бедного мужика, то их не так тяжело наказывают или даже вовсе не призывают к ответу. Причина та, что простолюдинов почитают их холопами, или крепостными рабами.

Если какой-либо сын боярский или дворянин военного звания совершит убийство, или что украдет, то иногда посадят его в тюрьму, по усмотрению царя; но если уже слишком известно, каким образом сделано им преступление, то его, может быть, высекут, и этим обыкновенно ограничивается все наказание. Когда кто убьет своего человека, то весьма мало за него отвечает или вовсе не считается виновным по той же причине, что слуга признается холопом, или крепостным, над жизнью

которого господин имеет полную власть. Самое большое наказание за подобный поступок состоит в какой-нибудь незначительной пене в пользу царя, если преступник богат, так что суд имеет дело скорее с кошельком, нежели с противозаконным действием.

Письменных законов у них нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие тому подобные судебные формы и обстоятельства, но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изустный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц.

Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против коих несправедливости и крайнего угнетения ему бы необходимо было иметь значительное количество хороших и строгих законов.

Глава пятнадцатая

О военной силе, главных военачальниках и жалованье их

Военные в России называются детьми боярскими, или сыновьями дворян, потому что все они принадлежат к этому сословию, будучи обязаны к военной службе по самому своему званию.

В самом деле, каждый воин в России есть дворянин, и нет иных дворян, кроме военных, на коих такая

обязанность переходит по наследству от предков, так что сын дворянина (рожденный воином) всегда остается дворянином и вместе с тем воином и не занимается ничем другим, кроме военной службы. Как скоро они достигают того возраста, когда в состоянии носить оружие, то являются в Разряд, или к великому констеблю, и объявляют о себе: имена их тотчас вносят в книгу, и им дают известные земли для исправления их должности, обыкновенно, те же самые, какие принадлежали их отцам, оттого, что земли, определенные на содержание войска, владение коими обуславливается этой повинностью, все одни и те же, без малейшего увеличения или уменьшения.

Но если царю покажется достаточным число лиц, состоящих на таком жалованье (ибо все земли на всем пространстве государства уже заняты), то часто их отпускают, и они не получают ничего, кроме небольшого участка земли, разделенного на две доли. Такое распоряжение производит большие беспорядки. Если у кого из военных много детей, и только один сын получает содержание от царя, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание несправедливыми и дурными средствами, ко вреду и угнетению мужиков, или простого народа. Это неудобство происходит вследствие того, что военные силы государства содержатся на основании неизменного наследственного порядка.

Число войска, получающего постоянное жалованье, следующее: во-первых, дворян, т. е. окладных или царских телохранителей, считается до 15 000 всадников с их начальниками, которые всегда должны быть в готовности на службу.

Эти 15 000 всадников разделяются на три разряда или степени, отличные одна от другой как по значению, так и по жалованью. Первый разряд составляют так называемые Дворяне Большие, или полк главных окладных, из коих одни получают сто, другие восемьдесят рублей в год, и ни один менее семидесяти. Вторым разрядом составляют Средние Дворяне, или вторые по количеству их оклада. Дворянам этого разряда уплачивается по шестидесяти или пятидесяти рублей в год, и никому менее сорока. К третьему или низшему разряду принадлежат Дети Боярские, самые последние по окладу. Из них те, коим дается наибольшее жалованье, получают тридцать рублей в год, а другие только двадцать пять или двадцать, но никто менее двенадцати. Половина жалованья выдается им в Москве, другую же получают они в поле от главного военачальника, если бывают в походе и участвуют в военных действиях. Сумма всего, выдаваемого им, годового жалованья, когда оно уплачивается им вполне, простирается до 55 000 рублей.

Такое денежное жалованье получают они сверх земель, приписанных к каждому из них, как к старшим, так и к младшим, сообразно степеням. Тот, кто имеет наименее земли, получает еще двадцать рублей или марок в год. Кроме этих 15 000 отборных всадников (находящихся при особе государя, когда он сам бывает на войне, подобно римским оруженосцам, называвшимся преторианцами), царь избирает еще 110 человек из дворян, наиболее знаменитых по происхождению и пользующихся его особенной доверенностью. В список их вносятся имена тех, которые в совокупности могут выставить от себя, в случае войны, до 65 000 всадников, со всеми необходимыми военными снарядами, по

русскому обычаю, для чего они ежегодно получают от царя, собственно на себя и на их отряды, около 40 000 рублей.

Эти 65 000 человек должны каждый год отправляться в поход на границу к земле крымских татар (когда не получают иного назначения), все равно, есть ли война с татарами или нет.

По-видимому, сосредоточение столь значительных сил под начальством дворян ежегодно в одном известном месте может быть опасно для государства, но это делается так, что царю нечего бояться ни за себя, ни за свои владения по следующим причинам: во-первых, потому, что дворян этих много, именно, 110 человек, и все они сменяются царем так часто, как ему вздумается; во-вторых, они получают все содержание от царя, а сами по себе имеют весьма ограниченный доход, притом выдаваемые им ежегодно 40 000 рублей к сроку должны немедленно уплачивать находящемуся под ними войску; в-третьих, большей частью они находятся при особе царя, принадлежа к его Думе или вообще к числу его советников в пространном значении; в-четвертых, они более походят на плательщиков, нежели на военачальников, потому что сами никогда не ходят на войну, кроме тех, кто получит на то особое приказание от самого царя. Таким образом, число всадников, находящихся всегда в готовности и получающих постоянное жалованье, простирается до 80 000 человек, не сполна, или же несколько более.

Если встретится надобность в большем числе войска (что, впрочем, редко случается), то царь берет на службу боярских детей, не получающих жалованья, сколько ему нужно, а если и их недостаточно, то дает приказание

дворянам, коим пожалованы им поместья, выставить каждому в поле соразмерное число рабов (называемых холопами и обрабатывающих землю) со всей амуницией, смотря по количеству всего набираемого войска. Эти ратники (по окончании службы) немедленно снимают с себя оружие и возвращаются к своим прежним рабским занятиям.

Пехоты, получающей постоянное жалованье, царь содержит до 12 000 человек, называемых стрельцами. Из них 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни имел пребывание царь, и 2000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе, принадлежа к дворцу, или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах, где остаются до тех пор, пока не понадобится отправить их в поход. Каждый из них получает жалованья по семи рублей в год, сверх двенадцати мер ржи и столько же овса. Наемных солдат из иностранцев (коих называют немцами) у них в настоящее время 4300 человек, именно: поляков, т. е. черкес (подвластных полякам), около 4000, из коих 3500 размещены по крепостям; голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд, в числе 100 человек или около того. Последних употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков, а татар (коих иногда нанимают, но только на время), наоборот, против поляков и шведов, почитая благоразумнейшей мерой употреблять их на противоположной границе.

Главные начальники или полководцы этих войск, по названию их и степеням, суть следующие. Во-первых, Большой Воевода, т. е. старший военачальник или генерал-лейтенант, подчиненный прямо царю. Обыкновенно он избирается из четырех главных

дворянских домов в государстве, впрочем, так, что выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских, а, напротив, считают вполне достойным этой должности того, кто пользуется особенным значением по знатности своего рода и вследствие этого расположением войска, хотя бы ничем более не отличался. Стараются даже, чтобы эти оба достоинства, т. е. знатность происхождения и власть, никак не соединялись в одном лице, особенно если в нем заметят ум или способность к делам государственным.

Большим Воеводой, или генералом, бывает теперь, обыкновенно, в случае войны, один из следующих четырех: князь Феодор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, Черкасский и Трубецкой. Все они знатны родом, но не отличаются никакими особенными качествами, и только Глинский (как говорят) обладает несколько лучшими дарованиями. Чтоб заменить этот недостаток воеводы, или генерала, к нему присоединяют другого, также в качества генерал-лейтенанта, далеко не столь знатного родом, но более замечательного по храбрости и опытности в ратном деле, так что он распоряжается всем с одобрения первого. Теперь главный у них муж, наиболее употребляемый в военное время, некто князь Димитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший (как говорят) большие услуги в войнах с татарами и поляками. Под воеводой и его генерал-лейтенантом находятся еще четверо других, которые командуют всей армией, разделенной между ними, и могут быть названы генерал-майорами.

Каждый из четырех последних имеет в своем распоряжении свою четверть, или четвертую часть, из коих первая называется правым полком, или правым

крылом, вторая левым полком, или левым крылом, третья рушным полком, или разъединяемым отрядом, потому что отсюда посылаются отдельные лица для внезапных нападений, выручки или подкрепления, смотря по обстоятельствам; наконец, четвертая называется сторожевым полком, или охранным отрядом. Каждый из четырех генерал-майоров имеет при себе двух товарищей (всех их восемь), которые, по крайней мере, два раза в неделю должны делать смотр и учение своим отдельным полкам или отрядам, также судить их за все проступки и беспорядки, происходящие в лагере.

Эти восемь человек, обыкновенно, избираются из числа 110 (о коих я говорил выше), получающих жалованье и раздающих его солдатам. Под ними находятся разные другие начальники, как то: головы, командующие отрядами, состоящими из тысячи, пятисот и ста человек, пятидесятские, или начальники пятидесяти, и десятские, или начальники десяти человек.

Кроме воеводы, или главного военачальника (о котором я говорил выше), есть у них еще двое, носящие название воевод, из коих один главный над артиллерией (называемый Нарядным Воеводой), который имеет под собой несколько других начальников, необходимых для такого рода службы. Другой называется Гулевым Воеводой, или разъездным начальником, под ведением коего находится 1000 отборных всадников, для разъездов и шпионства; в его распоряжение отдан подвижной городок, о котором мы будем говорить в следующей главе. Все эти начальники и должностные лица обязаны являться один раз в день к Большому Воеводе, или главному военачальнику, для получения его приказаний

и донесения ему о разных предметах, относящихся до службы.

Глава шестнадцатая

О сборе войск, вооружении и продовольствии в военное время

Когда предстоит война (которая бывает каждый год с татарами и часто с поляками и шведами), начальники четырех Четвертей именем царя рассылают повестки ко всем областным князьям и дьякам, для объявления в главных городах каждой области, чтобы все дети боярские, или сыновья дворян, являлись на службу на такую-то границу, в такое-то место и в такой-то день и там представлялись бы таким и таким начальникам. Как скоро они являются на место, назначенное в повестках или объявлениях, имена их отбираются известными лицами, определенными к тому Разрядом, или главным констеблем, в качестве писцов отдельных отрядов. Если кто из них в назначенный день не явится, то подвергается штрафу и строгому наказанию. Что касается до предводителя войска и других главных начальников, то они посылаются на место самим царем, с таким поручением и приказанием, какие он сам сочтет полезными для предстоящей службы.

Когда соберется все войско, то распределяется оно на отряды, или парии, состоящие из десяти, пятидесяти, ста, тысячи человек и проч., каждый отряд под своим начальником, а из всех этих отрядов составляется четыре полка, или легиона (однако гораздо многочисленнее легионов римских), под начальством четырех

предводителей, имеющих значение генерал-майоров (как было сказано выше).

Вооружение ратников весьма легкое. У простого всадника нет ничего, кроме колчана со стрелами под правой рукой и лука с мечом на левом боку, за исключением весьма немногих, которые берут с собой сумы с кинжалами, или дротик, или небольшое копье, висящее на боку лошади; но ближайшие начальники их имеют при себе еще другое вооружение, как то: латы или нечто подобное. У военачальника и других главных предводителей и знатных лиц лошади покрыты богатою сбруей, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковой бахромой, и унизаны жемчугом и драгоценными камнями; сами они в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой обыкновенно надевают еще одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой; на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч, лук и стрелы, в руке копье с прекрасным нарукавником, и перед ними везут шестопер, или начальнический жезл. Их сабли, луки и стрелы похожи на турецкие. Убегая или отступая, стреляют они так же, как татары, и вперед и назад.

Стрельцы, составляющие пехоту, не носят никакого оружия, кроме самопала в руке, бердыша на спине и меча сбоку. Ствол их самопала не такой, как у солдатского ружья, но гладкий и прямой (несколько похожий на ствол охотничьего ружья); отделка ложа очень груба и неискусна, и самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшой пулей.

Что касается до съестных припасов, то царь не дает никакого продовольствия ни начальникам, ни нижним

чинам и ничего никому не отпускает, кроме как иногда некоторого количества хлеба, и то на их же деньги. Каждый обязан иметь с собой провиант на четыре месяца и в случае недостатка может приказать, чтобы добавочные припасы были ему привезены в лагерь от того, кто обрабатывает его землю, или из другого места. Много помогает им то, что в отношении жилища и пищи каждый русский заранее готовится быть воином, хотя главные начальники и другие значительные лица возят с собой палатки, похожие на наши, и имеют у себя несколько лучшие запасы. В поход они обыкновенно берут сушеный хлеб (называемый сухарями) и несколько муки, которую мешают с водой и таким образом делают небольшой комок теста, что называют толочном и едят сырое вместо хлеба. Из мясного употребляют они в пищу ветчину, или другое сушеное мясо, или рыбу, приготовленные на манер голландский. Если бы русский солдат с такой же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен и навычен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им и в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей. Это происходит частью от его рабского состояния, которое не позволяет развиться в нем сколько-нибудь значительной храбрости или доблестям, а частью от недостатка в почестях и наградах, на которые ему нет никакой надежды, какую бы услугу он ни оказал.

Глава семнадцатая

О походах, нападении и других военных действиях

Русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил. Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, за исключением того, что четыре полка, или легиона (на которые оно разделяется), находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанной толпой, бросаются вперед по команде генерала. Знамя у них с изображением св. Георгия. Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля.

Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этим лошадям связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум. В сражении они прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами, прежде нежели доходят до ударов.

Пехоту (которой в противном случае надлежало бы командовать в порядке), обыкновенно, помещают в какой-нибудь засаде или удобном месте, откуда бы она

могла более вредить неприятелю, с меньшей опасностью для себя. В войне оборонительной, или в случае сильного нападения татар на русскую границу, войско сажают в походную или подвижную крепость (называемую Вежа или Гуляй-город), которая возится при нем под начальством Воеводы Гулевого (или разъездного генерала), о котором я говорил прежде.

Эта походная или подвижная крепость так устроена, что (смотря по надобности) может быть растянута в длину на одну, две, три, четыре, пять, шесть или семь миль, именно на сколько ее станет. Она заключается в двойной деревянной стене, защищающей солдат с обеих сторон, как с тылу, так и спереди, с пространством около трех ярдов между той и другой стеной, где они могут не только помещаться, но также имеют довольно места, чтоб заряжать свои огнестрельные орудия и производить из них пальбу, равно как и действовать всяким другим оружием. Стены крепости смыкаются на обоих концах и снабжены с каждой стороны отверстиями, в которые выставляется дуло ружья или какое-либо другое оружие. Ее возят вслед за войском, куда бы оно ни отправлялось, разобрав на составные части и разложив их на телеги, привязанные одна к другой и запряженные лошадьми, коих, однако, не видно, потому что они закрыты поклажей, как бы навесом. Когда привезут ее на место, где она должна быть поставлена (которое заранее избирает и назначает Гулевой воевода), то раскидывают, по мере надобности, иногда на одну, иногда на две, а иногда и на три мили или более. Ставят ее очень скоро, не нуждаясь притом ни в плотнике, ни в каком-либо инструменте, ибо отдельные доски так сделаны, чтобы прилаживать их одну к другой, что не трудно понять тем,

коим известно, каким образом производятся все постройки у русских.

Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел. Внутри крепости ставят даже несколько полевых пушек, из коих стреляют, смотря по надобности. Таких пушек они берут с собой очень немного, когда воюют с татарами; но в войне с поляками (коих силы у них на лучшем счету) запасаются орудиями всякого рода и другими нужными предметами. Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная Палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые.

Русский солдат, по общему мнению, лучше защищается в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле. Это замечено во всех войнах, и именно при осаде Пскова, за восемь лет тому назад, где польский король, Стефан Баторий, был отражен со всей его армией, состоявшей из 100 000 человек, и принужден, наконец, снять осаду, потеряв многих из лучших своих вождей и солдат. Но в открытом поле поляки и шведы всегда берут верх над русскими.

Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой, с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу.

Глава восемнадцатая

О приобретениях и способе удерживать в подчинении завоеванные области

Русские цари в последние годы весьма много распространили пределы своих владений. Подчинив себе княжество Московское (ибо до того времени, как сказано выше, они были только князьями Владимирскими), прежде всего овладели они как самим Новгородом, так и его областью на запад и северо-запад, чем значительно увеличили свои владения и усилили свои средства для покорения других областей. Это было совершено Иваном, прадедом нынешнего царя, Феодора, около 1480 года.

Он же начал воевать с Литвой и Ливонией, но покорение этих стран, начатое им только нападением на некоторые их части, продолжал и довершил сын его, Василий, покоривший сперва город Псков с его областью, потом город Смоленск, также с областью, и многие другие значительные города, с принадлежавшим к ним обширным пространством земли, около 1514 года. Победы эти, одержанные им над леттами, или литовцами, в то время, когда князем у них был Александр, он dokonчил скорее с помощью внутренних раздоров и измены некоторых из самих туземцев, нежели посредством какой-либо особенной политики, или собственной силой.

Но все завоевания были утрачены сыном его, Иваном Васильевичем, за восемь или девять лет тому назад, по договору с польским королем, Стефаном

Баторием, к которому он принужден был превосходством поляков, вследствие одержанной над ним победы, и внутренними раздорами в своем государстве. Несмотря на то, в настоящее время русский царь только с этой стороны оставил им владения их, именно: города Смоленск, Витебск, Чернигов и Белгород в Литве; в Ливонии же нет у них ни одного города, ни даже пяди земли.

В то время, когда Василий завоевал сначала эти земли, он дозволил туземцам удержать за собой их владения и жить во всех их городах, с тем только, чтобы они платили ему подать, находясь под управлением русских воевод. Но заговоры и бунты, открывшиеся вскоре после того, заставили его поступить с ними решительнее.

Итак, предприняв против них вторичный поход, он перебил и увез с собой три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал татарам, служившим ему на войне, а вместо их поселил столько своих русских, сколько могло быть достаточным для усиления оставшихся туземцев вместе с его же военными гарнизонами. Несмотря, однако, на это, царь сделал ошибку в том, что, взяв отсюда простой народ (который должен бы обрабатывать землю и очень легко и без всякой опасности мог бы содержаться в повиновении другими лучшими средствами), был после того принужден, в продолжение нескольких лет сряду, кормить эту страну (особенно большие города) из доходов своих собственных владений в России, оттого, что земля оставалась пустой и необработанной.

То же самое случилось с пристанью Нарвой в Ливонии, где сын его, Иван Васильевич, для того, чтобы

держат в повиновении город и саму область, построил на другой стороне реки город с крепостью (названный Ивангород). Крепость велел он сделать так прочно и так оградить, что ее считали неприступной; после же того, как она была окончена, в награду архитектору (который был родом поляк) велел выколоть ему оба глаза, чтобы он не мог выстроить другой подобной крепости. Но как всех тамошних жителей царь оставил на прежнем месте, не уменьшив их количества или силы, то город и крепость вскоре после того были переданы во владение короля Шведского.

На юго-восточной стороне они приобрели царство Казанское и Астраханское, завоеванные у татар покойным царем, Иваном Васильевичем, отцом нынешнего государя, первое лет 35, а другое 33 года тому назад. На север к Сибири принадлежит царю весьма широкое и длинное пространство земли, от Вычегды до реки Обь, с количеством около 1000 миль, так что он величает себя теперь Повелителем всея Сибирская земли.

Области Пермь и Печора, населенные народом, совершенно отличным от русских и говорящим другим языком, покорены также в недавнее время, и то более страхом и грозой меча, нежели действительной силой, так как это народ слабый и бедный, не имеющий никаких средств к защите.

Русский царь держит в повиновении свои настоящие владения таким образом. В четырех главных пограничных городах: Пскове, Смоленске, Астрахани и Казани определены известные лица из его думных бояр, хотя не самого знатного происхождения, но пользующиеся особенным доверием, коим предоставлена

большая власть (для поддержания и твердости их правления), нежели прочим князьям, определяемым в другие места, как было замечено выше, в статье об управлении областями. Этих сановников царь сменяет иногда каждый год, иногда же в два или в три года раз, но уже долее не оставляет их на месте, кроме лиц, которые пользуются самым высоким доверием и особенным расположением, как сами по себе, так и по своей службе: иначе, если увеличить их срок, они могут войти в какие-либо близкие сношения с неприятелем (чему и были некоторые примеры), находясь столь далеко без всякого надзора.

Кроме того, города весьма хорошо защищены траншеями, крепостями и орудиями, с гарнизонами от двух до трех тысяч человек в каждом городе. На случай осады их заранее снабжают продовольствием на два и на три года вперед. Четыре крепости: Смоленск, Псков, Казань и Астрахань — построены весьма хорошо и могут выдержать всякую осаду, так что их почитают даже неприступными.

Что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит царю, то их удерживают тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более грозой меча, нежели самым оружием. Во-первых: царь поселил в этих странах столько же русских, сколько там туземцев, и содержит в них, сверх того, гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых: здешние начальники и судьи все русские и сменяются царем очень часто, именно, каждый год по два и по три раза, несмотря на то, что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно

трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы, которой, впрочем, не имели и тогда, когда составляли одно целое. В-четвертых: царь заботится, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег, и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго.

В Сибири (где царь продолжает свои завоевания) построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, в числе около шести тысяч солдат, из русских и поляков, которые царь усиливает, отправляя туда новые партии для населения, по мере распространения владений. Теперь, сверх того, во власти его находится брат царя Сибирского, которого некоторые из военачальников убедили оставить свою родину, обещав ему отличное содержание и лучший образ жизни с русским царем, нежели какой он вел у себя в Сибири. Его привезли в прошедшем году, и теперь он живет вместе с царем в Москве, получая хорошее содержание.

О правлении русского царя где бы то ни было, в странах ли наследственных или завоеванных, можно сказать следующее. Во-первых, у народа отнимают оружие и другие средства к защите и не позволяют никому иметь их, кроме бояр. Во-вторых, беспрестанно отнимают у него деньги, товары и в течение нескольких лет не оставляют ничего, кроме тела и жизни. В-третьих, царь раздает и разделяет свои владения на многие мелкие части, учреждая в них отдельные управления, так что нет ни у кого довольно владений для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имел другие средства. В-четвертых, области управляются людьми незначущими, не имеющими сами по себе силы и совершенно чуждыми

жителям тех мест, коими заведывают. В-пятых, царь сменяет обыкновенно своих правителей один раз в год, дабы они не могли слишком сблизиться с народом или войти в сношение с неприятелем, если заведуют пограничными областями. В-шестых, в одно и то же место он назначает правителей, неприязненных друг другу, дабы один был как бы контролером над другим, как то: князей и дьяков, отчего (вследствие их взаимной зависти и соперничества) здесь менее повода опасаться тесных между ними сношений; кроме того, царь узнает этим путем обо всех злоупотреблениях. В-седьмых, часто посылает он тайно в каждую область нарочных, пользующихся особенным его доверием, для разведывания обо всем, там происходящем, и обо всех тамошних беспорядках. Это очень обыкновенное дело, хотя такие лица посылаются невзначай и никому неизвестно, в какое время их должно ожидать.

Глава девятнадцатая

О татарах и других пограничных народах, с коими русские имеют наиболее сношений, военных и мирных

Соседи, с коими они находятся в более близких сношениях как в мирное, так и в военное время, суть: во-первых, татары, во-вторых, поляки, русскими называемые ляхами, по имени первого основателя их государства, которого звали Ляхом или Лехом; но к этому имени прибавлено слово по, означающее народ, и таким образом составилось название поляк, то есть народ или

потомство Ляха, известные у латинских народов, по свойству их письменного языка, под именем полян; в-третьих, шведы. Поляки и шведы пользуются большей известностью в Европе, нежели татары, которые живут от нас далее (принадлежат к азиатским народам). Они разделяются на многие поколения, различные одно от другого и по названию, и по управлению.

Самые значительные и могущественные из них суть татары крымские (называемые некоторыми Великим Ханом), которые живут на юге и юго-востоке от России и наиболее тревожат ее частыми набегами, обыкновенно, однажды в год, проникая иногда очень далеко во внутренние ее области. В 1571 году они дошли до Москвы с 200 000-ным войском, без всякого боя или сопротивления, оттого, что тогдашний русский царь (Иван Васильевич), выступивший против них со своей армией, сбился с дороги, но, как полагают, с намерением, не смея вступить в битву, потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам.

Сам город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые (состоя из деревянного строения, без камня, кирпича или глины, за исключением немногих наружных покоев) сгорели с такой быстротой и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: при сильном и страшном огне, объявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах; но еще более погибло из тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота, где, собравшись отовсюду в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, так стеснились в воротах и прилежащих к ним улицах, что в три ряда шли по

головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними. Таким образом, в одно и то же время от огня и давки погибло (как сказывают) 800 000 человек или более.

Запалив город и насладившись зрелищем яркого пламени, Крымский Хан возвратился домой со своим войском и прислал (как мне говорили) русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери и в таком отчаянии, не смея уже ни встретить неприятеля в поле, ни положиться на своих друзей и подданных. Главный повод к непрерывной вражде русских с крымцами составляют некоторые пограничные земли, на которые имеют притязание татары, между тем как ими владеют русские. Татары утверждают, что, кроме Астрахани и Казани (древнего владения восточных татар), вся страна от их границ на север и запад до города Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежит им. Такое показание кажется справедливым, судя по словам самих русских, которые рассказывают об особенном обряде, который русский царь должен был повторять каждый год в знак своего подданства Великому Хану Крымскому и который заключался в том, что русский царь, стоя подле ханской лошади (на которой тот сидел), должен был кормить ее овсом из собственной шапки, что происходило в самом Кремле Московском. Этот обряд (как они говорят) продолжался до времен Василия, деда нынешнего царя, который, взяв верх над крымским царем, благодаря хитрости одного из своих дворян (Ивана Дмитриевича Вельского), принял охотно следующий выкуп, именно: означенный обряд заменил определенной данью мехами, от которой также впоследствии отказался отец нынешнего царя. На этом основании они продолжают вражду: русские защищают

свою страну и земли, ими приобретенные, а крымские татары делают на них набеги один или два раза в год, иногда около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идет войной сам Великий или Крымский Хан, то ведет он с собой огромную армию в 100 000 или 200 000 человек. В противном случае, они делают кратковременные и внезапные набеги с меньшим числом войска, кружась около границы, подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу.

Обыкновенный их способ вести войну (так как они весьма многочисленны) заключается в том, что они разделяются на несколько отрядов и, стараясь привлечь русских к одному или двум местам на границе, сами нападают на какое-либо другое место, оставленное без защиты. Они сражаются и распределяют свои силы подобно русским (о чем было говорено выше), с той только разницей, что все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. Некоторые, кроме другого оружия, берут с собою пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т. е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде и в вооружении. Когда войску случается переходить через реку, они ставят вместе трех или четырех лошадей и к хвостам их привязывают длинные бревна, на которые садятся, и таким образом перегоняют лошадей через реку. В рукопашном бою (когда дело доходит до общего сражения) они, как

говорят, действуют лучше русских, будучи свирепы от природы, но от непрерывной войны делаясь еще храбрее и кровожаднее, ибо не знают никаких мирных гражданских занятий.

Несмотря на то, они хитрее, нежели можно думать, судя по их варварскому быту. Делая постоянные набеги и грабя своих пограничных соседей, они очень сметливы и изобретательны на всякие хитрости для своих выгод. Это доказали они, например, в войне с Белою IV, королем Венгерским, когда, сделав на него нападение с 500 000-м войском, одержали над ним блистательную победу. Убив, между прочим, королевского канцлера, Николая Чиника, они нашли у него собственную печать короля. Такой находкой воспользовались они тотчас для составления поддельных грамот от королевского имени во все города и селения, лежавшие близ того места, где происходило сражение, с предписанием, чтоб жители ни в каком случае не выступали сами и не вывозили пожитков из своих жилищ, но остались бы спокойно, ничего не опасаясь, и не предавали бы разоренное отечество в руки столь презренного и варварского неприятеля, каковы татары (придавая себе еще множество других позорных названий), ибо хотя и утратил он свои снаряды и лишился нескольких бродяг, шедших в беспорядке, однако не сомневается возвратить потерянное и одержать сверх того решительную победу, если только дикие татары осмелятся сразиться с ним в поле. С этой целью они заставили некоторых молодых людей, взятых в плен, написать грамоты на польском языке и, приложив к ним королевскую печать, отправили их во все части Венгрии, лежащие подле места сражения. Тогда венгерцы, собиравшиеся уже бежать со своим имуществом, женами и детьми, по получении известия о

поражении короля, успокоившись этими подложными грамотами, остались дома и таким образом сделались добычей татар, которые напали на них внезапно всей своей массой и захватили их прежде, нежели они успели принять какие-либо меры.

При осаде города или крепости они всегда вступают в продолжительные переговоры и делают заманчивые предложения, чтобы убедить к сдаче, обещая исполнить все, что только потребуют жители, но, овладев местом, становятся вполне неприязненными и жестокими. В этом случае у них есть правило быть справедливыми только со своими. Они не любят вступать в бой, но у них есть некоторые засады, куда (показавшись однажды и сразившись слегка) они тотчас же удаляются, как будто от страха, и таким образом, если возможно, увлекают сюда неприятеля. Но русские, зная хорошо их обычаи, бывают с ними весьма осторожны. Когда они делают набег с небольшим числом войска, то сажая на лошадей чучел в виде людей, чтоб их казалось более. Устремляясь на неприятеля, бросаются они с большим визгом и кричат все вдруг: Олла Билла, Олла Билла (Бог в помощь, Бог в помощь). Смерть до того презирают, что охотнее соглашаются умереть, нежели уступить неприятелю и, будучи разбиты, грызут оружие, если не могут уже сражаться или помочь себе.

Из этого видно, какая разница между татаринном, который предается столь отчаянной храбрости, и русским или турком. Солдат русский, если он начал уже раз отступать, то все спасение свое полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не умоляет о жизни, будучи уверен, что должен умереть. Турок же обыкновенно, как скоро потеряет надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает

оружие, протягивает обе руки и поднимает их вверх, как бы позволяя связать себя, надеясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля.

Главную добычу, которой татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое число пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям. С этою целью они берут с собой большие корзины, похожие на хлебные, для того, чтобы осторожно возить с собой взятых в плен детей; но если кто из них ослабеет или занеможет на дороге, то ударяют его оземь или об дерево и мертвого бросают. Рядовые не обязаны стеречь пленных и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных занятий; но у них есть особые отряды в войске, которые определены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь пленных и другую добычу.

Русские, смежные с ними (привыкнув к ежегодным их нападениям в летнее время), держат у себя очень мало скота, кроме свиней, которых татары не трогают и не угоняют, потому что они одной религии с турками и не употребляют в пищу свиного мяса. О Христе и Спасителе нашем у них те же понятия, какие принимают турки в своем алкоране, т. е. что Он родился от Ангела Гавриила и Девы Марии, что Он был великий пророк и будет судьей вселенной в последний день. Во всех прочих предметах они сообразуются также с правилами турок, испытав силы турецкие при взятии ими у них Азова, Каффы и других городов близ Евксинского или Черного моря, которые прежде того платили дань крымским татарам. Таким образом, теперь даже в Крымские Ханы обыкновенно избирается один из дворян, назначаемых турецким государем, и этим путем турки дошли наконец

до того, что крымские татары отдают им десятую часть своей добычи, приобретаемой войной с христианами.

В религиозном отношении отличаются они от турок тем, что у них есть истуканы, сделанные из шелка или другой материи наподобие человека, которых они привязывают к дверям своих походных жилищ для того, чтобы они были янусами, или сберегателями их дома. Не всякий может делать таких идолов, а только некоторые освященные женщины, заведывающие этими и другими подобными предметами. Кроме того, у них есть изображение их государя или Великого Хана, в огромном размере, которое они выставляют в походах на каждой стоянке и перед которым должен преклоняться каждый, мимо его проходящий, будь он татарин или иностранец. Они имеют большую веру в волшебство и во всякие предзнаменования, что бы им ни случилось видеть или слышать.

При вступлении в брак они не уважают ни свойства, ни кровного родства. Нельзя только жениться на матери, сестре, дочери, и хотя новобрачный берет молодую к себе в дом и живет с нею, но не признает ее своей женой до тех пор, пока не будет у них потомства. Тогда берет он у ее родственников приданое, которое заключается в лошадях, овцах, коровах и проч.; если же по прошествии известного времени она окажется бесплодной, то отправляет ее назад в ее семейство.

Первые у них лица после их царя суть некоторые князья, называемые юли мурзами или диееи-мурзами, из коих каждый имеет в своем распоряжении отдельный отряд, известный под именем орды и состоящий из 10, 20 или 40 тысяч человек. Если царь имеет в них нужду для войны, то они обязаны явиться и привести с собой

известное число своих солдат так, чтобы у каждого было по крайней мере две лошади, одна для езды, другая на убой, когда дойдет очередь есть его лошадь, ибо их пищу составляет большей частью лошадиное мясо, которое они едят без хлеба и без всего другого. По этой причине, если русскому случится взять в плен татарина, то он наверное найдет у него лошадиную ногу или другую часть лошади, привязанную к седлу.

В прошедшем году, в бытность мою в Москве, приезжал сюда Кириак-Мурза, племянник теперешнего крымского царя (которого отец прежде был царем), с 300 татар и двумя женами, из которых одна была вдова, оставшаяся после его брата. Угостив его весьма хорошо по русскому обычаю, отправили к нему, на дом, по случаю его приезда, для того, чтобы приготовить ему ужин вместе с его товарищами, две очень большие и жирные лошади, изрубленные в куски и положенные в сани. Это мясо они предпочитают всякому другому, уверяя, что оно питательнее бычачьего, бараньего и проч. Но удивительно, что, хотя все они выезжают на войну на лошадях и все едят лошадиное мясо, все-таки, сверх того, каждый год приводят в Москву для обмена на другие произведения от 30 до 40 тысяч татарских лошадей, которых называют конями. Они держат также большие стада коров и черных овец более для шкуры и молока (которое возят с собой в больших бутылках), нежели для мяса, хотя изредка едят и его. Отчасти употребляют они также рис, винные ягоды и другие плоды; пьют же молоко или теплую кровь, мешая обыкновенно вместе эти оба напитка. Иногда на пути кидают лошади кровь из жилы и пьют ее теплой, пока она течет.

Городов они не строят, равно как вообще постоянных жилищ, но у них есть подвижные дома, называемые по-латыни вежами, устроенные на колесах, подобно пастушеским хатам. Эти повозки они берут с собой, когда отправляются на другое место, и туда же перегоняют скот свой. Прибыв на новую стоянку, они расставляют свои повозки рядами в большом порядке, так что между ними образуются улицы, и все это вместе имеют вид большого города. Таким образом жизни довольствуется и сам царь, у которого нет никакой другой столицы во всем царстве, кроме Агоры, или деревянного города, который перевозят за ним всюду. Что касается до постоянных и прочных зданий, какие строят в других государствах, то, по мнению их, они вредны для здоровья и неудобны.

Переселение на новые места, вместе с домами и скотом, начинается у них весной, по направлению от южных стран их владений к северным. Таким образом, подвигаясь все вперед до тех пор, пока не истравят всех лугов, до самой отдаленной границы своей земли на севере, возвращаются они после того опять тем же путем на юг (где и зимуют), останавливаясь на каждые десяти или двенадцати милях, ибо между тем трава уже подрастет и становится удобной для пищи скота на возвратном пути. От пределов Шелкалы по направлению к Каспийскому морю до русской границы страна их весьма удобна, особенно на юге и юго-востоке, но лежит без пользы, не будучи обработана.

Они вовсе не употребляют денег и потому предпочитают медь и сталь всем другим металлам, особенно сталь булатную, из которой делают сабли, ножи и другие нужные вещи. Что касается до золота и серебра, то они нарочно не пускают их в обращение (так

точно, как вовсе не обрабатывают земли), чтобы тем свободнее предаваться своей кочевой жизни и не подвергать страну свою набегам. Этим они много выигрывают перед всеми своими соседями, на которых всегда нападают, между тем как сами постоянно свободны от их набегов. Из тех же, кто вторгнулся в их владения (как, например, в древности Кир и Дарий Гистасп, с восточной и юго-восточной стороны), никто не имел успеха, как видно из истории того времени, потому что, в случае нападения на них какого-либо неприятеля, они обыкновенно заманивают его, показывая вид, что бегут и уклоняются от него (как бы от страху) до тех пор, пока не завлекут его довольно далеко в свои внутренние владения, и когда окажется у него недостаток в жизненных припасах и других потребностях (что непременно должно случиться там, где ничего нельзя достать), преграждают ему все пути и запирают его своими толпами. Этой хитростью (как видно из истории Турецкого государства Лаоника Халкакондиласа) они едва не захватили огромные полчища Тамерлана, который мог спастись только самым скорым бегством к реке Танаис, или Дон, потеряв, однако, множество людей и военных снарядов.

В истории, написанной Пахимером Греком (об императорах Константинопольских, от начала царствования Михаила Палеолога до времен Андроника Старшего), встречается, как помнится мне, известие об одном Нагае, полководце татарском, служившем царю восточных татар, по имени Казану (от которого город и царство Казань, вероятно, заимствовали свое название), что он не принял жемчуга и драгоценных камней, присланных ему в дар Михаилом Палеологом, спрашивая, на что они годны и могут ли предохранять от болезней,

смерти или других бедствий в жизни или нет. Из этого можно заключить, что они всегда и прежде ценили предметы только по мере их употребления и пользы для известного назначения.

Что касается до их наружности и телосложения, то у них лица широкие и плоские, притом желтые от загара и смуглые, взгляд свирепый и страшный; над верхней губой и на подбородке несколько редких волос; стан легкий и стройный, а ноги короткие, как бы нарочно созданные для верховой езды, к которой они привыкают с малолетства, выходя редко пешком по каким-либо делам. Говорят они скоро и громким голосом, как бы выходящим из какой-нибудь пустоты; когда же поют, то можно подумать, что ревет корова или воеет большая цепная собака. Главное занятие их состоит в стрельбе, к которой они приучают детей с малолетства, не давая им есть до тех пор, пока не попадут в цель, намеченную на каком-нибудь обрубке. Это тот же самый народ, который греки и римляне называли иногда скифами номадами, или скифскими пастухами.

Некоторые полагают, что турки происходят от крымских татар, и это мнение принимает также греческий историк Лаоник Халкакондилас в первой книге своей истории Турецкого государства, утверждая его на разных, весьма вероятных, предположениях. Сюда принадлежит, во-первых, само название, ибо слово турок значит пастух, или человек, ведущий кочевую и дикую жизнь. Так действительно и называли всегда скифских татар, между тем как греки именовали их скифские пастухи. Второе, принимаемое им основание то, что турки (в его время), жившие в Малой Азии, именно в Лидии, Карий, Фригии и Каппадокии, говорили тем же языком, каким говорили татары, обитавшие между рекой

Танаисом, или Доном, и Сарматией, которые (как очень хорошо известно) суть самые эти татары, называемые крымскими. Даже теперь народный язык турецкий не много отличается от языка татарского. Третье доказательство то, что турки и крымские татары весьма близки между собой как по вере, так и по промыслам и никогда не нападают друг на друга, кроме того, что турки (со времен Лаоника) завладели некоторыми городами по берегам Евксинского моря, которые прежде принадлежали крымским татарам. Четвертое основание то, что Ортогул, сын Огузальпа и отец Отомана (первого, носившего это имя всей турецкой нации), вышел из означенных стран в Азии и, покоряя соседей, дошел до окрестностей горы Тавра, где победил живших там греков и таким образом распространил имя и владения турок, проникнув до Евбеи, Аттики и других областей Греции. Таково мнение Лаоника, жившего среди турок во времена турецкого государя Амурата VI, около 1400 года, когда предание о происхождении их было еще свежо, почему и мог он вернее попасть на истину.

Есть еще разные другие татары, обитающие на границе России, как то: ногайцы, черемисы, мордва, черкесы и щелкалы, которые отличаются от крымских татар более названием, нежели управлением или чем-либо другим. Исключение составляют одни черкесы, примыкающие к юго-западной границе со стороны Литвы, которые гораздо образованнее прочих татар, собой весьма красивы и благородны в обращении, следуя в этом обычаям польским. Некоторые из них подчинились королям польским и исповедуют христианскую веру. Нагайцы живут к востоку и почитаются лучшими воинами из всех татар, но еще более других дики и свирепы. Черемисские татары, обитающие между русскими и

нагайцами, разделяются на луговых (т. е. живущих в долинах) и нагорных, или жителей гористых мест. Последние очень много беспокоили русских царей, которые по этой причине остаются теперь довольными тем, что могут покупать у них мир, платя их мурзам или дивей-мурзам, т. е. начальникам их племен, ежегодную дань русскими произведениями, за что они со своей стороны обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах на некоторых известных условиях. Говорят, что они справедливы и честны в своих поступках и потому ненавидят русских, коих почитают вообще лукавыми и несправедливыми. На этом основании простой народ неохотно хранит с ними договоры, но мурзы, или князья, за получаемую с них дань, удерживают его от нарушения условий.

Самыми грубыми и дикими почитаются татары мордовские, которые как своими обычаями, так и странным образом жизни отличаются от всех прочих. Что касается до их религии, то хотя они признают единого Бога, но поклоняются, как Богу, каждому живому существу, которое прежде всего встретят утром, и клянутся им в продолжение целого дня, что бы то ни было: лошадь, собака, кошка или другое какое животное. Если у кого из них умрет его приятель, то он убивает своего лучшего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте, впереди покойника, на кладбище. Это они делают (как сказывают русские) для того, чтобы у приятеля был добрый конь, на котором бы он мог доехать на небо, но вероятнее в знак любви, которую оставшийся в живых питает к своему умершему другу, желая, чтобы вместе с ним умерло и самое дорогое для него животное.

Близ царства Астраханского, составляющего самую отдаленную часть русских владений на юго-востоке, лежит область Щелкалы и Мидия, куда ездят русские купцы добывать шелк-сырец, сафьян, кожи и другие произведения. Главные города в Мидии, где русские производят торговлю, суть: Дербент (построенный, по словам тамошних жителей, Александром Великим) и Шамаха, где находится складочное место шелка-сырца. В здешнем краю, чтобы оживить шелковых червей (которые лежат мертвыми целую зиму), их кладут весной на солнце и (дабы еще более ускорить их оживление и заставить их скорее приняться за работу) собирают в мешки, которые вешают детям под мышки. Что касается до червя, называемого *chrisisip* (или по-нашему *chrymson*), который дает цветной шелк, то он рождается не в Мидии, а в Ассирии. На основании последней грамоты, данной царем в мою бытность, торговля с Дербентом и Шамахой, для вывоза отсюда шелка-сырца и других произведений этого края, равно как с Персией и Бухарией, вниз по реке Волге и через Каспийское море, дозволена как английским, так и русским купцам. Такое дозволение царь почитает за особенную с его стороны милость, и действительно, оно могло бы доставить много выгоды нашим английским купцам, если бы только вести торговлю надлежащим образом и правильно.

Все татары вообще не имеют совершенно никакого образования. Письменных законов у них также нет, а заменяются они некоторыми правилами общественной жизни, переходящими по преданию и общими всем ордам. Правила эти такого рода. Во-первых, повиноваться своему царю и другим властям во всем, что бы они ни повелели относительно общественной службы. Во-вторых, за исключением зависимости для

общественной пользы, каждый человек свободен и не обязан ни к какому отчету. Третье: ни один частный человек не может владеть каким-либо участком земли, но вся страна в своей целости есть достояние общее. Четвертое: презирать всякую лакомую пищу и разнообразие в яствах и довольствоваться тем, что прежде попадает под руку, дабы более укрепнуть и быть всегда готовым к исправлению своих обязанностей. Пятое: носить простое платье и чинить его, когда оно худо, все равно, необходимо ли то, или нет, для того, чтобы не было стыдно, если нужда заставит носить кафтан с заплатами. Шестое: брать или красть у чужеземца все, что только можно взять, так как они считают себя врагами всех, кто не захочет покориться их власти. Седьмое: в отношении к своей орде и своему народу быть верным в слове и деле. Восьмое: не впускать иностранцев в государство; если же кто из них переступит за границу, то делается рабом первого, взявшего его в плен, за исключением купцов и других лиц, имеющих при себе татарский ярлык или паспорт.

Глава двадцатая

О пермяках, самоедах и лопарях

Пермяки и самоеды, обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят так же, как полагают, от татар. Такое заключение подтверждается отчасти их наружностью, ибо у них вообще широкие и плоские лица, как у татар, за исключением только черкесов. Пермяки почитаются народом очень древним и в настоящее время подвластны России. Промышляют они звериной ловлей и меховой торговлей, также как и самоеды, которые живут далее к Северному морю.

Самоедами называют их (по словам русских) от самоедения, ибо в старину они были людоедами и пожирали друг друга. Мнение это тем более вероятно, что и в настоящее время они едят всякого рода сырое мясо без различия, даже падаль. Сами же самоеды утверждают, что называются так- от слова самое, выражая тем, что они суть народ коренной, или выросший на том самом месте, где живет и теперь, и что никогда не меняли его на другое, подобно большей части других народов. В настоящее время они подвластны русскому царю.

Я говорил с некоторыми из них и узнал, что они признают единого Бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для них нужными или полезными. Так, они поклоняются солнцу, оленю, лосю и пр. Но что касается до рассказа о золотой или яге-бабе (о которой случилось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей, на вопросы жреца, прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской со стороны моря, близ устья большой реки Оби, есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Норд-Капа представляет собой монаха). На этом месте, обыкновенно, собираются обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и действительно иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловли, охоты и т. п.

Они одеваются в олени шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью, как мужчины, так и женщины. Все они

черноволосые, и от природы нет у них бороды, так что трудно различить мужчину от женщины, кроме того, что последние носят клок волос, опущенный на уши. Они ведут дикий образ жизни, переходя с места на место и не имея ни домов, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо одному из них в особенности. В каждом отряде начальники или правители у них попы или жрецы.

На северной стороне от России, близ Карелии, лежит Лапония, которая простирается в длину, начиная от самого дальнего пункта на севере (со стороны Норд-Капа) до самой отдаленной части на юго-востоке (русскими называемой Святым носом, а англичанами мысом Благодати), на 345 верст или миль. От Святого носа до Кандалакса через Варзугу (как измеряется ширина этого края) расстояние 90 миль или около того. Вся страна состоит из озер или гор, которые близ моря называются тундрами, потому что все заключаются в твердой и неровной скале; но внутренние части покрыты обильными лесами, растущими по горам, между коими лежат озера. Пища у них весьма скудная и простая: хлеба нет, и едят они одну рыбу и живность. Они подвластны русскому царю и двум королям, шведскому и датскому, которые все берут, с них подать (как было замечено выше); но русский царь имеет самое значительное на них влияние и получает с них гораздо большую дань, нежели прочие. Полагают, что первоначально они названы лопью по причине их краткой и отрывистой речи. Русские разделяют всех лопарей на два рода: одних называют лопарями мурманскими, т. е. норвежскими, потому что они держатся вероисповедания датчан, а датчан и норвежцев признают здесь за один и тот же народ. Других, не имеющих никакой веры и живущих дикарями и в

язычестве, без всякого понятия о Боге, называют дикими лопарями.

Весь народ находится в совершенном невежестве и не употребляет даже никаких письменных знаков или букв. Но зато превосходит он все другие народы колдовством и чародейством, хотя, впрочем, рассказ (слышанный мною) об очаровании кораблей, плавающих вдоль их берегов, и способности их производить ветер попутный для своих друзей и противный для тех, кому хотят вредить, посредством узлов, навязанных на веревке (отчасти подобный рассказу об Эоловых мехах), есть не что иное, как басня, выдуманная (как кажется) ими самими для устрашения мореходцев, чтобы они не приближались к их берегам. Оружие их составляют длинный лук и ружье, которыми они превосходно действуют, умея их скоро заряжать и разряжать и метко попадать в цель, вследствие непрерывного упражнения (по необходимости) в стрельбе на охоте за дичью. Обыкновенно летом отправляются они большими партиями к морю, именно к Вардгузу, Коле, Когеру и заливу Витя-губе, где ловят треску и семгу, которую продают потом русским, датчанам и норвежцам, а с недавнего времени и англичанам, привозящим туда сукно для промена лопарям и корельцам на рыбу, рыбий жир и меха, коих у них также довольно много. Главный торг их бывает в Коле на Петров день, в присутствии начальника Вардгузы (резидента короля Датского), или посланного от него для назначения цены рыбе, рыбьему жиру, мехам и другим произведениям, также сборщика податей русского царя для получения подати, платимой всегда вперед при покупке или продаже. По окончании лова лодки вытаскиваются на берег, где, будучи опрокинуты килем вверх, остаются до открытия весны. Они ездят на

санях, запряженных оленями, которых летом пасут на острове, называемом Килдин (где почва гораздо лучше, чем в других местах этой страны), а на зиму, когда выпадает снег, пригоняют домой и употребляют для санной езды.

Глава двадцать первая

О церковном управлении и духовных лицах

Церковное управление совершенно сходно с греческим, так как здешняя Церковь составляет часть Церкви Греческой и никогда не признавала над собой владычества Латинской Церкви, которое присвоил себе папа. Для соблюдения большего порядка в описании их бесконечных обрядов, нежели какой соблюдают сами туземцы при отправлении их, я предложу вкратце: во-первых, какие у них духовные чины или должности, вместе с их духовной расправой и порядком отправления должностей; во-вторых, какие у них догматы веры; в-третьих, как совершается у них литургия или церковная служба, равно как и самые таинства; в-четвертых, какие, сверх того, существуют у них странные церемонии и суеверные обряды.

Должностей или чинов духовных как по числу, так и по названию и по степеням у них столько же, сколько и в западных церквах. Во-первых, патриарх, потом митрополиты, архиепископы, владыки, или епископы, протопопы, или протоиереи, попы, или священники, дьяконы, монахи, монахини и пустынножители.

Патриарх, или главный правитель в делах веры, до прошедшего года был Константинопольский, которого называли патриархом Сионским, оттого что, будучи изгнан из Константинополя (места своего пребывания) турками, он перешел на остров Сион, иногда называемый Хиос, где и основал свой патриарший престол. Русские цари и духовенство отправляли ему каждый год дары и признавали себя в духовной от него зависимости и в подчинении тамошней Церкви.

Этот обычай (сколько известно) Они соблюдают с тех пор, как начали исповедовать христианскую веру; но как давно они ее приняли, я не мог узнать наверное, потому что у них нет ни истории, ни памятников старины (о коих я бы слышал) относительно происшествий, бывших в государстве по делам церковным или общественным. Рассказывают только, что лет за триста какой-то император Константинопольский женился на дочери великого князя этой страны, который сначала не соглашался отдать ее за греческого императора, оттого что последний исповедовал христианскую веру. Рассказ этот совершенно согласуется с повествованием Лаоника Халкакондиласа в четвертой книге его турецкой истории, где он упоминает о таком браке греческого императора Иоанна с дочерью короля Сарматского, и подтверждается также их собственным сказанием, что в это время они еще не исповедовали христианскую веру, а приняли ее, и вместе с тем совершенно изменились, заимствовав Евангельское учение, уже в то время искаженное разными суевериями, от Греческой церкви, которая сама находилась тогда в упадке и была преисполнена множеством суеверных обрядов и грубых заблуждений как относительно догматов веры, так и церковного

управления, что видно из 8-й и 9-й книги Истории Никифора Григория.

Но что касается до времени, когда они приняли христианскую веру, то мне кажется, что русские в этом отношении ошибаются, судя по тому, что я нашел в Польской Истории, именно в главе третьей второй книги, где упоминается, что около 990 года Владимир, князь русский, женился на Анне, сестре Василия и Константина, императоров Константинопольских; вслед за тем русские приняли и веру и название христиан. Хотя это свидетельство относится к древнейшему времени, нежели собственное сказание русских, но конечный вывод в обоих случаях один и тот же, именно, что касается до истины и чистоты учения, сообщившего русским первые начатки религии, тем более, что церковь Греческая и тогда была уже преисполнена многими заблуждениями и суеверием.

В бытность мою здесь в 1588 году, в Москву приехал патриарх Константинопольский или Сионский, по имени Иероним,^[18] изгнанный, как говорят некоторые, турками, а по словам других, лишенный своего сана греческим духовенством. Царь, совершенно преданный суеверной набожности, принял его с большими почести-ми. Его спутники рассказывали, что до приезда своего в Москву он был в Италии у папы. Цель его приезда была вступить с царем в переговоры о следующих пунктах: во-первых, о союзе между ним и королем Испанским, как государем, наиболее могущим содействовать ему в борьбе с турками, для чего самого происходили также сношения между русскими и персиянами. Равным образом грузинцы

---

¹⁸ Так в подлиннике, вместо Иеремии, как действительно назывался патриарх Константинопольский.

отправляли послов к русскому царю для заключения союза, дабы напасть на турок со всех сторон их владений, пользуясь простотой теперешнего повелителя Турции. Договор этот поддерживал и посланник императора немецкого, прибывший в то же время ходатайствовать о нападении на польские области, пограничные с Россией, и о займе денег у русского царя, для продолжения войны за брата императора, Максимилиана, против сына короля Шведского, теперешнего короля Польского.

Но переговоры о союзе между русскими и испанцами (которые шли довольно успешно в то время, когда я прибыл в Москву, так что был уже назначен и посол в Испанию) разрушились по случаю побед, одержанных в прошедшем году Ее Величеством, королевой Английской, над королем Испанским. Это было причиной дурного приема, сделанного русским царем и его Думой тогдашнему английскому послу, так как они обманулись в своих политических расчетах относительно предполагаемого союза с Испанией.

Второе намерение его (для которого первый предмет служил только вступлением) состояло в том, чтобы, в отмщение туркам и греческому духовенству, свергнувшему его с престола, переговорить с царем о подчинении Русской церкви власти папы Римского, и по его недавнему прибытию из Рима можно думать, что он был прислан с такою целью самим папой, который и прежде несколько раз, хотя тщетно, домогался этого, а именно, при последнем царе, Иване Васильевиче, через легата своего, Антония, но, вероятно, считал самым надежным средством достигнуть своих намерений через переговоры и посредничество самого их патриарха. Когда же и это не удалось, то патриарх прибегнул к

переговорам третьего рода, замыслив отказаться от патриаршества и перенести патриарший престол из Константинополя или Сиона в Москву. Предложение его было так хорошо принято и одобрено царем (как предмет истинно религиозный и мудрый), что не хотели и слышать ни о каких других переговорах (особенно с иностранными послами) до тех пор, пока не было кончено это дело.

Причины, по коим патриарх убедил перенести престол свой в город Москву, были следующие: во-первых, что престол патриарший находился под властью турок, врагов веры, почему и следовало его перевести в какое-нибудь другое государство, исповедующее веру христианскую; во-вторых, потому, что Русская церковь оставалась в это время единственной законной дочерью церкви Греческой, следуя одному с ней учению и одинаковым обрядам, между тем как прочие единоверцы подчинились туркам и отступились от истинной религии. Хитрый грек, чтобы выгоднее продать свой плохой товар, старался прельстить царя честью, какая будет ему и его народу от перенесения патриаршего престола в главный город и столицу его царства. Что касается до права перенесения престола и назначения себе преемника, то он нисколько не сомневался, что это право вполне принадлежит ему.

Таким образом, царь, вместе со своей Думой и важнейшими лицами из духовенства, составив собор в Москве, положили митрополита Московского переименовать в патриархи всей Греческой церкви с той же властью и юрисдикцией, какая принадлежала прежде патриарху Константинопольскому или Сионскому. Для большего порядка и торжества, это приведено было в исполнение так: 25 января 1588 года Греческий

патриарх, в сопровождении русского духовенства, прибыл в собор Пречистая Богородицы, находящийся внутри Кремля (пройдя сперва процессией по всему городу и благословляя народ двумя перстами), где он произнес речь, отдал письменный акт о своем отречении и положил свой патриарший жезл, который тут же принял митрополит Московский. Сверх того, при посвящении этого нового патриарха происходили многие другие церемониальные обряды.

День этот праздновали все жители города; им велено было оставить свои работы и присутствовать при торжестве. В тот же день царь и царица прислали великому патриарху богатые дары, как то: серебряную посуду, золотую парчу, меха и проч., которые несены были по московским улицам с большой пышностью, а при отъезде он получил еще множество других даров от царя, дворянства и духовенства. Таким образом, патриарший престол Константинопольский или Сионский (существовавший со времени Никейского собора) перенесен в Москву, или, по крайней мере, они уверены, что имеют патриарха с теми же самыми правами и с той же властью, какими пользовался первый. Хитрый грек, употребив в свою пользу их суеверие, отправился теперь с богатой добычей в Польшу, не думая о том, продолжится ли у них патриаршество или нет.

Обстоятельство это очень легко может вести к разделению церковей Греческой и Русской, если русские удержат за собой патриаршество, за которое так дорого заплатили, а греки, как можно думать, изберут себе другого патриарха, не рассуждая о том, был ли этот патриарх изгнан турками или лишен сана своим же духовенством. В таком случае, быть может, и папе удастся подчинить Русскую церковь престолу Римскому

(для чего самого он мог даже выдумать такую уловку и посеять раздор между церквами), если только не будет тому препятствием то, что русские цари хорошо знают из примеров других христианских государей, какой вред может произойти и для них и для государства от такого подчинения их Римскому папе. С этой целью покойный царь Иван Васильевич много старался разведать о власти папы над христианскими государями и отправлял нарочно в Рим, чтобы узнать об устройстве и образе действий тамошнего двора.

В одно время с патриархом Иеронимом был изгнан турками Ларисский архиепископ, Димитрий, который теперь в Англии и выставляет причиной изгнания их обоим турками то, что будто бы они не приняли нового календаря папы с новым счислением года. До какой степени это невероятно, можно судить по следующим обстоятельствам. Во-первых, между папой и турецким государем вовсе нет таких тесных или дружественных сношений, чтобы последний решился изгнать подданного за ослушание папского постановления, особенно в таком деле, как изменение порядка времени в его собственном государстве. Во-вторых, турки мало заботятся о расчислении времени и об определении настоящего и точного числа лет от воплощения Христа, которого они признают не иначе, как замечено было выше. В-третьих, упомянутый патриарх теперь в Неаполе, в Италии, куда, вероятно, он никак бы не отправился, чтобы не быть почти в руках папы и так от него близко, если бы он точно был изгнан за сопротивление его постановлению.

Ведомство патриаршего престола, переведенного теперь в Москву, заключается во власти над всеми церквами не только в России и других царских владениях, но всюду над всеми церквами христианского

мира, бывшими прежде под властью патриарха Константинопольского или Сионского: по крайней мере, русский патриарх воображает, что имеет те же самые права. Ему подчинена также в виде собственной его епархии область Московская, кроме других ведомств. Двор или местопребывание его в Москве.

До постановления этого нового патриарха у них был всего один митрополит, который назывался митрополитом Московским. Теперь же, для большей пышности церковной и вследствие вновь учрежденного патриаршества, поставлены два митрополита, один в Новгороде Великом, другой в Ростове. Должность их заключается в том, чтобы принимать от патриарха все его приказания по церковным делам и передавать их для исполнения архиепископам, сверх того, что каждый из них управляет собственной епархией. Архиепископов четыре: Смоленский, Казанский, Псковский и Вологодский. Обязанность их одинакова с обязанностью митрополитов, с той разницей, что им принадлежит особая судебная часть, как викарным митрополитов и как стоящим выше епископов. За ними следуют Владыки, или епископы, коих шестеро: Крутицкий, Рязанский, Тверской, Новоторжский, Коломенский, Владимиро-Суздальский. Каждый из них заведывает обширной епархией, потому что и все прочие области государства разделены между ними.

Дела, подлежащие духовной власти митрополитов, архиепископов и епископов, почти те же самые, какими заведует духовенство в других странах христианских. Кроме власти над духовными лицами и управления делами чисто духовными, к их ведомству относятся все дела по завещаниям, также бракам и разводам, жалобы на некоторые обиды и проч. Для этого у них есть свои

чиновники или правители (называемые боярами Владычными) из лиц светского звания, имеющих степень князей или дворян. Они управляют их делами и держат за них суд. Кроме разных притеснений, делаемых ими простому народу, они также тягостны для попов, как князья и дьяки для бедных простолюдинов в подчиненных им областях. Сам по себе архиепископ или епископ не имеет власти решать поступающие к нему дела и не иначе может сделать приговор, как с согласия своего чиновника-дворянина. Причина та, что эти бояре, или дворяне, определяются на свои места не епископами, а самим царем или его Думой, и никому, кроме него, не должны давать отчета в своих действиях. Если епископ при вступлении в должность получит право избрать сам себе чиновника, то это почитается особенным и высоким к нему благоволением.

Впрочем, сказать правду, духовенство, как в отношении своих поместий и доходов, так и в отношении своей власти и юрисдикции, находится совершенно в руках и управлении царя и его Думы, и в том и в другом случае пользуется только тем значением, какое они захотят ему предоставить. У епископов есть также свои помощники, составляющие соборы (как они их называют), в которых заседают попы, принадлежащие к их епархии и живущие в городах, где они сами имеют пребывание, в числе двадцати четырех членов при каждом. С ними рассуждают они об особенных и нужных делах по своей должности.

Доходы и суммы, назначенные для поддержания достоинства их, довольно значительны. Ежегодный доход патриарха с поместий (кроме других статей) простирается до 3000 рублей или марок, а митрополитов и архиепископов до 2500 рублей. Из епископов одни

получают 1000 рублей, другие 800, иные 500 и проч. Были и такие, которым приходилось даже (как сказывали мне) десять или двенадцать тысяч рублей в год, как, например, митрополит Новгородский.

Одежда их (когда они бывают в полном облачении и в торжественных случаях): митра на голове, наподобие папской, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями, риза, обыкновенно, из золотой парчи, изукрашенная жемчугом, и жезл в руке, отделанный густо вызолоченным серебром, с крестом на верхнем конце, или загнутый наподобие пастушеского посоха. Обыкновенная же одежда их, когда они выезжают или выходят со двора: клобук на голове черного цвета, который спускается сзади, а спереди накрывает подобно капюшону. Верхняя одежда их (называемая рясою) есть мантия из черной шелковой материи со многими нашитыми на ней полосами белого атласа, каждая шириной около двух пальцев, и пастырский жезл, который всегда носят впереди их. Сами они идут вслед за ним, благословляя народ двумя перстами с удивительной грацией.

Избрание или назначение епископов и прочих духовных лиц зависит совершенно от царя. Их всегда определяют на места из монастырей, так что нет ни одного епископа, архиепископа или митрополита, который бы не был прежде монахом, и по этой причине все они холостые и должны оставаться в безбрачном состоянии, давая обет целомудрия при самом своем пострижении. Как скоро царь изберет кого-либо по своему желанию, то его посвящают в соборной церкви той епархии, к которой он принадлежит, со многими обрядами, весьма сходными с теми, как посвящают и в

папской церкви. Есть у них также диаконы и архидиаконы.

Что касается до объяснения в проповедях Слова Божия, поучения или увещаний, то это у них не в обычае и выше их знаний, потому что все духовенство не имеет совершенно никаких сведений ни в других предметах, ни в Слове Божиим. Обыкновенно, только два раза в год, именно первого сентября (которое считается у них первым днем года) и в день св. Иоанна Крестителя, каждый митрополит, архиепископ и епископ в своей соборной церкви говорят народу обычную речь такого или почти такого содержания: если кто имеет злобу на своего ближнего, то должен ее оставить; если кто замышляет заговор или бунт против своего государя, тот да остережется; если кто не соблюдал постов и обетов и не исполнял прочих своих обязанностей по уставу церковному, тот да исправится, и проч. Но такова и сама форма, потому что вся речь содержит в себе именно столько же слов, и отнюдь не более, сколько мною исчислено. Несмотря на это, она произносится весьма торжественно, над аналоем, нарочно для того поставленным, как будто бы проповедник собирался читать пространное рассуждение о существе Божиим. В Москве всегда сам царь присутствует при этом торжественном поучении. Будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более

возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления. Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок и буквы, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство.

Священники (которых зовут попами) определяются епископами почти без всякого предварительного испытания их в познаниях и поставляются без особенных обрядов, кроме того, что на маковке выстригаются у них волосы (а не бреются, потому что этого они не терпят) шириной в ладонь или более, и это место помазу-ет елеем епископ, который, при поставлении священника, надевает на него сперва стихарь, потом возлагает ему на грудь крест из белой шелковой или из другой материи, который он должен носить не более восьми дней, и таким образом дает ему власть служить и петь в церкви, равно как совершать таинства.

Священники суть люди совершенно необразованные, что, впрочем, вовсе неудивительно, потому что сами поставляющие их епископы (как было сказано выше), точно таковы же и не извлекают никакой особенной пользы из каких бы то ни было сведений или из самого Священного Писания, кроме того, что читают его и поют. Общая их обязанность состоит в том, чтобы отправлять литургию, совершать таинства по принятым у них обрядам, хранить и украшать образа, наконец, соблюдать все другие обряды, принятые их Церковью. Число духовенства очень значительно, потому что здешние города разделяются на несколько небольших

приходов, хотя без всякого соблюдения равенства между ними относительно числа домов и соразмерности собирающегося в них народа, как бывает везде, где не заботятся о распространении познания и учения о Боге, чего, впрочем, и невозможно достигнуть там, где, вследствие неровного распределения обывателей и приходов, происходит неравенство и недостаток в жалованье для безбедного отправления должности.

Священнику дозволяется вступать в брак только однажды, и если первая жена его умрет, то он не может жениться на другой, иначе должен лишиться своего сана, а вместе с тем и прихода. Они основываются в этом случае на одном месте в послании св. Павла к Тимофею (1, 3, 2), но они не так его поняли, полагая, что Апостол говорит здесь о разных женах в преемственном порядке то, что сказано им в отношении к одному и тому же времени. Если, однако, священник, по смерти первой жены своей, захочет непременно жениться на другой, то его не называют более попом, а разпопом, или бывшим священником.^[19]

По этой причине попы очень дорожат своими женами, которые пользуются большим уважением и считаются самыми почетными изо всех приходских женщин.

Что касается до жалованья, получаемого священником, то у них нет обычая давать ему десятину хлеба или чего другого, но он должен зависеть от усердия своих прихожан и собирать, как умеет, на прожиток доходы от молебнов, исповедей, браков, похорон, панихид и так называемых молитв за живых и

---

¹⁹ В подлиннике «Priest quondam».

усопших, потому что, кроме общей службы в церквах, каждому частному лицу священник обыкновенно читает еще особенную молитву по какому бы то ни было поводу или делу, собирается ли он куда ехать, идти, плыть водою или пахать землю, словом, при всяком его предприятии. Молитвы эти не приспособлены к обстоятельствам замышляемого дела, но избираются случайно из обыкновенных молитв церковных, однако их считают святее и действительнее, когда они произносятся священником, нежели когда читаются кем-либо самим. Сверх того, у них есть обычай праздновать один раз в год день Святого, во имя которого сооружена церковь. В это время все соседи и обыватели ближайших приходов собираются в церковь, где бывает праздник, чтобы отслужить молебен ее Святому за себя и своих родственников, и тут священник получает плату за свои труды.

Такие приношения доставляют им по несколько десятков фунтов в год, более или менее, смотря по степени верования и уважения к Святому церкви. В такой день (празднуемый ежегодно) священник всегда нанимает в подмогу себе несколько других соседних священников, будучи обязан приносить Святому более молитв, нежели сколько сам может успеть. Кроме того, они ходят по домам своих прихожан со святой водой и курениями, обыкновенно, один раз каждые четыре месяца, и таким образом, окропив и окурив хозяина, жену его и всех домашних, с их пожитками, получают за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Все это вместе доставит священнику на его содержание около 30 или 40 рублей в год, из коих десятую часть он платит епископу своей епархии.

Попа, или священника, можно узнать по длинным волосам, закинутым за уши, по его рясе с широким воротом и посоху в руке. Прочая одежда его та же, что и простого народа. Когда он совершает обедню или служит в церкви, то надевает стихарь, а иногда и ризу, в более торжественные дни. Кроме обыкновенных попов, или священников, у них есть еще так называемые черные попы, которые могут занимать священнические места, хотя пострижены в монахи в каком-либо монастыре. По-видимому, они здесь то же самое, что и священники-монахи в папской Церкви. Под священником в каждой церкви есть еще дьяк, который исполняет только обязанность приходского клерка. Что касается до протопопов, или протоиереев, и их архидиаконов (которые готовятся быть посвященными в протопопы), то они служат только в соборных церквях.

Монашествующих у них бесчисленное множество, гораздо более, нежели в других государствах, подвластных папе. Каждый город и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они умели сделать (так точно, как добились того же католические монахи посредством суеверия и лицемерия), что все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями или монастырями, сооруженными во имя того или другого святого. Число монахов тем более значительно, что они размножаются не только от суеверия жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболее отстранена от притеснений и поборов, падающих на простой народ, что и заставляет многих надевать монашескую рясу, как лучшую броню против таких нападений. Кроме лиц, поступающих в это звание по доброй воле, есть и такие, которых принуждают постригаться в монахи вследствие

какой-либо опалы. К последним большей частью принадлежат члены знатного дворянства.

Некоторые идут в монастыри, как в места неприкосновенные, и постригаются здесь в монахи, чтобы избежать наказания, которое заслужили по законам государства, ибо успевший поступить в монастырь и надеть рясу прежде, нежели его схватят, пользуется навсегда защитой против всякого закона, все равно, какое бы ни совершил преступление, исключая измены. Но такое условие допускается с тем, что никто не может поступить в монастырь (кроме лиц, которых принимают по царскому повелению) иначе, как отдав ему свои поместья или принеся с собой капитал, который обязан внести в общую монастырскую казну. Одни вносят 1000 рублей, другие более; но с капиталом менее трех или четырехсот рублей никого не принимают.

Пострижение в монахи совершается следующим образом. Прежде всего игумен снимает с постригаемого светское или обыкновенное его платье, потом надевает на него белую фланелевую рубаху и сверх нее длинную мантию, висящую до земли, и опоясывает ее широким кожаным поясом. Самая верхняя одежда его сделана из гарусной или шелковой материи и весьма похожа цветом и покроем на одежду заведывающих чисткой печных труб. Затем выстригают ему волосы на маковке, шириной в ладонь или более, до самой кожи, и в то самое время, когда игумен стрижет волосы, произносит следующие или подобные слова: «Как эти волосы отнимаются от главы твоей, так точно принимаем мы теперь и совершенно отделяем тебя от мира и всех сует мирских», — и проч. Окончив это, помазует он маковку головы его елеем, надевает на него рясу и таким образом

принимает в число братии. Постриженники дают обет вечного целомудрия и воздержания от мяса.

Кроме того, что монахи владеют поместьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами. Некоторые из монастырей имеют доходу от поместий по тысяче или по две тысячи рублей в год. Один монастырь, называемый Троицким, получает от поместий и повинностей в его пользу до ста тысяч рублей или марок годового дохода. Он построен вроде крепости, обнесен вокруг стеной, на которой поставлены огнестрельные орудия, и в этой ограде занимает большое пространство земли со множеством зданий. Здесь одних монахов (не считая должностных лиц и служителей) до 700 человек. Нынешняя царица, не имея детей от царя, своего супруга, давала много обетов Святому Сергию, покровителю этого монастыря, чтобы он благословил ее чадородием. Каждый год ходит она туда пешком, на богомолье, из Москвы, что составляет около 80 английских миль, в сопровождении пяти или шести тысяч женщин, одетых в синие платья, и с четырьмя тысячами солдат, составляющих ее телохранителей. Но Святой Сергий до сих пор не услышал молитвы ее.

О степени просвещения монахов можно судить по епископам, которые суть самые избранные лица из всех монастырей. Я говорил с одним из них в Вологде и (желая испытать его знания) дал ему Священное Писание на русском языке, открыв первую главу Евангелия св. Матфея. Он принялся читать весьма хорошо. Тут спросил я его прежде всего, какую часть Священного Писания он прочел теперь? Он отвечал, что не может сказать наверное. — Сколько было Евангелистов в Новом Завете? — Он отвечал, что не знает. — Сколько было

Апостолов? — По его мнению, 12. — Каким образом надеется он быть спасенным? — На этот вопрос отвечал он мне, согласно учению Русской церкви, что не знает еще, будет ли спасен, или нет, но если Бог пожалует или помилует и спасет его, то он будет этому очень рад; если же нет, то нечего делать. — Я спросил его, для чего он постригся в монахи? Он отвечал: для того, чтобы покойно есть хлеб свой. Вот просвещение русских монахов, о котором хотя и нельзя судить по одному человеку, но по невежеству его можно отчасти заключить и о невежестве прочих.

Также много у них и женских монастырей, из которых иные принимают только вдов и дочерей дворян, когда царь намеревается оставить их в безбрачном состоянии для пресечения рода, который он желает погасить. О жизни монахов и монахинь нечего рассказывать тем, коим известно лицемерие и испорченность нравов этого сословия. Сами русские (хотя, впрочем, преданные всякому суеверию) так дурно отзываются о них, что всякий скромный человек поневоле должен замолчать.

Кроме монахов, у них есть особенные блаженные (которых они называют святыми людьми), очень похожие на Гимнософистов, и по своей жизни и поступкам, хотя не имеют ничего общего с ними относительно познаний и образования. Они ходят совершенно нагие, даже зимой в самые сильные морозы, кроме того, что посредине тела перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висящими по плечам, а многие еще с веригами на шее или посредине тела. Их считают пророками и весьма святыми мужами, почему и дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если

такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было, то ему ничего не возражают, а только говорят, что заслужили это по грехам; если же кто из них, проходя мимо лавки, возьмет что-нибудь из товаров, для отдачи, куда ему вздумается, то купец, у которого он таким образом что-либо взял, почтет себя весьма любимым Богом и угодным святому мужу.

Но такого рода людей немного, потому что ходить голым в России, особенно зимой, очень нелегко и весьма холодно. В настоящее время, кроме других, есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же против Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства. Был еще такой же другой, умерший несколько лет тому назад (по имени Василий), который решился упрекать покойного царя в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ. Тело его перенесли недавно в великолепную церковь, близ царского дворца, в Москве, и причли его к лику Святых. Он творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но и знатное дворянство, и даже сам царь и царица, посещающие этот храм с большим благоговением.

Был еще один такой же, пользовавшийся большим уважением, в Пскове (по имени Никола Псковский), который сделал много добра в то время, когда отец нынешнего царя пришел грабить город, вообразив, что замышляют против него бунт. Царь, побывав прежде у блаженного на дому, послал ему подарок, а святой муж, чтобы отблагодарить царя, отправил к нему кусок сырого мяса, между тем как в то время был у них пост. Увидев это, царь велел сказать ему, что он удивляется, как святой муж предлагает ему есть мясо в пост, когда

Святая Церковь запрещает это. «Да разве Ивашка думает (сказал Никола), что съесть постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?» Угрожая царю, что с ним случится какое-нибудь ужасное происшествие, если он не перестанет умерщвлять людей и не оставит город, он таким образом спас в это время жизнь множеству народа.

Вот почему блаженных народ очень любит, ибо они, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяют себе, прикидываясь юродивыми, от них тайно отделяются, как это и было с одним или двумя в прошедшее царствование за то, что они уже слишком смело поносили правление царя.

Глава двадцать вторая

О церковной службе и совершении таинств

Утренняя служба называется у них заутреней. Совершают ее следующим образом. Священник входит в церковь в сопровождении своего дьячка.^[20]

Дошедши до половины церкви, начинает он громким голосом: Благослови, Владыко, т. е. Благослови нас, Отец Небесный, подразумевая под этим Христа; потом прибавляет: Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, един

---

²⁰ В подл. «Deacon», но из других мест видно, что Флетчер понимает часто под этим именем дьяка или дьячка.

Бог во святой Троице, и повторяет трижды: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. После того он идет в алтарь, или во Святая Святых (как они его называют), куда входит через Царские двери, или небесные врата, через которые никто не может входить, кроме одного священника. Здесь, стоя пред алтарем, или престолом (поставленным к задней стене), он читает молитву Господню и опять говорит: Господи помилуй, всего двадцать раз. Потом прославляет Святую Троицу, Отца, Сына и Святого Духа, во веки веков, на что дьячки и народ отвечают: Аминь. Затем священник читает псалмы на тот день и, возгласив: Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, и проч., как сам, так равно дьячки и весь народ обращаются к образам, висящим на стене, и, крестясь, делают три земных поклона. После того читает он еще десять заповедей и Верую, по служебнику. По окончании этого дьячок, стоящий вне Царских дверей, читает сказание по книге рукописной (потому что печатных книг у них нет) о жизни какого-либо Святого, чудесах его и проч. Книга эта разделена на несколько частей, сообразно каждому дню года, и читается у них нараспев, подобно тому, как у папистов поется Евангелие. После всей этой церемонии, продолжающейся час, полтора или два, он читает еще несколько молитв, относящихся к тому, что было сказано в житии Святого, и тем служба оканчивается. В продолжение всего этого времени перед образами горит множество восковых свечей (некоторые толщиной в человеческую руку), поставленных прихожанами по обещанию, или из покаяния.

Около 9 часов утра совершается у них другая служба, называемая обедней, весьма похожая на службу папскую, известную под этим же именем. В

торжественный или праздничный день к службе прибавляют еще слова: Благословен Господь Бог Израилев, и проч., также: Тебе Бога хвалим, и проч., и поют это более торжественным и странным образом.

Послеобеденная служба называется вечернею, которую священник начинает, как и заутреню, словами: Благослови, Владыко, и чтением определенных на то псалмов. После того он поет стих: Благослови, душе моя, Господа, и проч., а по окончании его священник, дьячки и народ поют все в один голос: Господи помилуй, тридцать раз сряду, между тем как мальчики, находящиеся в церкви, отвечают на это все вдруг, бормоча так скоро, как только успевают шевелить губами: аминь, аминь, аминь, аминь, или аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, и проч., также тридцать раз сряду, производя чрезвычайно странные звуки. Потом священник читает, а в праздники поет первый псалом: Блажен муж, и проч.; по окончании же его прибавляет: аллилуйя, десять раз сряду. Затем священник читает какую-нибудь часть Евангелия, оканчивая его также словом аллилуйя, которое повторяется три раза. Наконец, прочитав молитву в честь Святого, которого память празднуется в этот день, он оканчивает свою вечернюю службу.

Во все это время священник стоит у престола в алтаре, или во Святая Святых, не выходя оттуда ни разу в продолжение всей службы, а дьячок или дьячки (которых много в соборных церквях) стоят вне алтаря, неподалеку от Царских дверей, или небесных врат, ибо в самый алтарь не должны входить во всю службу, хотя в другое время обязаны мести в нем пол, содержать его в опрятности и ставить свечи перед образами. Народ в продолжение всей службы стоит в самой середине

церкви, а некоторые на паперти, потому что мест для сидения у них в церквах нет.

Таинство крещения совершается у них следующим образом. Младенца приносят в церковь (что делается в первые восемь дней после его рождения). Если он благородного происхождения, то его привозят с особенною пышностью в богатых санях или в повозке, с сиденьем и подушками, обитыми золотой парчой, и вообще так парадно, как только кому возможно. Священник уже заранее дожидается младенца, стоя на церковной паперти, где подле него ставится и купель с водой. Он начинает с объяснения провожатым, что они привезли младенца неверующего для того, чтобы обратить его в христиане, и проч.; потом дает наставление воспитателям (которых бывает по два или по три) по известной форме, написанной у него в книге, поучая их, в чем заключается их обязанность относительно воспитания младенца после его крещения, именно, что должно внушать ему познание о Боге и Христе Спасителе, но так как Бог есть существо высочайшее, и мы не можем надеяться достигнуть до него без посредников (так точно, как в том случае, когда мы обращаемся с какою-нибудь просьбой к царю или какому-нибудь государю), то они должны научить его, какие святые суть лучшие и важнейшие предстатели за нас пред Богом, и проч. После этого повелевает он дьяволу, именем Господа Бога и с особым заклинанием, выйти из воды и, прочитав некоторые молитвы, погружает младенца три раза в воду, вместе с головой и ушами, ибо они считают необходимым, чтобы не оставалось ни одной части тела, не бывшей в воде.

Слова, произносимые священником при погружении младенца в воду и составляющие вместе с тем формулу

крещения, суть те же самые, какие предписаны в Евангелии и употребляются у нас, т. е.: Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Что касается до того, что будто они изменяют эту формулу и говорят: Святым Духом (как я об них слышал), следуя обычаю некоторых еретиков Греческой церкви, то я удостоверился, что это несправедливо, как из свидетельства тех, которые часто бывали у них на крестинах, так и на основании самого их служебника, где очень отчетливо излагается весь порядок крещения.

Как скоро младенец окрещен, священник помазывает ему елеем, смешанным с солью, лоб и обе стороны лица, потом рот, проводя пальцем по губам его (как делали прежде католические священники) и произнося в то же время некоторые, относящиеся к тому, молитвы: Да соделает его Господь добрым христианином, и проч., что все совершается на паперти. Тогда уже младенец (как христианин, могущий входить в сам храм) вносится в церковь, причем священник идет впереди, и здесь подносят его к главному образу, положив на подушку и держа ее у подножия Святого, чтобы он (как заступник) предстательствовал за него перед Богом. Если младенец болен или слаб (особенно зимой), то употребляют тепловатую воду. После крещения у младенца обыкновенно состригают с головы несколько волос и, завернув их в кусок воска, кладут в сокровенном месте церкви, как памятник совершенного таинства.

Таков у них обряд крещения, который, по их мнению, есть лучший и совершеннейший, как и все другие догматы их веры, переданные им (как они говорят) лучшею из церквей, разумея под этим церковь Греческую. Вот почему стараются они всеми силами обращать в свою церковь как неверных, так и христиан

других исповеданий, подвергая их вторичному крещению по русскому обычаю.

Взявши в плен какого-нибудь татарина, они обыкновенно обещают ему жизнь с условием, чтобы он крестился. Несмотря на то, им очень немногих удается убедить на такой выкуп жизни, по причине врожденной ненависти татар к русским и потому, что они считают их лукавыми и несправедливыми. На другой год после того, как крымские татары сожгли Москву, был взят в плен какой-то дивей-мурза, один из начальников, бывших в этом походе, с 300 других татар, и всем им обещали сохранить жизнь, если они согласятся окреститься по русскому обряду; но все они отказались, осыпая упреками тех, которые старались их к тому склонить.

Тогда уже повели их всех к Москве-реке (протекающей через город) и окрестили самым жестоким образом: ударяя по голове, бросали их в воду, для чего была нарочно сделана во льду прорубь.

Напротив, из пленных ливонцев многие соглашались креститься в другой раз по русскому обычаю, чтобы пользоваться большей свободой и сверх того приобрести себе что-нибудь на прожиток, получая, обыкновенно, при этом награду от царя.

Из англичан, с тех пор, как они начали приезжать сюда, не было ни одного, который бы до того забыл Бога, свою веру и отечество, чтобы решился перекреститься в русскую веру, по страху ли, предпочтению, или по каким-либо другим причинам, кроме одного Ричарда Рельфа, который, занимаясь прежде безбожной торговлей, как содержатель кабака (вопреки тамошним постановлениям), и будучи лишен права торговать, между тем как царские чиновники отняли у него все

имущество, сам перешел в прошедшем году в русскую веру; перекрестившись, живет он теперь также идолопоклонником как прежде был человеком развратным и мотом.

Принимающие таким образом русское крещение отправляются сперва в какой-либо монастырь, для того, чтобы ознакомиться здесь с учением и обрядами Церкви. При этом соблюдаются следующие обыкновения. Прежде всего на иноверца надевают новое, чистое платье русского покроя и возлагают ему на голову венец или (летом) гирлянду из цветов; потом помазуют голову его елеем, в руки дают восковую свечу и читают над ним молитвы по четыре раза в день в продолжение целой недели. Во все это время он должен воздержаться от мясной и молочной пищи. По прошествии семи дней он обмывается в бане, а на восьмой день приводится в церковь, где монахи наставляют его, как должно оказывать почтение образам, поклоняться перед ними, ударять головой в землю, креститься и другим подобным обрядам, составляющим самую значительную часть русской религии.

Причащаются они всего однажды в год, Великим постом, незадолго до Святой недели. Никак не более трех человек допускаются к причастию в одно и то же время. Что касается до самого причащения, то при этом исполняются следующие обряды. Сперва исповедываются они во всех грехах своих перед священником (которого называют отцом духовным), потом приходят в церковь и призываются к причастному столу, который, в виде алтаря, стоит в некотором отдалении от верхнего конца церкви, как в Голландии. Здесь прежде всего спрашивает их священник, с чистым ли сердцем предстали они, т. е. не оставили ли за собой

какого греха, в котором не покаяться. Если они отвечают: нет, то допускаются к столу. Тут священник прочитывает некоторые обычные молитвы, между тем как причастники стоят со сложенными руками, как кающиеся или скорбящие. Окончив молитвы, священник берет ложку и наполняет ее красным вином, потом кладет в нее небольшой кусок хлеба и, смешав их вместе, подносит ложку к каждому из причастников, которые все стоят в порядке, произнося при этом без всякой расстановки следующие обычные слова этого таинства: Пришлите, ядите, и проч.; Пиите от нея, и проч. После этого он опять подает им порознь хлеб и вино, разбавленное тепловатой водой, чтоб яснее представить кровь (как они думают) и вместе воду, которая текла из ребра Христова. Пока обряд этот совершается, причастники разнимают руки, а потом, сложив их снова, три раза обходят за священником вокруг причастного стола и затем возвращаются на свои места.

Наконец, прочитав несколько других молитв, он отпускает причастников, советуя им быть веселыми и бодрыми в продолжение семи следующих дней, по прошествии которых приказывает им зато поститься столько же времени после. Это исполняют они с такой ревностью, что не едят ничего, кроме хлеба с солью, немного капусты и кой-каких трав или кореньев, а пьют только воду, квас или мед.

Так совершаются у них таинства. Из этого легко можно видеть, в чем они отступают от постановлений Христовых и какие обряды прибавили сами от себя или же заимствовали у греков.

Глава двадцать третья

О догматах Русской церкви и ее заблуждениях

Главные заблуждения их в отношении к вере, по мнению моему, следующие.

Во-первых, что касается до Слова Божия, то они не читают всенародно некоторых книг Священного Писания, каковы, например, книги Моисея, особенно последние четыре: Исход, Левит, Числа и Второзакония, признавая их недостоверными и утратившими свое значение со времени пришествия Христова, так как ими не устанавливается никакого различия между законом нравственным и обрядовым. Книг пророческих они не отвергают, но не читают их публично в церквах по той же самой причине, что в них содержатся только преобразования о Христе и они относятся (как они говорят) только к евреям. Один Псалтырь у них в большем уважении: его поют и читают каждый день в церквах. Новый Завет они признают и читают весь, исключая Апокалипсиса, которого не читают (хотя и не отвергают его), потому что не могут понять и не имеют такой возможности, как Западная церковь, удостовериться в исполнении заключающихся здесь пророчеств, особенно что касается до вероотступничества, антихристовой церкви. Однако и у них были свои антихристы Греческой церкви, и даже само падение их, и наказание за то владычеством турок они могут найти в числе проречений этой же книги.

Во-вторых (что собственно составляет источник всех их прочих заблуждений как относительно учения их о

вере, так и в отношении к обрядам), полагают они, вместе с папистами, что предания их церкви имеют одинаковое значение со Священным Писанием. С этой точки они отдают предпочтение своей церкви перед всеми прочими, утверждая, что у них сохраняются самые истинные и справедливые предания, сообщенные Апостолами Греческой церкви, а от нее полученные ими.

В-третьих, что церковь (разумея под этим Греческую и в особенности патриарха и его синод, как главу всего прочего духовенства) имеет верховную власть толковать Священное Писание и что все обязаны почитать эти толкования непогрешительными и истинными.

В-четвертых, говоря о Божественных свойствах и трех лицах Единосущного Божества, они утверждают, что Святой Дух исходит только от Отца, а не от Сына.

В-пятых, о делах Христа у них существует множество заблуждений, почти тех же самых, как и в папской Церкви, именно, что он есть единый Искупитель, но не единый заступник перед Богом. Главное их доказательство (когда с ними о том заговорить), приводимое ими в защиту этого заблуждения, заключается в неуместном и странном сравнении Бога с земным владыкой или государем, которого должно о чем-либо просить через посредство ближайших к нему особ. В этом случае они отдают еще преимущество одним перед другими, как то: Благословенной Деве Марии, которую называют Пречистою, или Пренепорочною, и св. Николаю, именуемому у них скорым помощником. Они говорят, что Бог назначил ему для служения 300 главных Ангелов. Это довело их до ужасного идолопоклонства, притом самого грубого и невежественного, состоящего в том, что они с таким же благоговением чтят свои образа,

как бы самого Бога, принося им молитвы благодарения, жертвы, или поклоняясь им до самой земли и ударяя об нее головой.

Так как все эти почести они оказывают только образу Святого, а не самому его изображению, то говорят, что поклоняются не идолу, а Святому в его образе и оттого нисколько не оскорбляют Бога, забывая заповедь Господню, которая запрещает творить кумир и всякое подобие для того, чтобы ему поклоняться или вообще для какого бы то ни было употребления. Стены их церквей увешаны образами, писанными на гладких досках и богато украшенными жемчугом и драгоценными камнями, хотя некоторые из них сделаны выпуклыми, так что отстают от доски, по большей мере, на дюйм. Такие образа называют они чудотворными, и когда хотят поставить их в церковь, то никак не скажут, что образ куплен, но всегда говорят, что он выменян на деньги.

В-шестых. Относительно средств оправдания, они согласны с папистами, что не только верой, но и делами должно служить Христу и что это *opus operatum*, или дело из любви к делу, должно быть непременно угодно Богу. Поэтому все заключается у них в молитвах, постах, обетах и приношениях святым, подаянии милостыни, крестных знамениях и тому подобных обрядах. Как царь, так и дворянство и простой народ всегда носят с собой четки не только в церкви, но и в других общественных местах, особенно в каких-нибудь заседаниях или торжественных собраниях, как, например, в судах, при общественных совещаниях, переговорах с посланниками и т. п.

В-седьмых. Вместе с папистами они думают, что ни один человек не может быть уверен в своем спасении до последнего решения в день судный.

В-восьмых. Исповедываются они наедине священнику и думают, что вследствие этого им отпускаются те грехи, в которых они именно сознаются и в особенности священнику.

В девярых. Они признают три таинства: крещение, причащение и елеосвящение или соборование. Впрочем, последнее они не полагают столь же необходимым для спасения, как таинство крещения, но считают за великое наказание и гнев Божий, если кто умрет без соборования.

Десятое. Крещение они почитают необходимым и думают, что всякий, над кем не совершено это таинство, будет неминуемо осужден.

Одиннадцатое. Они перекрещивают всех христиан (не принадлежащих к Греческой церкви), как скоро они переходят в русскую веру, потому что почитают их отделенными от истинной церкви, которая, по их мнению, есть только церковь Греческая.

Двенадцатое. В яствах и питье они наблюдают различие, считая употребление одного безгрешнее, чем употребление другого. На этом основании запрещается у них во время постов есть мясо и даже молочную пищу — суеверный обычай папистов, — что русские соблюдают так строго и с такою слепую ревностью, что скорее согласятся умереть, нежели съесть кусок мяса, яйцо или тому подобное, даже в жестокой болезни, если бы это было нужно для сохранения здоровья.

Тринадцатое. Не позволяется у них вступать в брак всем духовным лицам, исключая священников, которые,

впрочем, также не могут жениться более одного раза, как было сказано выше. Даже светским лицам неохотно разрешают вступать в брак больше двух раз. Этим предлогом пользуются теперь против единственного брата царя, шестилетнего ребенка, о котором не молятся в церквах (между тем, как это всегда соблюдается в отношении к лицам царской крови) на том основании, что он от шестого брака и, следовательно, незаконнорожденный. Такое приказание отдано священникам самим царем, по проискам Годунова, который уверил его, что отстранение любви народной от ближайшего наследника есть весьма хорошая политическая мера.

Есть еще у них множество других ложных мнений в отношении к вере, но это главные заблуждения, внушенные им частью преданиями (которые им сообщены церковью Греческой), а в особенности незнанием Священного Писания. Последнее хотя есть у них на польском языке (совершенно сходном с их языком, за исключением некоторых слов), но очень немногие читают его с таким благочестием, какого требует это занятие; для простого же народа (если бы он захотел читать) нет нужного числа книг Ветхого и Нового Завета, хотя простых служебников у них чрезвычайно много.

Все эти недостатки происходят от лиц духовных, которые, будучи сами невежественны и неблагочестивы, изо всех сил стараются удерживать народ в таком же невежестве и слепоте для своих выгод и доходов, а отчасти и от тамошнего образа правления, так как цари (на которых особенно лежит такая обязанность) не желают заменить его какими-нибудь нововведениями, а, напротив, стараются удержать ту религию, которая наиболее к нему подходит. Несмотря на то, нет

сомнения, что если бы они хотя сколько-нибудь хранили Слово Божие (хотя без обыкновенных способов к достижению истинного смысла и разумения его), то и Бог имел бы между ними своих избранных, что отчасти подтверждается также словами одного русского из жителей Москвы, который сказал по секрету одному из моих служителей, рассуждавшему об их образах и суеверии, что Бог просветил Англию и может с ними сделать то же самое, если только Ему будет угодно.

Что касается до преследований по делам веры, то я ничего не слыхал об этом, кроме того, что несколько лет тому назад двое, муж и жена, содержались целых 28 лет в тюрьме, до тех пор, пока они превратились в совершенных уродов по волосам, ногтям, цвету лица и проч., и наконец были сожжены в Москве, в маленьком доме, который нарочно для того подожгли. Вина их осталась тайной, но вероятно, что они были наказаны за какую-нибудь религиозную истину, хотя священники и монахи уверили народ, что эти люди были злые и проклятые еретики.

Глава двадцать четвертая

О брачных обрядах

Брачные обряды у них отличны от обрядов в других странах. Жениху (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее во все время, пока продолжается сватовство, в котором действующим лицом не он сам, а мать его, или какая другая пожилая его родственница, или знакомая. Как скоро изъявлено согласие (как родителями, так и самими вступающими в брак, ибо если брак заключен без ведома и согласия

родителей, то он считается незаконным), отцы с обеих сторон, или заступающие их место, с другими близкими родственниками, сходятся и говорят о приданом, которое бывает весьма значительно, смотря по состоянию родителей, так что нередко какой-нибудь торговец (как они называют их) дает за свою дочь 1000 рублей или более.

От мужчины никогда не требуется и вовсе у них не в обычае, чтобы он делал какой-нибудь дар в виде вознаграждения за приданое; но если у него будет уже дитя, то жена, от которой оно родилось, получает на прожиток третью часть по смерти мужа; а когда у него двое или более от нее детей, то получает она еще более, по благоусмотрению мужа. Но если муж умрет, не оставив детей от жены, то ее отсылают домой в ее семейство, без всякого вознаграждения, кроме того, что ей возвращается ее приданое, в том случае, когда после мужа останется настолько имущества.

Условившись о приданом, договаривающиеся лица пишут взаимное обязательство как о выдаче приданого, так и о совершении брака в назначенный день. Если невеста не была еще прежде замужем, то отец ее и родственники обязаны, кроме того, удостоверить в ее непорочности, вследствие чего возникают большие ссоры и тяжбы, когда муж возымает сомнение насчет поведения и честности жены своей. По окончании переговоров, вступающие в брак начинают посылать друг другу подарки, сначала невеста, потом жених, но все не видятся между собой до самого совершения брака. Накануне свадебного дня невесту отвозят в колымаге или (зимой) в санях в дом жениха, с приданым и кроватью, на которой будут спать молодые, потому что кровать всегда доставляется со стороны невесты и обыкновенно

бывает очень роскошно отделана и стоит больших денег. Здесь невеста ночует со своей матерью и другими женщинами, но жених не встречается и даже ни разу не видит ее.

В день, назначенный для совершения брака, на невесту надевают покрывало из тонкого вязанья или полотна, которое накидывается ей на голову и опускается до Пояса. После того невеста и жених в сопровождении своих родственников отправляются в церковь, все верхами, хотя бы церковь находилась подле самого дома и сами они были простого звания. Слова, произносимые во время совершения брака, и другие, соблюдаемые при этом обряды весьма сходны с нашими, не исключая и того, что невесте также подают кольцо. Как скоро она его наденет и провозглашены будут слова брачного союза, руку ее соединяют с рукой жениха, который все это время стоит по одну сторону аналая,^[21] или стола, а невеста по другую.

Когда таким образом священник свяжет брачный узел, невеста подходит к жениху (стоящему у самого конца аналая) и падает ему в ноги, прикасаясь головой к его обуви, в знак ее покорности и послушания, а жених накрывает ее полой кафтана, или верхней одежды, в знак обязанности своей защищать и любить ее. После того жених и невеста становятся рядом у самого конца аналая, и здесь к ним подходит сперва отец и другие родные невесты, кланяясь низко жениху, потом родные жениха, кланяясь невесте, в знак будущего между ними свойства и любви. Вместе с тем отец жениха подносит ломоть хлеба священнику, который тут же отдает его

---

²¹ В подл. «алтаря».

отцу и другим родственникам невесты, заклиная его перед Богом и образами, чтобы он выдал приданое в целости и сполна в назначенный день и чтобы все родственники хранили друг к другу неизменную любовь. Тут они разламывают хлеб на куски и едят его в изъявление истинного и чистосердечного согласия на исполнение этой обязанности и в знак того, что будут с тех пор как бы крохами одного хлеба или участниками одного стола.

По окончании этих обрядов жених берет невесту за руку и вместе с ней и родными, которые за ними следуют, идет на паперть, где встречают их с кубками и чашами, наполненными медом и русским вином. Сперва жених берет полную чарку, или небольшую чашку, и выпивает ее за здоровье невесты, а за ним сама невеста, приподняв покрывало и поднося чарку к губам как можно ниже (чтобы видел ее жених), отвечает ему тем же. По возвращении из церкви жених идет не к себе домой, а в дом к своему отцу; так точно и невеста отправляется к своим, и здесь оба угощают порознь своих родственников. При входе в дом жениха и невесты на них бросают из окон зерновой хлеб в знак будущего изобилия и плодородности.

Вечером невесту привозят в дом отца женихова, где она и проводит ночь, все еще не снимая покрывала с головы. Во всю эту ночь она не должна произносить ни одного слова (ибо так приказывается ей по особому преданию матерью ее и другими пожилыми женщинами из ее родственниц), дабы жених не мог ни слышать, ни видеть ее до другого дня после брака. Также в продолжение трех следующих дней не услышишь от нее ничего, кроме нескольких определенных слов за столом, которые она должна сказать жениху с особенной важностью и почтительностью. Если она держит себя

иначе, то это считается для нее весьма предосудительным и остается пятном на всю ее жизнь, да и самим женихом вовсе не будет одобрено.

По прошествии трех дней супруги отправляются в свой собственный дом и дают общий пир своим родным с обеих сторон. В день свадьбы и во все время празднеств жениха величают молодым князем, а невесту молодой княгиней.

В обращении со своими женами мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными. Исключением пользуются только жены дворян, которых, по крайней мере, по-видимому, мужья более уважают, чем в низшем классе людей. Есть у них также грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому Слову Божию, именно тот, что муж, разлюбивший жену, или по какой-либо другой причине, может идти в монастырь и постричься в монахи под видом благочестия и, таким образом, оставить свою жену, чтобы она заботилась сама о себе, как умеет.

Глава двадцать пятая

О других обрядах русской церкви

Других церковных обрядов у них также очень много, особенно употребляют они во зло изображение креста, которое выставляют на больших дорогах, на церковных главах, на воротах домов. Сами себя они также беспрестанно осеняют крестным знаменем, возлагая для того руку на лоб и потом на обе стороны груди с чрезвычайной набожностью, как можно думать, судя по их телодвижениям. Еще не было бы так прискорбно, если

бы они вместе с тем не уверяли, что в этом именно заключается религиозная преданность и поклонение, которые следует оказывать единому Богу, и не употребляли свое немое знамение и осенение вместо благодарения и всех других обязанностей их в отношении к Богу.

Вставши утром, они становятся против какого-нибудь храма, на главе которого поставлен крест, и, поклоняясь ему, вместе с тем осеняют себе крестным знаменем лоб и обе стороны груди. Так они благодарят Бога за ночное успокоение, не произнося никаких слов, кроме как иногда: Господи помилуй. Садясь за стол и вставая из-за него, благодарят они также Бога крестным осенением лба и груди, и только весьма немногие прибавляют иногда одно или два слова из какой-нибудь обыкновенной молитвы, несколько не относящиеся к настоящему их делу. Давая присягу при решении какого-нибудь спорного дела по законам, они клянутся крестом и целуют подножие его, как бы считая его самим Богом, имя которого только и должно быть употребляемо при этом судебном доказательстве. Входя куда-нибудь в дом, где всегда на стене висит образ, они перед ним крестятся и делают поклон. Приступая к какому-либо делу, ничтожному или важному, вооружаются они прежде всего знаменем креста, и это также вся молитва их Богу за успех в деле.

Таким образом, они служат Богу крестным знаменем только вследствие невежественного и пустого обычая, несколько не понимая, что значит крест Христов и сила этого креста. И, несмотря на то, всех других христиан они считают никак не лучше турок в сравнении с собой, потому (как они говорят) что они не

поклоняются кресту, когда видят где-либо его изображение, и не крестятся, как русские.

Святая вода у них в таком же употреблении и уважении, как у папистов, но превосходят они их еще тем, что не только в сосудах святят воду, но во всех их реках однажды в год. Такой обряд совершается в Москве с большим торжеством и пышностью, в присутствии самого царя со всем дворянством, начинаясь ходом в виде процессии через все улицы к Москве-реке, в следующем порядке. Впереди идут два дьякона с хоругвями, из коих на одной изображение Пречистой Девы, а на другой св. Михаила, поражающего змия; за ними следуют другие дьяконы и московские священники, по два в ряд, одетые в ризы, с образами на груди, которые несут на помочах или поясах, надетых у них на шею. За священниками идут епископы в полном облачении, потом монахи и игумены и, наконец, патриарх в богатом одеянии, с шаром на вершине митры в знак его верховной власти над этой Церковью. Позади их всех идет царь со всем своим дворянством. Ход этот тянется на пространстве целой мили или более. Пришедши к реке, делают большую прорубь во льду на назначенном месте, шириной в полторы перши, и ограждают его, чтобы народ не слишком стеснился. Тогда патриарх начинает читать некоторые молитвы, заклиная дьявола выйти из воды, а потом, бросив в нее соли и окурив ее ладаном, освящает таким образом воду во всей реке. Поутру перед тем все москвичи чертят мелом кресты на всякой двери и на каждом окне для того, чтобы дьявол, изгнанный заклинаниями из воды, не влетел в их дома.

Когда церемония окончится, то сначала царские телохранители, а потом и все городские обыватели идут

со своими ведрами и ушатами зачерпнуть освященной воды для питья и всякого употребления. Вы также увидите тут женщин, которые погружают детей своих столовой и ушами в воду, и множество мужчин и женщин, которые бросаются в прорубь кто нагой, кто в платье, тогда как, по-видимому, можно отморозить палец, опустив его в воду. После людей, ведут к реке лошадей и дают им пить освященную воду, чтобы и их освятить. День, в который совершается это освящение рек, называется Крещением. То же самое повторяется епископами во всем государстве.

У них есть также обычай давать своим опасно больным пить святую воду, в предположении, что этим можно исцелить их или, по крайней мере, освятить. Многие погибают от такого необдуманного суеверия, как это случилось с единственным сыном боярина Бориса в бытность мою в Москве, которого он погубил (по словам врачей), заставив его напиться холодной святой воды и принеся его голого в церковь Святого Василия в сильный зимний мороз, тогда как он был отчаянно болен.

У них есть образ Христа, который они называют нерукотворным (что значит сделанный без помощи рук), веря рассказам своих попов и преданию. Образ этот они носят в крестные ходы на длинном шесте, в особенном киоте, и поклоняются ему, как великой тайне.

Всякий раз, как варится пиво, у них есть обычай приносить часть сусла священнику в церковь и по освящении вливать его в пиво, отчего оно получает такую силу, что кто его напьется, редко остается трезвым. Так же освящается у них первый сноп во время жатвы.

Сверх того, совершается здесь еще один торжественный обряд в Вербное воскресенье и на основании весьма древнего предания: в этот праздник патриарх проезжает через Москву верхом на лошади, которую сам царь ведет под уздцы, а народ взывает: Осанна! — и бросает свое верхнее платье под ноги лошади. Патриарх платит в этот день царю за хорошую службу положенную дань, 200 рублей. За неделю до Рождества совершается еще обряд, подобный этому: каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех отроков, горящих в печи, куда ангел слетает с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха так называемыми халдейцами, которые в продолжение всех двенадцати дней должны бегать по городу, переодетые в шутовское платье и делая разные смешные штуки, чтобы оживить обряд, совершаемый епископом. В Москве царь и царица всегда бывают при этом торжестве, хотя всякий год повторяется одно и то же без всякого прибавление чего-нибудь нового.

Кроме постов по средам и пятницам в продолжение целого года (по средам в воспоминание того, что Христос был в этот день предан, а по пятницам в воспоминание того, что Он в этот день страдал), они соблюдают еще четыре большие поста в году. Первый (который они называют Великим) бывает в одно время с нашим, другой в половине лета, третий во время жатвы, четвертый перед святками. Эти посты соблюдают они не по какому-либо предписанию, а по одному суеверию. В первую неделю Великого поста они ничего не употребляют в пищу, кроме хлеба и соли, а пьют только одну воду; не занимаются также никакими делами и

только говеют и постятся. Великим постом у них бывает три всеобщих бдения, которые они называют стоянием, а в последнюю пятницу так называемая великая всеобщая. В это время все прихожане должны находиться в церкви и оставаться в ней с 9 часов вечера до 6 утра, стоя все время на ногах, исключая земных поклонов, которые они кладут пред образами, именно в числе ста семидесяти поклонов в продолжение всей ночи.

При похоронах у них существует также множество суеверных и языческих обрядов, как, например, они кладут в руки покойнику письмо к св. Николаю, которого почитают главным своим заступником и стражем врат Царствия Небесного, каким паписты считают Петра.

В зимнее время, когда все бывает покрыто снегом и земля так замерзает, что нельзя действовать ни заступом, ни ломом, они не хоронят покойников, а ставят их (сколько ни умрет в течение зимы) в доме, выстроенном в предместьях или за городом, который называют Божедом, или Божий дом здесь трупы накладываются друг на друга, как дрова в лесу, и от мороза становятся твердыми, как камень; весной же, когда лед растает, всякий берет своего покойника и передает его тело земле.

Кроме того, совершают они годовые и месячные поминки по усопшем. В такие дни священник служит им панихиды на могиле покойника и за труд свой получает определенную плату. Когда кто у них умрет, то приглашают они женщин-плакальщиц, которые приходят рыдать по усопшему и, по языческому обычаю, выпускают вопли, стоя над телом (иногда в доме, а иногда при выносе тела) и спрашивая покойника, чего

ему не доставало и зачем он вздумал умереть? Мертвых хоронят в одежде, в которой они ходили: в кафтане, штанах, сапогах, шляпе и другом платье.

Есть еще у них много других пустых и суеверных обрядов, о которых и долго и скучно было бы рассказывать. Из всего этого можно судить, как далеко отстали они от истинного познания и исполнения обязанностей христианской религии, променяв Слово Божие на свои пустые предания и превратив все во внешние и смешные обряды без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения.

Глава двадцать шестая

О домашней или частной жизни царя

Домашняя жизнь царя, сколько она известна, состоит в следующем. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, к нему приходит его отец духовный, или придворный священник, с крестом, которым благословляет его, прикасаясь сперва ко лбу, потом к ланитам царя, и дает ему поцеловать конец креста. Затем так называемый крестный дьяк вносит в комнату живописную икону с изображением святого, празднуемого в тот день, ибо каждый день у них имеет своего святого, как бы своего патрона. Образ этот он ставит к прочим образам, которыми уставлена вся комната, сколько можно поместить на стене, с горящими перед ними лампадами и восковыми свечами. Образа богато и пышно украшены жемчугом и драгоценными камнями. Когда поставят

образ на место, царь начинает креститься по русскому обычаю, осеня сперва голову, потом обе стороны груди и произнося: Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грешного от злого действия. С этими словами он обращается к образу, или к святому того дня, которого поминает в молитве, вместе с Богородицей (называемую у них Пречистою), св. Николаем, или другим святым, в которого более верует, падая перед ним на землю и ударяя об нее головою. Такой молитве царь посвящает четверть часа или около того.

Затем входит опять духовник, или придворный священник, с серебряной чашей, наполненной святой водой и кропилом св. Василия (как они его называют), которым окропляет сперва образа, потом царя. Святую воду приносят каждый день свежую из дальних и ближних монастырей, так что присылает ее царю игумен, от имени того святого, в честь которого построен монастырь, в знак особенного благоволения его к царю.

Окончив этот религиозный обряд, царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала и проч., и через несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между ее и его покоями. Царица почивает особо и не имеет ни общей комнаты, ни общего стола с царем, исключая как в заговенье или накануне постов, когда обыкновенно разделяет с ним и ложе и стол. После утреннего свидания идут они вместе в свою домовую церковь или часовню, где читается или поется утренняя служба, называемая заутреней, которая продолжается около часу. Возвратясь из церкви домой, царь садится в большой комнате, в которой для свидания с ним и на поклон являются те из бояр, которые в милости при дворе. Здесь царь и бояре, если имеют что сказать, передают друг другу. Так бывает всякий день,

если только здоровье царя или другой случай не заставят его изменить принятому обыкновению.

Около девяти часов утра идет он в другую церковь в Кремле, где священники с певчими отправляют полное богослужение, называемое обедней, которая продолжается два часа, и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем-либо ему докладывают, или же сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собой, как будто бы они находились в Думе. По окончании обедни царь возвращается домой и отдыхает до самого обеда.

За обедом прислуживают ему следующим образом: во-первых, каждое блюдо (как только оно отпускается к накладчику) должен прежде отвеживать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворяне-слуги (называемые жильцами) и несут к царскому столу, причем идет впереди их главный дворецкий или его помощник. Здесь кушанье принимает крайний, который каждое блюдо дает отвеживать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царем. Число блюд, подаваемых за обыкновенным столом у царя, бывает около семидесяти, но готовят их довольно грубо, с большим количеством чеснока и соли, подобно тому, как в Голландии. В праздник или при угощении какого-либо посланника готовят гораздо более блюд. За столом подают вместе по два блюда и никогда более трех, дабы царь мог кушать их горячие, сперва печеное, потом жареное, наконец похлебки. В столовой есть еще другой стол, за коим сидят некоторые из знатнейших лиц,

находящихся при дворе, и духовник царский, или капеллан.

По одну сторону комнаты стоит стол с прекрасной и богатой посудой и большим медным чаном, наполненным льдом и снегом, в коих поставлены кубки, подаваемые к столу. Чашу, из которой пьет сам царь, в продолжение всего обеда держит особый чиновник (чашник) и подносит ее царю с приветствием всякий раз, как он ее потребует. Когда поставят кушанье на стол, то, обыкновенно, раскладывают его на несколько блюд, которые потом отсылает царь к тем дворянам и чиновникам, кому он сам заблагорассудит. Это почитается великим благоволением и честью.

После обеда царь ложится отдыхать и, обыкновенно, почивает три часа, если только не проводит один из них в бане или на кулачном бою. Спать после обеда есть обыкновение, общее как царю, так и всем русским. После отдыха идет он к вечерне и, возвратясь оттуда, большей частью проводит время с царицей до ужина. Тут увеселяют его шуты и карлы мужского и женского пола, которые кувыркаются перед ним и поют песни по-русски, и это самая любимая его забава между обедом и ужином.

Другая особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе

медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то, обыкновенно, с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской. Чтобы пользоваться этим удовольствием, царь содержит несколько ловчих, определенных для ловли диких медведей. Травлю царь забавляется обыкновенно по праздникам.

Иногда проводит он время, рассматривая работу своих золотых дел мастеров и ювелиров, портных, швей, живописцев и т. п., а потом идет ужинать. Когда приходит время спать, священник читает несколько молитв, и царь молится и крестится, как и поутру, около четверти часа, после чего ложится.

Теперешний царь (по имени Феодор Иванович), относительно своей наружности, росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма

любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. От роду ему 34 года или около того, а царствует он почти шесть лет.

Глава двадцать седьмая

О домашнем или придворном штате царя

Главные чиновники царского двора суть следующие: первая должность конюшего боярина, или начальника конюшенного ведомства. Она заключает в себе не более того, сколько выражает самое название, то есть обязанность главного надзора над лошадьми, а не то, что *Magister Equitum* или начальник всадников, потому что на это место определяются другие, смотря по обстоятельствам (как о том сказано было выше).

Должность конюшего занимает теперь Борис Федорович Годунов, брат царицы. Лошадей царских, назначенных для войны (кроме других, употребляемых для обыкновенной работы), до 10 000, все они содержатся в окрестностях Москвы. Вторая должность — дворецкого, занимаемая в настоящее время Григорием Васильевичем Годуновым. Третья — казначея, который хранит все царские деньги, драгоценные вещи, серебряную посуду и проч. Ее занимает Степан Васильевич Годунов. Четвертая должность контролера, которой заведывает Андрей Петрович Клешнин. Пятая — постельничего; это место занимает ныне Истома

Безобразов. Шестая — край-чих, которыми теперь Федор Александрович и Иван Васильевич Годуновы. Седьмая — фурьеров, которых теперь трое из лиц высшего сословия и еще несколько различных других, подчиненных им дворян. Вот обыкновенные царские чиновники, наиболее почетные.

Кроме того, в комнатах царских и при его особе находятся двести человек (называемые жильцами-стряпчими), все дети дворян. Постоянные телохранители его составляют 2000 стрельцов, стоящие день и ночь с заряженными ружьями, зажженными фитилями и другими нужными снарядами. Они не входят во дворец и сторожат на дворе, где живет царь. В ночное время подле царской спальни находится главный постельничий, с одним или двумя другими, наиболее приближенными к царю. В смежной с ней комнате помещаются еще шестеро других лиц, известных своей верностью и преданностью. В третьей комнате ложатся несколько молодых дворян из числа означенных выше двухсот, называемых жильцами-стряпчими, которые чередуются по сорока человек каждую ночь. Кроме этих, есть еще несколько молодых людей, называемых истопниками и находящихся на страже у каждых ворот и каждой двери во дворе.

Стрельцы, коих числом 2000 (как было сказано выше), сторожат дворец царский или опочивальню по двести пятидесяти в ночь; другие двести пятьдесят человек караулят на дворе и около казначейства. Дворец, или дом царский, в Москве построен в виде крепости, обнесен стенами, уставленными множеством хороших орудий, и заключает в себе большое пространство земли с многими домами, назначенными

для жительства людям, известным своей верностью и преданностью царю.

Глава двадцать восьмая

О домашней жизни и свойствах русского народа

О домашней жизни и свойствах русского народа можно иметь некоторое понятие из того, что было сказано в главе об общественном состоянии и обычаях государства. Что касается до их телосложения, то они большей частью роста высокого и очень полны, почитая за красоту быть толстыми и дородными, и вместе с тем стараясь отпускать и растить длинную и окладистую бороду. Но большей частью они вялы и недеятельны, что, как можно полагать, происходит частью от климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных растений, производящих дурные соки; они едят их и без всего и с другими кушаньями.

Стол у них более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый

день в неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мед, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который (как мы сказали) есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода.

Такая пища могла бы произвести в них разные болезни, но они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств. Всю зиму и большую часть лета топят они свои печи, устроенные подобно банным печам в Германии, и палата их так нагревают дом, что иностранцу сначала наверное не понравится. Эти две крайности, особенно зимой, жар внутри домов и стужа на дворе, вместе с пищей, придают им темный болезненный цвет лица, потому что кожа от холода и жара изменяется и сморщивается, особенно у женщин, у которых цвет лица большей частью гораздо хуже, чем у мужчин. По моему мнению, это происходит оттого, что они постоянно сидят в жарких покоях, занимаются топкой бань и печей и часто парятся.

Русский человек, привыкнув к обеим крайностям, и к жару и к стуже, может переносить их гораздо легче, нежели иностранцы. Вы нередко увидите, как они (для подкрепления тела) выбегают из бань в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку или окачиваются холодной водой, даже в самый сильный мороз. Женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы. От краски

морщится кожа, и они становятся еще безобразнее, когда ее смоят.

Одежда их сходна с греческой. Бояре одеваются таким образом. Во-первых, на голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрывает немного поболее маковки и обыкновенно богато вышита шелком и золотом и украшена жемчугом и драгоценными камнями. Волосы на голове стригут плотно до самой кожи, кроме того, когда кто бывает в опале у царя. Тогда отращивает он волосы до плеч, закрывая ими лицо, как можно уродливее и безобразнее.

Сверх тафьи носят большую шапку из меха черно-бурой лисицы (почитаемого за лучший мех) с тиарой или длинной тульей, которая возвышается из меховой опушки наподобие персидской или вавилонской шапки.

На шею (всегда голую) надевается ожерелье из жемчуга и драгоценных камней, шириной в три и четыре пальца. Сверх рубахи (разукрашенной шитьем, потому что летом они дома носят ее одну) надевается зипун, или легкая шелковая одежда, длиною до колен, которая застегивается спереди, и потом кафтан, или узкое застегнутое платье, с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку. Кафтаны шьются, обыкновенно, из золотой парчи и спускаются до самых лодыжек. Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшито золотым галуном: оно называется фerezью. Другая верхняя одежда из камлота или подобной материи есть охабень, весьма длинный, с рукавами и воротником, украшенным камнями и жемчугом.

При выходе из дома набрасывается сверх всей этой одежды (которая очень легка, хотя состоит из нескольких платьев) так называемая однорядка, похожая на охабень, с той разницей, что шьется без воротника; она бывает, обыкновенно, из тонкого сукна или камлота. Сапоги, которые носят с заправленными в них онучками (вместо носков), делаются из персидской кожи, называемой сафьян, и вышиваются жемчугом. Нижнее платье обыкновенно из золотой парчи. Со двора они всегда выезжают верхом, хотя бы на самое близкое расстояние, что соблюдается и боярскими (детьми), или дворянами.

Боярские дети, или дворяне, одеваются точно так же, употребляя только другую материю на платья, но кафтан или нижнее платье и у них бывает иногда из золотой парчи, а прочее Платье суконное или шелковое.

Благородные женщины (называемые женами боярскими) носят на голове тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверх нее шлык, называемый науруз, белого цвета. Сверх этого шлыка надевают шапку (в виде головного убора, из золотой парчи), называемую шапкой земской, с богатой меховой опушкой, с жемчугом и каменьями, но с недавнего времени перестали унижать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им. В ушах носят серьги в два дюйма и более, золотые, с рубинами, сапфирами или другими драгоценными камнями.

Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка, с двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унижено дорогим жемчугом. Когда выезжают верхом или выходят со двора в дождливую погоду, то надевают белые шляпы с цветными завязками (называемые

шляпами земскими). На шее носят ожерелье, в три и четыре пальца шириной, украшенное дорогим жемчугом и драгоценными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашень, обыкновенно красная, с пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мере, серебряными вызолоченными пуговицами, величиной почти с грецкий орех. Сверху, под воротником, к ней пришит еще другой большой широкий воротник из дорогого меха, который висит почти до половины спины. Под опашнем, или верхней одеждой, носят другую, называемую летником, шитую спереди без разреза, с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается, обыкновенно, из золотой парчи, под нею же ферезь земскую, которая надевается свободно и застегивается до самых ног. На руках носят весьма красивое запястье, шириною пальца в два, из жемчуга и дорогих камней. У всех на ногах сапожки из белой, желтой, голубой или другой цветной кожи, вышитые жемчугом. Такова парадная одежда знатных женщин в России.

Платье простых дворянских жен отличается только материей, но покрой один и тот же.

Что касается до мужиков и жен их, то они одеваются очень бедно: мужчина ходит в однорядке или широком платье, которое спускается до самых пят и подпоясано кушаком, из грубого белого или синего сукна, с надетой под ним шубой или длинным меховым или овчинным камзолом, в меховой шапке и в сапогах. У мужиков победнее однорядки из коровьей шкуры. Так одеваются они зимой. Летом обыкновенно не носят они ничего, кроме рубахи на теле и сапог на ногах. Женщина, когда она хочет нарядиться, надевает красное или синее

платье и под ним теплую меховую шубу зимой, а летом только две рубахи (ибо так они их называют), одну на другую, и дома, и выходя со двора. На голове носят шапки из какой-нибудь цветной материи, многие также из бархата или золотой парчи, но большей частью повязки. Без серег серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы.

Что касается до их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукой. Правда, они могли бы заимствоваться в этом случае от поляков и других соседей своих; но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран. Отчасти причина этому заключается и в том (как было замечено мною выше), что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство.

С этою целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи. Такие действия можно бы было сколько-нибудь извинить, если б они не налагали особый отпечаток на самый характер жителей. Видя грубые и жестокие поступки с ними всех главных должностных лиц и других начальников, они так же бесчеловечно поступают друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими, так что самый низкий

и убогий крестьянин (как они называют простолюдина), унижающийся и ползающий перед дворянином, как собака, и облизывающий пыль у ног его, делается несносным тираном, как скоро получает над кем-нибудь верх. От этого бывает здесь множество грабежей и убийств.

Жизнь человека считается ни по чем. Часто грабят в самих городах на улицах, когда кто запоздает вечером, но на крик ни один человек не выйдет из дому подать помощь, хотя бы и слышал вопли. Я не хочу говорить о страшных убийствах и других жестокостях, какие у них случаются. Едва ли кто поверит, чтобы подобные злодейства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называют себя христианами.

Бродяг и нищенствующих у них несчетное число: голод и крайняя нужда до того их изнуряют, что они просят милостыни самым ужасным, отчаянным образом, говоря: Подай и зарежь меня, подай и убей меня, и т. п. Отсюда можно заключить, каково обращение их с иностранцами, когда они так бесчеловечны и жестоки к своим единосемцам. И, несмотря на то, нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране — жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами. И удивительно ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков?

Что касается до верности слову, то русские большей частью считают его почти ни по чем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. Поистине можно сказать (как вполне известно

тем, которые имели с ними более дела по торговле), что от большого до малого (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам русских была до сих пор главной причиной язычества татар и их отвращения от христианской веры.

Конец

Приложение

Посольство господина Джиля Флетчера, доктора гражданского права, отправленного Ее Величеством^[22] к Феодору, царю русскому, в 1588 году.

В 1588 году был отправлен посланником от Ее Величества в Россию Джиль Флетчер, доктор гражданского права, как для того, чтобы переговорить с новым царем, Феодором Ивановичем, о союзе и дружбе, бывших с отцом его, Иваном Васильевичем, так и для восстановления и приведения в порядок упавшей в этой стране торговли наших англичан.

Несмотря на то, что, по прибытии своем в Москву, он был принят очень недружелюбно, вследствие некоторых слухов касательно последней морской победы, будто бы одержанной испанцами, и неудовольствия на

---

²² Т. е. Королевой Английской, Елисаветой.

привилегированную торговлю наших английских купцов; но наконец получил от царя многие выгодные и дельные условия и был им отпущен ласково и с честью.

Главные пункты, которых он добивался и которые были утверждены царем, следующие:

1. Продолжение союза и дружбы между Ее Величеством и означенным царем, Феодором Ивановичем, на том основании, как они были заключены с родителем его, Иваном Васильевичем.

2. Подтверждение и восстановление прежних привилегий компании наших английских купцов, которые были нарушены и уничтожены в главных пунктах, с разными к ним прибавлениями для лучшего установления их торговли в этих странах на будущее время, именно: чтобы привилегии, дарованные прежде на имя какого-нибудь частного лица, были в этом отношении изменены и переписаны на имя и звание их корпорации, т. е. товарищества английских купцов для открытия новых путей.

3. Чтобы вследствие всякого подозрения и легкой ссоры означенную привилегию не отменять и не уничтожать, как это было прежде.

4. Чтобы безотлагательно делать удовлетворение означенной компании и ее агенту, если кто причинит ей какую-либо обиду, или будет от нее требовать, или на нее положит какую-либо плату, сбор или пошлину, противные целости означенной привилегии.

5. Чтобы имущество и товары означенной компании не были насильно отнимаемы, как прежде, царскими чиновниками, или уполномоченными, все равно, в пользу ли царя или его чиновников; на случай же, если б

понадобились им такие товары, брали их по законной цене и за наличные деньги.

6. Чтобы на будущее время означенная компания не подвергается была ответственности за долги, сделанные англичанами, которые не принадлежат к обществу.

7. Чтобы царские чиновники не признавали на будущее время кого-либо из англичан, находящихся в их стране, фактором, служителем или торговцем по делам означенной компании, кроме тех, которых агент включит поименно в число чиновников, какой обычай существует во всех местах, где компания производит торговлю.

8. Чтобы те, которые на этом основании будут включены в список, не долее признаваемы были такими, или сами себя почитали факторами, или делопроизводителями означенной компании, как заблагорассудится агенту. Но в случае, если означенный агент почтет нужным выключить из реестра кого-либо из тех, которые состояли на службе в компании, такое лицо признавать частным и действия его по торговле или другим оборотам не должны падать на означенную компанию.

9. Если англичанин, проживающий в России, подвергнется подозрению в каком-либо гласном преступлении, как то: измена и проч., то его не должно предавать тотчас пытке^[23] или иначе мучить до тех пор, пока он не будет осужден полными и ясными доказательствами, после чего все дело должно быть отправлено к Королеве Английской.

---

²³ Сбоку в подлиннике написано: «т. е. сожжению медленным огнем»

10. Чтобы означенная привилегия с прибавлениями была опубликована во всех городах и местах царских владений, где компания производит торговлю.

11. Чтобы компании было дозволено производить исключительную торговлю через царские владения по реке Волге в Мидию, Персию, Бухарию и другие восточные страны.

12. Между тем как от компании требовали 23 553 марки долга, сделанного некоторыми из ее факторов для означенной компании, и по этому случаю весь ее капитал подвергался опасности быть захваченным по распоряжению правительства, равно как 2140 рублей пошлины и за наем дома, он исходатайствовал сбавку в 18 153 марки с означенного долга.

Примечания

1

Это объяснение, очевидно, следует отнести к Новгороду Нижнему, а не Великому (*здесь и далее прим. перев.*).

2

Так в подлиннике, ошибкой, вместо 700, равно как ниже

3

Должно быть, ошибкой вместо «Ивановского»

4

Флетчер здесь, очевидно, смешал Московского князя Даниила Александровича с королем Галицким Даниилом Романовичем

5

Т. е. кремлем

6

Русские полагают, что венгерцы составляют часть германского народа, тогда как они происходят от гуннов, занявших насильно ту часть Паннонии, которая теперь называется Венгрией.

7

Т. е. с царским венцом («шапкой») и «святыми бармами», как сказано в чине венчания царя Феодора Иоанновича. См. Собр. госуд. грам. и договор., ч. II, № 51. Отсюда же заимствуем мы приводимые далее молитвы и другие места, напечатанные курсивом, ибо в подлиннике они, очевидно, переведены с русского, хотя с некоторыми опущениями.

8

Так названо приготовленное для царя место в «чине венчания».

9

Вероятно, столовая палата.

10

В подлиннике «вассалами».

11

Т. е. думного дьяка.

12

В подл. 8000

13

Исправления и дополнения этого списка (в скобках) сделаны по Середонину, *op. cit.*, стр. 218.

14

Или Приказ большого Дворца.

15

В подл. Hundred (сотни).

16

Флетчер говорит здесь о Строгановых (*прим. изд.*).

17

Так как предлагаемая здесь форма заимствована Флетчером, судя по означению самого года (1588) и собственных имен, из современной ему заемной кабалы, то мы почли долгом удержать в переводе и технические термины документов этого рода, вполне известные нам на основании множества дошедших до нас списков (ср., для примера, в «Актах юридических», изданных Археографич. Комиссией, СПб., № 232–256) (*прим. перев.*).

18

Так в подлиннике, вместо Иеремии, как действительно назывался патриарх Константинопольский.

19

В подлиннике «Priest quondam».

20

В подл. «Deacon», но из других мест видно, что Флетчер понимает часто под этим именем дьяка или дьячка.

21

В подл. «алтаря».

22

Т. е. Королевой Английской, Елисаветой.

23

Сбоку в подлиннике написано: «т. е. сожжению медленным огнем»